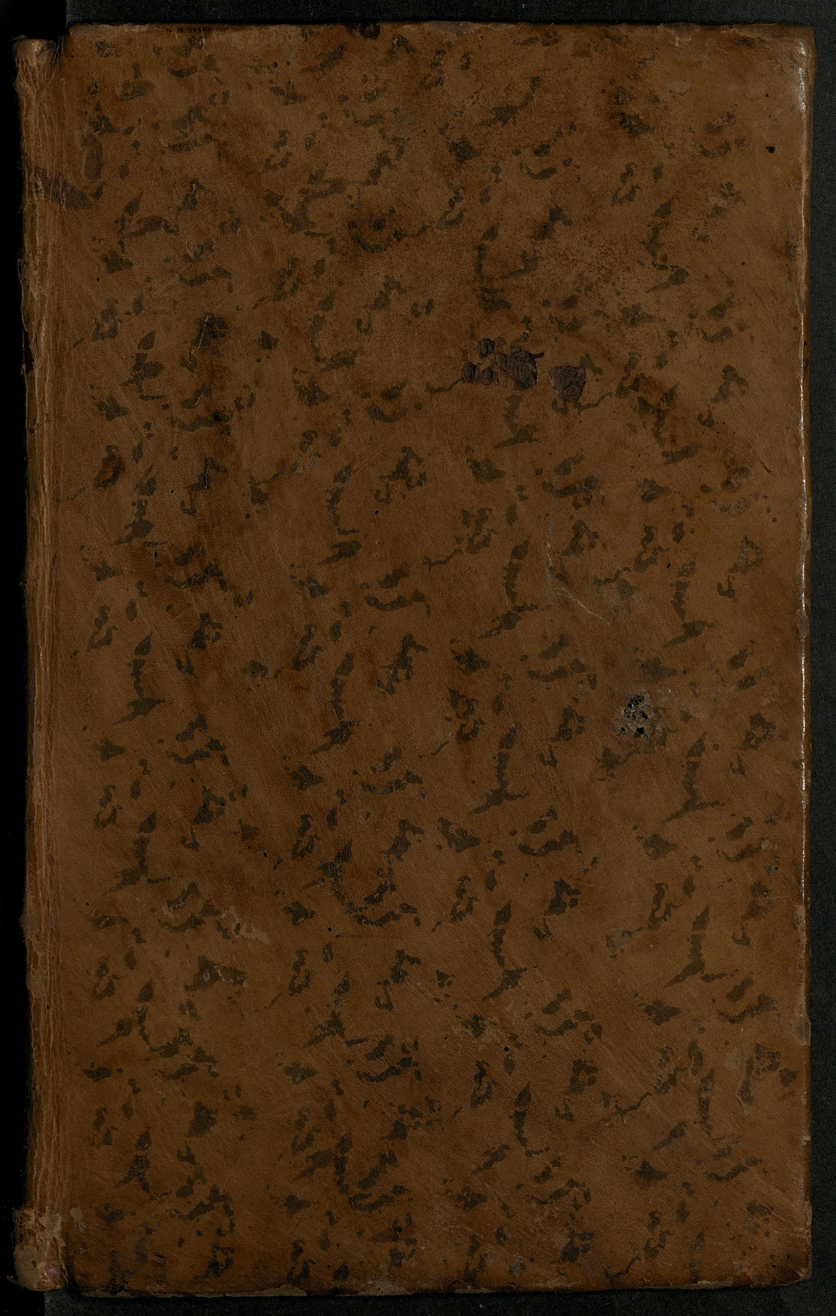
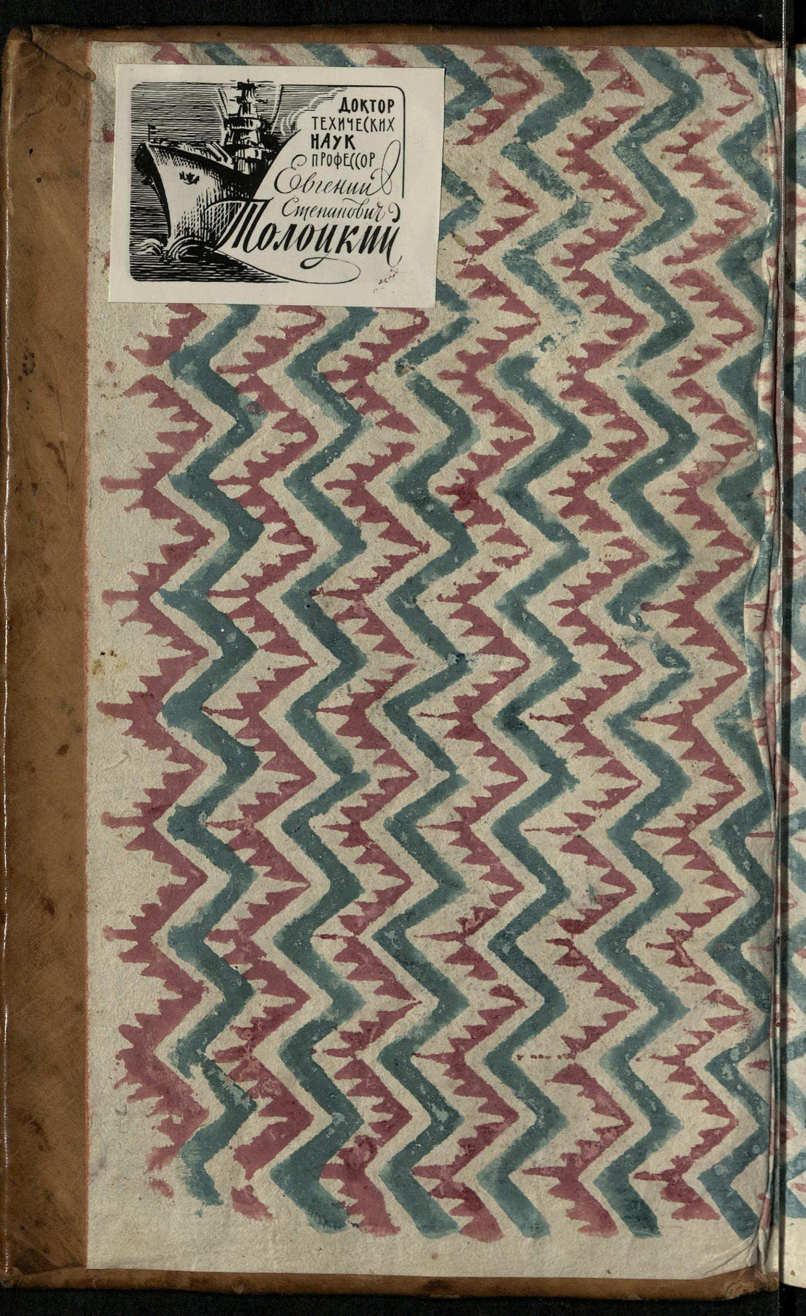

Доктор
технических
наук
профессор
Евгений
Степанович
Толоцкий

ВЕЧЕРА УЕДИНЕНІЯ,

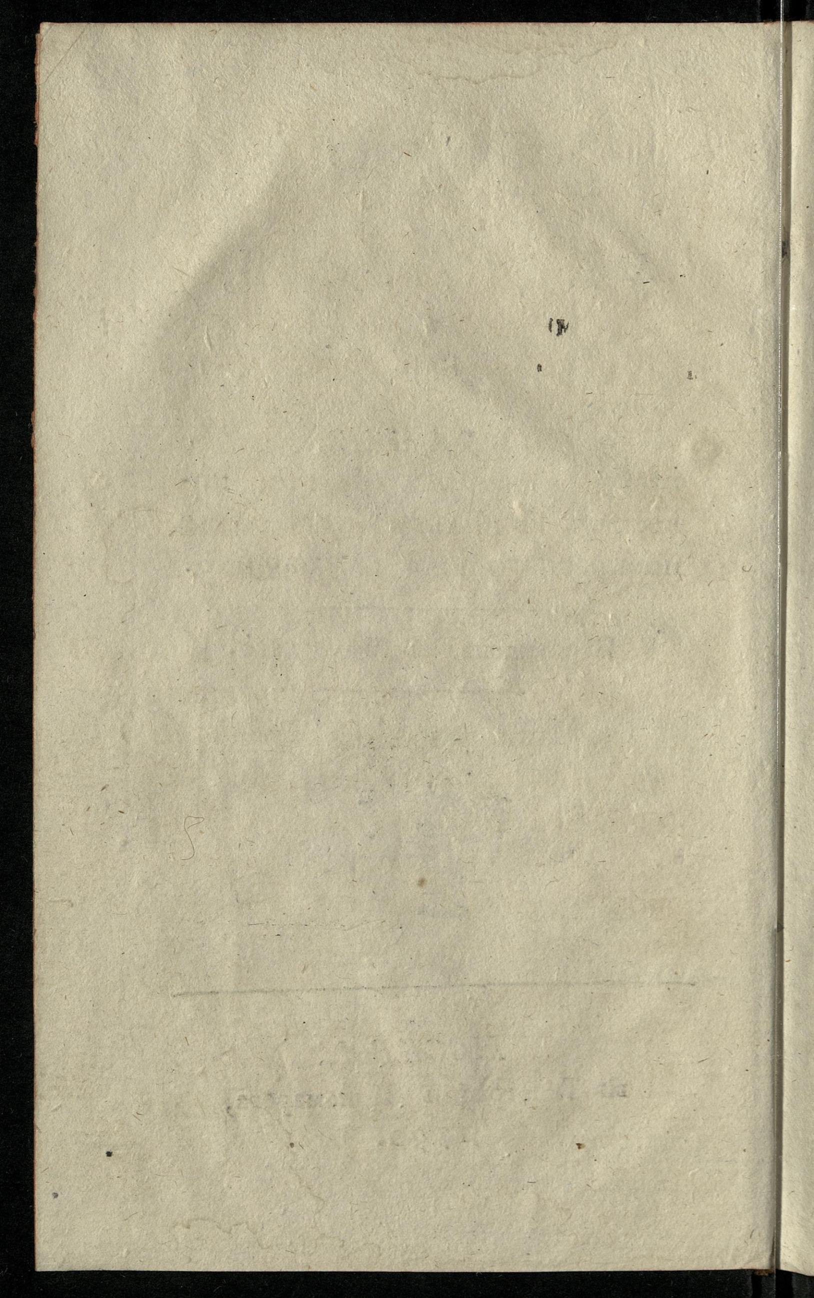
или

СОБРАНІЕ
нѣсколькихъ истинныхъ повѣстей, въ пользу и увеселеніе прекраснаго пола служащихъ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

МОСКВА,
въ Типографіи Пономарева,
1790.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Справедливо говорятъ, что несчастіе раждаетъ откровенность, а уединеніе, дѣлимое между многими равно свирѣпому рока гоненію подверженными, истинную дружбу и довѣренность. Ибо духъ нашъ стѣсненный печалію и обремененный множествомъ золъ, повсюду насъ преслѣдующихъ, по естественной наклонности ищетъ удалиться отъ свѣта, гдѣ каждый предметъ и, можно сказать, каждый шагъ напоминая ему о потерянномъ счастіи, раскрываетъ его почти еще свѣжія раны, и тѣмъ каждую минуту снова умножаетъ его мученія, которыя тѣмъ для него несноснѣе, что онъ повседневно принужденъ бываетъ видѣть презрѣніе однихъ, насмѣшки другихъ ненависть нѣкоторыхъ, а холод-

ность всѣхъ, изключая не многихъ, отъ которыхъ кромѣ словъ: *какъ ето жалко*, никакого вспоможенія онъ не находитъ. Чтожъ въ такомъ положеніи бѣдному человѣку дѣлать остается?... Бѣгать подобныхъ себѣ, оставить весь свѣтъ съ его прелестями, удалиться въ пустыню, жилище зверей дикое и безмолвное. — Но ахъ! печаль и уныніе, всегдашніе спутники горестей, и тамъ преслѣдуя его, не даютъ желаннымъ наслаждаться спокойствіемъ. Напоминаніе прошедшаго, воззрѣніе на будущее, представляющее безпрерывную цѣпь бѣдствій, удаленіе отъ человѣкъ, кои при всей своей злобѣ и несправедливости еще ему любезныи пріятны, и многія другія почти безчисленныя обстоятельства раздираютъ его сердце, извлекая изъ очесъ горкія слезы, повергаютъ въ

мрачную задумчивость, нерѣдко сопутствуемую самымъ отчаенiемъ.

Мучительное состоянiе!... Бѣдный человѣкъ! Онъ исторгается изъ рукъ одного тирана, дабы повергнуться во власть другаго, не меньше свирѣпаго и жестокаго, не меньше мученiя сердцу, сколь и душѣ причиняющаго. — — Но сколь жестоки и мучительны гоненiя превратнаго счастiя, столь милосердо и благосклонно къ намъ Провидѣнiе; оно не рѣдко исцѣляетъ сердечныя наши раны, подая намъ лѣкарство отъ нихъ же самихъ. Одинъ другъ, одинъ подобно намъ угнѣтаемый несчастiями, уже есть довольное средство къ облегченiю нашихъ печалей, и естьли когда, по пословицѣ, подобной подобнаго нашедъ радуется, то неоспоримо болѣе всѣхъ тогда сiе съ нами слу-

чается, когда страждемъ подъ игомъ бѣдъ и несчастія.

Не льзя сказать, чтобъ и счастіе не доставляло намъ друзей, однако же и то правда, что рѣдко истинныхъ. Здѣсь иныхъ привлекаетъ случай, другихъ достоинство, на которое мы возведены, иныхъ богатство и великолѣпіе, другихъ наша роскошь и мотовство; словомъ, много ласкателей, но нѣтъ, истиннаго друга, нѣтъ; ибо всѣ сіи ласточки живутъ только лѣтомъ съ нами вмѣстѣ, а каждый сѣверный вѣтръ заставляетъ ихъ прятаться въ свои норы, холодная же зима и совсѣмъ прочь отгоняетъ. Но въ бѣдности, когда счастіе, какъ бы въ насмѣшку намъ, отбирая отъ насъ пышныя титла и высокія достоинства, отъемля богатство и все, что льстило нашимъ чувствамъ, представля-

етъ насъ въ естественномъ нашемъ видѣ, сыскавшійся другъ, есть истинный другъ, который смотритъ на нравы и человѣчество, а не на счастіе, вешнему льду подобное. Здѣсь нѣтъ тѣхъ приманокъ, которыя привлекаютъ иногда къ намъ хищныхъ ястребовъ подъ видомъ невинныхъ голубей. Здѣсь откровенность тѣмъ вѣрнѣйшая, чѣмъ болѣе пріемлющіе участіе въ нашей судьбѣ сами удары противнаго счастія испытали.

Кто хочетъ узнать, сколь пріятно, весело и привлекательно общество таковыхъ друзей, узами несчастія, всѣмъ почти общаго, соединенныхъ, пусть прочтетъ сіи листы: ясно увидитъ, что никогда еще дружба и откровенность не являлись взору нашему въ томъ яснѣйшемъ и почтеннѣйшемъ видѣ, какъ здѣсь, а особливо между женщинъ, которыя зная наши критическіе

глаза и переговорки, стараются слабости свои скрывать, какъ возможно, лучше. Здѣсь представляется нѣсколько женщинъ, сколько благородныхъ въ своихъ чувствованїяхъ, столь же несчастную жизнь въ свѣтѣ проводившихъ. Они съѣхались на нѣсколько времени въ одинъ замокъ. Вообще печальной ихъ видъ родилъ въ каждой сожалительное любопытство, а довѣренность, которую одна изъ нихъ отважилась сдѣлать, родила во всѣхъ желаемую откровенность. Повѣсти ихъ суть живая картина ежедневно видимыхъ нами въ свѣтѣ примѣровъ, а обороты, которые онѣ имѣли въ жизни, самыя лучшїя правила какъ для дѣвицъ, такъ и для родителей нынѣшняго свѣта. Я желаю сердечно, чтобы прекрасной полъ возползовался симъ столько, сколько желаетъ того

Издатель.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ МАРІАННЫ Т....

Вечеръ первый.

Вы безъ сомнѣнія будете удивляться, начала говорить Маріанна, что я вамъ хочу разсказать мои приключенія, ибо я вамъ буду разсказывать мой стыдъ. — Но я уже давно вознамѣрилась понести за оной наказаніе; открывъ вамъ мои приключенія, надѣюсь посредствомъ моего чистосердечія раскрыть и вашихъ сердецъ тайны. Соединимся тѣснѣйшими узами, будемъ утѣшаться одна другою, поощрять въ непоколебимости въ исполненіяхъ нашихъ обѣтовъ, и съ соединенными силами отважнѣе противляться угрожающей намъ бурѣ.

Вамъ уже извѣстно, что я произошла изъ древняго поколенія Ф** ; о молодости моей я вамъ столько

объявлю, сколько потребно для показанія вамъ причинъ, побудившихъ меня оставить свѣтъ.

Родители обыкновенно радуются, когда имѣютъ хорошихъ дѣтей. Справедливо, что красивое расположеніе тѣла есть даръ небесный; но оное также есть источникъ тысячамъ несчастій нашего пола, ежели хорошее воспитаніе не истребитъ того впечатлѣнія, которое производимъ мы въ своемъ сердцѣ, увѣряясь внутренно о своей красотѣ. Родители мои много жили въ пространномъ свѣтѣ, и большую часть своего вѣка, когда я еще была малолѣтна, препровождали то въ Б***, то въ И*** или во Ф**, а меня оставляли въ своихъ деревняхъ, находящихся при Б***. Я немогу ихъ совсѣмъ обвинять, ибо они почитали себя довольно пекущимися о моемъ воспитаніи и спокойно живущими.

Въ нашемъ домѣ жила одна престарѣлая дѣвица Ф**, которая съ нами была въ сродствѣ. Родители мои приняли ее къ себѣ для того, что она была очень бѣдна и не имѣла ника-

кого другаго пристанища. Они думали, что она тѣмъ болѣе будетъ пещися о моемъ воспитаніи, что они были едиными только ея помощниками. Поелику и ей то было извѣстно, то хотѣла она такимъ образомъ со мною поступать, чтобъ нечего было ей опасаться быть изгнанною. И такъ воспитала она меня противнымъ образомъ.

Поелику я была единая дочь, то и думала она, что не иначе может утвердиться въ нашемъ домѣ, какъ ежели меня приласкаетъ и склонитъ на свою сторону. Она позволяла мнѣ все дѣлать, что мнѣ ни хотѣлось. Когда я не пристойно поступала со служителями и дѣлала надъ ними какія шутки, то называла она ихъ робяческими игрушками, изъ которыхъ никакой важности воспослѣдовать не можетъ. Когда же я съ ними поступала гордо и повелительно, то называла она сіе великостію духа, въ которомъ показывается дворянская кровь; обманы мои въ ея глазахъ были остроуміемъ, и клевета отраслями появляющагося разума. Когда

родители мои пріѣзжали въ деревню, то она столь излишнія имъ дѣлала обо мнѣ похвалы, что я въ началѣ сама отъ стыда краснѣла, но наконецъ начала вѣрить, что оныя въ самомъ дѣлѣ заслуживаю. По сихъ похвалахъ думали родители мои, наипаче любезная матушка, что не довольно меня любитъ, и исполняетъ мои прихоти. Къ сему еще и то присоединялось, что лице мое не было противно, и симъ умѣла старая моя надзирательница лучше ползоваться. Она почти всегда называла меня прекрасною Маріанною, земнымъ ангеломъ, чудесною дѣвушкою, и столь меня тѣмъ плѣнила, что она ко всему меня могла по своему желанію употреблять. Она въ молодыхъ своихъ лѣтахъ немного научилась дѣлать наряды и видѣла нѣсколько придворныхъ, находясь нѣкоторое время въ П***. И такъ дѣлала она для меня разные наряды, какіе нашивали во время Леопольда, и я почитала оные прекраснѣйшими, для того что лучше ихъ не видывала. Въ накалываніи чепца и прочихъ принадлежностей препровождала я по нѣскольку

часовъ. Стоя передъ зеркаломъ, осматривала себя со всѣхъ сторонъ, допускала ее дивоваться надо мною, и своею работою къ крайнему моему безумїю чрезмѣрно я восхищалась, когда она сзывала весь домъ, чтобъ и служители на меня дивовались.

И такъ вы легко можете заключить, что я была суетнѣйшая и глупая тварь. Когда другїя сосѣднїя барышни меня посѣщали, то я почти на нихъ не смотрѣла. Когда же притомъ бывали молодые дворянчики, то мнѣ весьма противно было, естьли кто нибудь изъ нихъ другой дѣвушкѣ дѣлалъ поклонъ, или казался предпочитающимъ ее; и никто не отваживался ко мнѣ приближиться, ежели сей мнимой Богинѣ не наболтаетъ много пустыхъ ласкательствъ. Никто не могъ поспѣшно исполнить мои повелѣнїя. Когда гости прогуливались въ саду, то располагала я по своему хотѣнїю услужливость сихъ молодчиковъ; одному приказала броситься въ прудъ, другому взлесть на высочайшее дерево; а за опасность, которой подвергало ихъ мое безумїе, довольно почитала ихъ

награжденными, есшьли когда удосшою кого нибудь изъ нихъ пріяшнымъ взглядомъ, иному позволю цѣловашь мою прическу.

Учишельница моя скоро сама возчувсшвовала слѣдсшвія ложнаго ея воспишанія. Когда она допускала дѣлашь всякія несшройносши надъ другими людьми, що вскорѣ я сама брала вольносши, посшупашь и съ нею сшолько неблагоприсшойно, сколько мнѣ похошѣлось. Сколь она ни сшаралась предупреждашь всѣ мои желанія, однако не было безъ шого, чшобъ мнѣ иногда чшо нибудь не показалось прошивнымъ. На примѣръ, ежели она долго медлила около моего убора, или малѣйшую причиняла мнѣ боль; шо я дѣлала ей многіе выговоры, а она не хошѣла и не смѣла на меня пожаловашься родишелямъ, опасаясь лишишься пропишанія.

Подъ симъ надзираніемъ досшигла я шѣхъ лѣшъ, въ кошорыхъ счасшіе женского пола на всю жизнь обыкновенно супружесшвомъ опредѣляешся.

Я довольно имѣла жениховъ, ошъ часши по шому, чшо они надѣялись

получить богатое приданое, а частію и лице мое было плѣнительно. А поелику я была воспитана въ деревнѣ, то никто изъ любовниковъ моихъ, живущихъ въ З****, гдѣ я уже тогда находилася, не знали моего нрава. Между сими сыскался превосходнѣйшимъ К*** Т***, который по причинѣ своего хорошаго роста и почтительности, лучше всѣхъ мнѣ понравился; ибо что я въ себѣ находила драгоцѣннѣйшимъ, то конечно сїежъ самое и въ другихъ таковыхъ почитать долженствовала. Въ слѣдствїи узнала я и превосходныя его качества, которыя тогда мнѣ неважными казались; но не взирая на то, что онъ мнѣ нравился, было нѣкоторое обстоятельство, удерживающее меня дать ему свою руку. Онъ не имѣлъ счастїя быть природнымъ сыномъ, и потому всѣ деревни достались его старшему брату. Изъ сего слѣдуетъ, что наслѣдство его не могло быть столь пышно, сколько потребно было для моей суетности и тщеславїя. Но другое напротивъ того обстоятельство ускорило мое съ нимъ сочетанїе.

Поелику я въ деревнѣ была домашнею хозяйкою, и госпожа Ф** принимала и исполняла мои повелѣнія, то и не привыкла я слушаться своихъ родителей, которые тогда лучше меня разсмотрѣли, и то и другое имъ во мнѣ не нравилось. Они мнѣ о томъ дѣлали выговоры, а я того не могла сносить. Поелику я не вмѣстѣ съ моими братьями взросла, которые въ Езуитскихъ училищахъ были воспитаны: то казались они мнѣ чужими, и я почитала ихъ также любовниками, ставившими себѣ за честь исполнять мои повелѣнія. Но они столь мало имѣли къ тому охоты, что напротивъ того усмотрѣвъ скоро мои ошибки, мнѣ оныя представляли, смѣшные мои поступки передразнивали, и тѣмъ мнѣ доказывали, что я не вездѣ могу быть повелительницею. Сія подвластность возбудила во мнѣ желаніе къ вольности, или паче къ такому состоянію, въ которомъ бы я была главною особою и могла бы повелѣвать. Сіе состояніе почитала я въ супружествѣ; ибо я себѣ супруга не иначе представляла, какъ подъ видомъ

любовника, и положимЪ, думала я, что онЪ похочетЪ освободиться отЪ моихЪ цѣпей; развѣ не довольно я имѣю прелестей, посредствомЪ коихЪ могу его приковать кЪ торжественной моей колѣсницѣ.

О любезныя прїятельницы! для всѣхЪ воспитателей знатныхЪ дѣтей должно быть златымЪ правиломЪ, чтобЪ своихЪ питомцовЪ, долженствующихЪ когда либо повелѣвать, научили повиноваться; чтобЪ не прежде имЪ внушили мысли о ихЪ знатности, какЪ они уже довольно будутЪ имѣть разума, чтобЪ не ослѣпиться своимЪ родомЪ; и что Баронской сынЪ и самЪ ПринцЪ, а паче тѣ, которые нѣкогда долженствуютЪ управлять жребїемЪ другихЪ, невеликолѣпнѣе должны быть воспитаны, какЪ и прочїе гражданскїе дѣти.

Но я обратно приступлю кЪ моей повѣсти. — КапитанЪ Т... получилЪ мою руку. На первыхЪ дняхЪ нашего супружества все было хорошо, какЪ обыкновенно при всѣхЪ супружествахЪ бываетЪ, а паче вЪ тѣхЪ, которыя единственно на

чувствованіяхъ основаны. Однако весьма скоро открылось предъ нимъ мое честолюбіе и суетность, которыя не допустили его долго спокойствіемъ наслаждаться; тому былъ причиною слѣдующій случай:

Вы знаете, что въ В*** великое множество людей, которые всѣ приписываютъ себѣ Дворянство, такъ что можно бы подумать, что тамъ дворянство не въ великомъ находится почтеніи. Но для сего самаго имѣютъ тамъ строгое наблюденіе, и дворянство раздѣлило себя на классы, коихъ предѣлы съ точностію означены. Поелику я была изъ перваго класса, то и хотѣла я предъ всѣми блистать, хотя знакъ мой того не дозволялъ, но происхожденіе рода давало мнѣ право. Капитанъ противополагалъ мнѣ малой свой доходъ и обнадеживалъ меня будущимъ своимъ полковничествомъ; однако я до тѣхъ поръ не увѣрилась, покамѣстъ столько прославилась, что могла иногда быть въ обществахъ.

Въ началѣ положила я каждой мѣсяцъ одинъ разъ въ оныя появляться,

для того, что Капитан лучше всѣх мущин еще мнѣ казался. Но я посредством рѣдкаго моего посѣщенія обществ распространила мое знакомство; и около меня весьма много увивалось Офицеров и других дворян, для того что скрытое мое до того времени в деревни лице казалось им нѣкоторою новостію, или — как я тогда сама заключала, — что красота моя на подобіе магнитнаго камня их ко мнѣ привлекала. Они со всѣх сторон меня окружая, ласкательнѣйшія говорили слова, так что я скоро себя почла богинею обществ. И потому не довольно мнѣ было одной жертвы в мѣсяц. Я хотѣла по крайней мѣрѣ каждую недѣлю наслаждаться куреніем, мнѣ приносимым. Капитан представлял мнѣ, что он непремѣнно должен раззориться, естьли я упорно буду стоять в сих моих поведеніях; а когда я не могла опровергать его причин, то возражала я ему своими слезами и попреками, над которыми он не мог одерживать побѣды. И так старался он другим путем достигнуть своего предмѣта.

Однимъ утромъ пришелъ онъ въ мой покой съ смущеннымъ лицемъ, имѣявъ рукѣ бумагу. Любезная Маріанна, говорилъ онъ, я получилъ повелѣніе отъ моего Полковника, чтобъ явиться въ Богемію къ своей ротѣ. Двойныя издержки на домашніе расходы я не въ состояніи имѣть; и потому ты рѣшись со мною ѣхать, Хотя тебѣ и не понравится, но ты по любви ко мнѣ сіе исполнишь! Не такъ ли любезная Маріанна? Онъ при сихъ словахъ столько былъ пріятенъ и ласковъ, и взявши мою руку съ такою горячностію къ себѣ принималъ, что кажется я и теперь еще то чувствую, и никогда не могу себѣ простить за ту непристойность, съ которою я съ нимъ поступала. —— Но что мнѣ было дѣлать? Я препроводивъ его до Е***, весьма въ немъ обманулась; тысящекратно называла его тираномъ и за скуку и недостатокъ въ обожателяхъ въ Е.**** хотѣла я ему отмстить; онъ столько симъ смущался, что почти совсѣмъ себя изнурилъ.

Устремите на меня взоры ваши, любезныя! почитайте всегда во мнѣ

чудовище, а то заслужила! —— Однако я должна вамъ еще нѣчто сказать, что вамъ уже нѣсколько и открыла, о безпримѣрныхъ моихъ поступкахъ. Не подалеку отъ нашихъ деревень, находящихся въ Т***, имѣлъ Графъ П*** и свои, а потому бывъ намъ знакомъ, посѣщалъ насъ, когда мы были въ В.*** Сей казался ревностнѣйшимъ изъ моихъ почитателей, и онъ былъ мнѣ прiятнѣе всѣхъ для того, что много набалтывалъ ласкательствъ. На канунѣ нашего отъѣзда въ Е*** пошелъ мужъ мой прощаться съ нѣкоторыми своими друзьями; а симъ временемъ воспользовался Графъ П***, чтобъ со мной проститься. Онъ казался совсѣмъ смущеннымъ, и говорилъ, что В*** лишается моей особы, и что такая красота должна быть погребена въ Богемскихъ горахъ. А паче всего приводило его то въ отчаянiе, что я и въ В*** могла также быть спокойною.—

Какъ? я? —

Точно такъ, и господинъ Т*** тоже! —— Но простите меня, Ангелъ

мой! Я уже много выговорилъ и не смѣю больше ничего говорить.

Безъ сомнѣнія любопытство мое при семъ усугубилось. Онъ долго мнѣ противился и дѣлалъ тысячу отговорокъ. Я больше въ томъ усиливалась, и онъ весьма былъ искусенъ въ воспламененіи во мнѣ большаго любопытства.

Вы не безъ причины сего отъ меня узнать желаете! Какъ? чего вы требуете? Развѣ мнѣ у васъ купить сію тайну? — Ну Графъ, скажите же мнѣ! —

Естьли бы вы — —

Безстыдной!

Вы гнѣваетесь на искреннѣйшаго вашего друга, которой ничего больше не желаетъ, какъ только на прощанье удостоиться васъ поцѣловать?

Я чрезмѣрно обрадовалась, что желаніе не далѣе сего простиралось. Ибо, о Боже! любопытство мое столь было велико, что я.... Любезныя пріятельцы, кто въ насъ можетъ взволновать наши страсти, поведетъ насъ такъ, какъ младенцовъ водятъ на помочахъ, куда самъ похочетъ. —

Я узнала ту ужасную тайну, которая была источникомъ всѣхъ моихъ варварскихъ поступковъ противъ моего мужа въ Е*** и послѣдующихъ развратностей. Вотъ она! — Мой мужъ самъ старался получить отъ военнаго совѣта повелѣнïе, чтобъ явиться ему къ своему полку, ибо онъ другаго средства не зналъ меня удалить изъ В***.

Сïе происходило въ 1756 году весною, а осенью сего года открылась третья Шлезская война; а Капитанъ, мужъ мой, которой также долженъ былъ итти въ походъ, велѣлъ мнѣ остаться въ Е***, для того, что тамъ могла я быть безопаснѣе. Онъ ко мнѣ возвратился на зимовыя квартиры, и опять меня тамъ оставилъ, когда въ слѣдующïй годъ опять походъ начался. Всѣ мои мысли стремились въ В***, и я денно и ночно думала, какимъбы образомъ мнѣ туда дорваться.

Наконецъ вымыселъ Прусаковъ и случившееся сраженïе за нѣсколько часовъ ѣзды отъ Е*** подали мнѣ поводъ къ бѣгству, для того что вся-

кой спасался. Я отписала къ моему мужу, извиняясь предъ нимъ опасностїю, и открыла ему, что я съ прочими Офицерскими женами отправилась въ В***.

Съ самаго того времени я его не видала. Ахъ! какъ могу я перенесть остатокъ моей повѣсти до самаго вступленїя въ сїи стѣны! Не смотрите на меня столь стремительно! Я должна закрыть лице мое завѣсою, ежели теперь буду продолжать мою повѣсть! — Ахъ! нѣтъ! любезныя прїятельницы, оставьте меня въ покоѣ, извините мое смятенїе; оно есть слѣдствїе истиннаго раскаянїя. Завтре въ вечеру мы опять соберемся вмѣстѣ, и я собравъ всю твердость духа, постараюсь окончить мою повѣсть.

Вечеръ второй

Какъ я прибыла въ В***, начала продолжать на другой вечеръ Маріанна, на другой день почитала я себя въ совершенной вольности и самовластительницею, и потому только о томъ и помышляла, какъ блистать въ обществахъ, чтобъ тѣмъ удовольствовано было мое тщеславіе.

Но величайшее мое затрудненіе состояло въ томъ, что надлежало имѣть то, чѣмъ можно дѣлать таковыя издержки.

Вы удобно можете заключить, любезныя, что Графъ П*** скоро ко мнѣ явился. Онъ благословлялъ — какъ то по его словамъ — выдумку непріятелей, которая В*** паки возвратила ея Богиню. Сколь неспособнымъ и продолжительнымъ казалось ему теченіе минувшей зимы; противъ оной Гретландская зима можетъ назваться пріятнымъ вешнимъ днемъ. — Много еще сему подобныхъ лстивыхъ словъ были имъ употреблены. Теперь я не

понимаю, какъ могла я тогда одну минуту слушать такой вздоръ.

Примѣтивъ нѣкоторые признаки моей склонности, предлагалъ онъ мнѣ разныя увеселенія, чтобъ — какъ онъ сказывалъ, — разсѣять мою печаль объ отсутствіи моего супруга, и боязнь о его опасности, которой онъ подверженъ. Прочія Офицерскія жены поносили меня въ семъ моемъ легкомысліи, и онѣ имѣли совершенную въ томъ справедливость. Но тогда толковала я себѣ сіе ихъ наблюденіе моихъ поведеній дѣйствіемъ ихъ зависти, что я получала предъ ними преимущество отъ богатаго и знатнаго Графа, и тѣмъ безумнѣе ихъ, имѣла обхожденіе. Но къ извиненію моему служитъ только то, что онъ до сего времени еще не дѣлалъ справедливыхъ требованій и довольно наблюдалъ предѣлы высокопочитанія. Напротивъ того съ лучшею удобностію онъ надо мною восторжествовалъ, чѣмъ менѣе я была въ готовности ему противиться.

Вы знаете, любезныя мои пріятельницы, что славная наша Марія

Терезія, по многихъ несчастныхъ сраженіяхъ, выиграла наконецъ при Коллистѣ, и сія побѣда произвела въ государствѣ важныя слѣдствія. Сіе было причиною чрезмѣрной радости, и тѣ самыя Офицерскія жены, которыя до сего времени столь жили скромно, позволили себѣ бытъ въ вольномъ маскерадѣ прежде еще меня.

За день предъ симъ привезъ мнѣ Графъ П*** драгоцѣнную Султанскую маску; я довольно чувствовала, что мнѣ оную принять не должно, но она была съ лишкомъ прекрасна. —— Она, думала я, весьма пристанетъ къ моему росту, и суетность моя принудила меня оную принять, хотя съ начала въ принятіи оной противилась, и даже притворилась негодующею; что Графъ желалъ мнѣ дѣлать такіе подарки. Но онъ всегда начиналъ говорить о другихъ вещахъ, чтобъ тѣмъ показать, будто бы нечаянно забылъ сіе платье, а я не имѣла той отважности, чтобъ ему о томъ напомнить.

Однако чувствованія чести еще столько имѣли надо мною власти,

что я на другой день надѣла одинъ только домино, хотя мнѣ то и много труда стоило; какъ онъ за мною пріѣхалъ, и не увидѣвъ на мнѣ маскераднаго платья, притворился изумленнымъ и смущеннымъ.

„Я васъ свезу, говорилъ онъ мнѣ, но позвольте, чтобъ я тотчасъ отшуда уѣхалъ, и прикажите, когда за вами должна пріѣхать карета. Мнѣ несносно будетъ видѣть радость мою, которую я думалъ имѣть честь видѣть Султаншею и Королевною собранія, въ столь великомъ смущеніи. — Потомъ наклонивъ онъ голову къ рукѣ своей, казалось, что хотѣлъ плакать. — Я ушла и скоро возвратилась Султаншею.

Отъ сего радость его вышла изъ предѣловъ, ибо къ чему бы не подавало надежду сіе мое удовлетвореніе его желаніямъ? — Вотъ прекрасная моя султанша! да падутъ всѣ предъ вашими ногами, да кланяются вамъ и почтутъ себѣ за честь быть вашими рабами. — Ахъ! сколько тотъ счастливъ, которой удостоится быть вашимъ Султаномъ.

Сїе бы долженствовало въ глазахъ моихъ открыть его намѣренїе, естьлибы я не была совершенно ослѣплена. — На балѣ плясала я безмѣрно, и чѣмъ больше я разгорачивалась, тѣмъ стремительнѣе приносилъ онъ мнѣ для прохлажденїя всякаго рода напитки. Но либо сїи прохладные напитки того вечера лишились своего дѣйствїя, или мѣшалъ онъ съ ними еще горячаго питья; довольно, что я во всѣхъ жилахъ своихъ чувствовала огонь.

Къ разсвѣту проводилъ онъ меня домой и приведши въ мои комнаты, въ короткое время удалился; но съ лицкомъ вольные мои поступки въ маскерадѣ, а особливо привязанность Графа ко мнѣ привлекла всѣхъ вниманїе, и какъ обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ бываетъ, не только не преминули толковать все сїе въ весьма худую сторону; но еще сыскались нѣкоторые друзья моего супруга, кои или по неосторожности, или по злости увѣдомили его обо всемъ происходившемъ гораздо болѣе, нежели какъ было. Спустя нѣсколько недѣль по-

лучила я отъ него письмо, которое всегда, какъ стрѣлу, въ груди моей сохраняю при себѣ.

Недостойная!

Позоръ твой мнѣ извѣстенъ; отнынѣ лишалась ты такого супруга, котораго ты не стоила. Продолжай погружаться въ сїю бѣздну, покамѣстъ совѣсть твоя не пробудится. Меня жизнь больше не прельщаетъ и повсюду буду искать смерти. И такъ живи благополучно, ежели можешь — на вѣки! Меня ты болѣе не увидишъ, и ни какого извѣстїя больше обо мнѣ не получишь, какъ только то, что умеръ твой

бывшїй супругъ
Г***.

Чтоже я дѣлала послѣ моего приключенїя, а паче по полученїи сего письма, того не могу вамъ разсказать, и вы также, любезныя, того не можеже вообразить. Искуситель мой удалился изъ В***, ибо изъ написанной отъ меня къ нему записки усмотрѣлъ онъ,

чего ему должно страшиться; но гдѣ онъ ко мнѣ предстанетъ.

Наконецъ 5 Декабря сего мнѣ столь страшнаго 1757 года сидѣла я послѣ обѣда въ моемъ покоѣ, погружена въ моихъ горестяхъ, какъ вдругъ нѣчто меня на подобіе ядра ударило въ грудь; и недѣлю спустя получила я извѣстіе, что мужъ мой послѣ обѣда на сраженіи при Никѣ былъ убитъ ядромъ.

Тутъ твердое приняла я намѣреніе удалиться въ сей замокъ и оплакивать во уединеніи мои несчастія, коихъ не столько была причиною моя распутность, сколько болѣе мое худое воспитаніе, а притомъ вѣтреность, молодымъ лѣтамъ сродная. Симъ окончила Маріанна свою повѣсть; пріятельницы ея сидѣли еще долгое время въ глубокомъ размышленіи о сихъ приключеніяхъ; старались ее утѣшить, и потомъ наполненны мыслями разошлись по своимъ комнатамъ, чтобъ на другой день опять возвратиться.

Вечеръ третій

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

АГАФІИ.

Повѣсть моя, начала говорить Агафія, хотя и коротка но неменѣе жалостна. Мое отечество также Т***. Я родилась въ замкѣ М***, которой принадлежалъ моимъ родителямъ.

Воспитаніе мое не имѣло никакой отличности. Я возрастала, какъ обыкновенно, и въ лучшемъ моемъ образованіи долженствовала пещись природа, которая меня и одарила нѣжнымъ сердцемъ.

Какъ я начала чувствовать, весьма понравился мнѣ нѣкоторой господинъ Ц***, которой и мнѣ дѣлалъ отличное почтеніе; но онъ имѣлъ только еще Поручитской чинъ, и мы положили ожидать съ терпѣніемъ, покамѣстъ обстоятельства намъ возблагопріятствуютъ. И потому не совершенно предались мы любви, и взаимныя наши чувствованія подобились

тихому ручью, спокойно между своихъ береговъ текущему. Но какъ сей начинаетъ журчать и дѣлаться шумнѣе, когда бросаемыми въ него камнями и кольями прерываютъ его теченіе: равнымъ образомъ и любовь наша начала превышать свои берега, когда одинъ мущина сталъ намъ препятствовать, которой и лишилъ насъ спокойнаго ожиданія будущаго брака.

То былъ господинъ И***, возвратившійся въ то время по сдѣланнымъ своимъ путешествіямъ въ знатнѣйшія Европейскія государства изъ Парижа.

Сельское поведеніе и нравы и свѣжей цвѣтъ лица, которой находятъ въ сельской дѣвушкѣ, обыкновенно великія составляютъ прелести для тѣхъ господъ, которые пріѣзжаютъ изъ пространнаго свѣта, гдѣ всѣ женщины по одному подлиннику слѣдуютъ, природныя черты лица подъ разными примасками скрываютъ и столь сами разслаблены, что съ трудностію отъ одного стула къ другому переходятъ. И такъ истинная природа, которую сей путешествовавшій господинъ нашелъ въ Т** ской долинѣ,

его прельстила, для того, что онъ давно уже истиннаго ея образованія въ столицахъ свѣта не видѣлъ.

Любезной мой Ц***, и я часто имѣла свое увеселеніе на щетъ сего глупца. Ибо чего было намъ страшиться, чтобъ онъ намъ сдѣлался опаснымъ? Ц*** могъ быть совершенно спокойнымъ, что Б*** никогда у него не похититъ Агафіино сердце, и мы радовались, когда онъ къ намъ приходилъ; для того, что разговоры наши о смѣшныхъ его поступкахъ составляли намъ пріятной вечеръ. — Господину Б*** также не противенъ былъ мой любезной Порущчикъ, и впадшіе его глаза всегда нѣсколько выпучивались, когда онъ его въ домѣ нашемъ заставалъ; ибо онъ его почиталъ таковымъ человѣкомъ, надъ которымъ онъ получалъ случай оказывать свое остроуміе. Онъ даже хотѣлъ на себя принять трудъ, чтобъ пареобразовать моего любовника, которой еще хуждшимъ и неуклюжимъ прежняго притворялся. Когда Б*** хотѣлъ его учить и для примѣра показывалъ, какимъ образомъ въ Па-

рижѣ при отходѣ дѣлают Дамѣ поклонъ, то Ц*** притворялся немогущимъ стоять на вывороченныхъ ногахъ, и тащилъ измерщвленнаго своего учителя съ собою на полъ.

Онъ и мнѣ хотѣлъ давать поученія о свѣтѣ и его поведеніи, выхвалялъ тонкость нравовъ, которой онъ на путешествіяхъ изучился. Я ему столько же похвалъ природы противуполагала, такъ что разговоры наши были вѣчною ссорою. Мать моя обыкновенно держала сторону Б***, а Ц*** безъ сомнѣнія всегда меня заступалъ.

Б*** хотя и великое число денегъ растощилъ на своихъ путешествіяхъ, однако онъ былъ еще весьма богатъ. И по сей причинѣ, какъ онъ по немногу началъ подавать такіе признаки, что рѣшится сдѣлать меня рукой своей счастливою; то мнѣніе родителей моихъ встрѣтилось съ его мнѣніями, и они весьма ясные показывали знаки, за сколь великое счастіе почтутъ сіе сочетаніе. Но можетъ быть онъ нестоль бы скоро открылъ свое намѣреніе — или бы хо-

тѣлъ испытать, не можетъ ли достигнуть своего намѣренія безъ сего, что я заключала изъ многихъ его предпріятій, а паче изъ представляемыхъ мнѣ хорошихъ причинъ, которыя онъ старался въ меня вперить, естьли бы обстоятельство вдругъ не перемѣнило свой видъ.

Вы подумаете, любезныя пріятельницы, что я никогда не уклонялась отъ пути добродѣтели, но —— теперь, при семъ я непремѣнно отъ стыда закраснѣю —— я позволяла иногда любовнику моему не большое лобзаніе, которое мнѣ тогда казалось невиннымъ. Какъ онъ нѣкогда пришелъ къ намъ, и не нашедъ меня въ покояхъ, побѣжалъ въ садъ, гдѣ и засталъ меня прогуливающуюся съ моимъ Ц***, которой меня обнялъ. Сіе зрѣлище возмутило его желчь, что такой неотмѣнной деревенщина, которой не видалъ золотой кровли, хочетъ прилѣпиться къ той дѣвушкѣ, которая достойна имѣть мужемъ столько свѣтскаго человѣка.

Что онъ родителямъ моимъ сказалъ, того я не знаю; но что онъ

насъ оклеветалъ, то я заключила изъ сего, что другу моему запрещено было отнынѣ ходить въ нашъ домъ. Безъ сомнѣнія сдѣлался онъ мнѣ чрезъ сїе гораздо любезнѣе, для того, что онъ за меня претерпѣвалъ, и съ самаго того времени не имѣла я ни одной прїятной минуты. Меня принуждали и усиливали, чтобъ я дала руку свою Барону, и къ понужденїю къ тому употребляли угрозы и ласковыя слова.

Въ сихъ печальныхъ перемѣнахъ прошелъ цѣлой годъ. Вдругъ не стала я получать писемъ отъ Ц***, и тутъ овладѣла мною ужасная боязнь, неслучилось ли съ нимъ что нибудь. Въ одинъ день, послѣ обѣда вошелъ Капуцинецъ въ мой покой, изъ котораго я во все сїе время рѣдко выходила. Видъ лица его изображалъ печаль, изъ коей я ничего добраго себѣ не предчувствовала. Онъ началъ говорить о судбинѣ Божїяго провидѣнїя, и что волѣ онаго надлежитъ съ терпѣнїемъ повиноваться.

„Отче честный! вы конечно имѣете мнѣ сказать что нибудь,

къ чему меня хотите предуготовить? Сказывайте, — хотя бы то было ужаснѣйшее дѣло.

Хотя бы кто и умеръ; котораго вы почитаете?

О небо! онъ умеръ; любезный мой Ц*** умеръ!

Я еще того не сказалъ. —

,,Но вы пришли, чтобъ меня о томъ увѣдомить; подлинно такъ! точно! онъ умеръ! —

Ежели то и правда, что небо прекратило его жизнь, то ожидаю я отъ васъ, что вы, яко истинная Христіанка, съ терпѣніемъ то снесете.

Потомъ многими обстоятельствами началъ онъ мнѣ разсказывать, что Ц*** впалъ въ горячку, которая и прекратила его жизнь. Я не хочу описывать вамъ мою скорбь, но объявляю вамъ, что сей Капуцинъ нашелъ средство понемногу меня успокоить; и съ того времени часто меня посѣщалъ и своими мнѣ представленіями о моей должности и надлежащемъ къ родителямъ повиновеніи, довелъ меня до того, что я обѣща-

ла руку мою Б***. Больше всего онъ меня убѣдилъ тѣмъ, представляя, что смертію Т*** открыло мнѣ небо свою волю, что ему противно сочетаніе мое съ нимъ, и что опредѣлено мнѣ соединиться съ тѣмъ, котораго для меня родители мои избрали.

И такъ я несчастная жертва поведена была предъ олтарь. Я лучше бы желала итти тогда къ гробу; какъ будто бы предчувствовала свой рокъ. Нѣсколько недѣль послѣ моего брака почувствовала я во всѣхъ моихъ жилахъ распространившейся ядъ. Я совсѣмъ истощилась и смертная блѣдность покрыла лице мое. Родители мои сего не пугались. По тщетномъ испытаніи всѣхъ средствъ къ открытію моей болѣзни — могъ ли врачь вообразить себѣ о истинной моей болѣзни? — онъ узналъ, что я заражена.

Сколь ни ужасна сія немощь для молодой и безвинной жены, однако не отваживалась я совершенно оказывать своего прискорбія. Ибо родители мои почти предались отчаянію,

что принудили меня къ столь несчастному супружеству. И потому много труда мнѣ стоило, скрывать мои чувствованія. Однако я отъ сего не столько страдала, сколько о томъ извѣстіи, которое мнѣ тайно открыла одна откровенная подруга, что смерть Ц***ва вымышлена. Тутъ присоединилась къ первой моей болѣзни еще горячка, въ припадкахъ коей я дѣлала родителямъ моимъ жесточайшія укоризны, что они предали меня въ руки богатаго злодѣя. Я еще и теперь удивляюсь, какъ я могла отъ сихъ болѣзней выздоровѣть.

Недостойный мой мужъ, какъ скоро узналъ о подлинности моей болѣзни, отъ меня уѣхалъ. А поелику я по законамъ не могу съ нимъ быть разведена, то не оставалось мнѣ ничего больше предпринять, какъ только оплакивать свою судьбину въ уединеніи отъ такого свѣта, въ которомъ столь краткое мое бытіе весьма несчастливо.

„Справедливо, что вы были весьма несчастливы, говорила *Викто-*

рїя; но вы обязаны благодарностїю терпѣливому и тихому вашему сложенїю, что могли духъ свой успокоить. Любовь ваша къ господину Ц*** не была изъ числа жесточайшихъ, которыя небо и адъ поколебать стараются; а что вы могли согласиться на сопряженїе съ непотребнымъ Б***, доказываетъ, что сердце ваше не было потрясаемо страстями. —— Но представьте себѣ дѣвушку жарчайшаго сложенїя, волнуемую жесточайшими чувствованїями, находившую величайшїя препятствїя при глубоковкорененной въ ней любви и при самомъ усмотрѣнїи сихъ препятствїй совсѣмъ воспаляющуюся; представьте себѣ, что она пострадала! Но слава Богу, теперь страданїя сїи минулись; огонь утушенъ, разлившїяся чувствованїя вошли паки въ свои берега и духъ ея наслаждается теперь такимъ спокойствїемъ, коимъ она одолжена какъ возрастающимъ ея годамъ, но больше тихому разсмотрѣнїю самой себѣ, къ которому ободрили ея уединенїе и дружество.

„И сія то до сего столь неукротимая дѣвушка — Я! — О! Когда обращаю взоръ свой къ препровожденному мною въ свѣтѣ житью — укрывалась бы я отъ послѣдней мухи, что я столь была бѣшена и роптала на провидѣніе, для того что оно не благопріятствовало моимъ желаніямъ, и наконецъ должна я признаться, что оно доброе противъ меня имѣло намѣреніе. Но вотъ мы каковы! Мы всегда счастіе свое поставляли во исполненіи нашего желанія, какъ будто бы Богъ не можетъ насъ сдѣлать счастливыми тысячью другими путями, и сіе то мы особливо дѣлаемъ въ любви. — Сіе есть единое желаніе, увѣряемъ мы себя, которое сдѣлать можетъ насъ счастливыми, какъ будто бы въ цѣломъ свѣтѣ не нашлось тысячи такихъ, въ которыхъ спокойное и терпѣливое изслѣдованіе тѣже самыя дарованія, которыя имѣетъ обожаемой нами любовникъ, или которыя мы ему приписываемъ, въ короткое бы время намъ открыло, естьли бы мы только были въ состояніи возложить на себя сіе спокойное изслѣдованіе —

или есть либы тѣ прямо намъ полюбили ь, коихъ хорошія свойства и насъ бы также сдѣлали счастливыми.

Но нравоученія суть безсилны въ молодыхъ людяхъ, увѣрявшихъ себя о истиннѣ воображаемой себѣ вещи и почитающихъ за глупость слушать представленіи другихъ. Что пользы тому, предъ глазами котораго находится туманъ, говорить, и смотри по ту сторону тумана, ты тамъ увидишь много въ не обычайномъ блескѣ, которой ты почитаешь погруженнымъ о облакахъ! ,,туманъ не проницаемъ и большая часть страстей паче въ людяхъ, имѣющихъ огненное сложеніе неизцѣльны.

Сіе вступленіе, мои любезныя! сдѣлаетъ васъ нѣсколько любопытными къ моей повѣсти. Я оную какъ можно сокращу и теперь же ее начну, сколько нынѣ на то достанетъ времени. Но лишь только она сіе обѣщала, какъ вдругъ въѣхали въ вороты замка четыре кареты изъ В***. Это были старыя ея пріятельницы, которыя препровождая время между шумными городскими веселіями, когда

оныя имъ наскучатъ, воспоминали иногда и объ Маріаннѣ, и пріѣзжали къ ней на нѣсколько часовъ для препровожденія времени.

Вечеръ четвертый.

Въ четвертый вечеръ по своему обыкновенію собравшись въ одну комнату сіи любезныя и тѣсною дружбою межъ собою соединенныя пріятельницы, начали сперва свой разговоръ о вчерашнихъ гостяхъ, посѣтить ихъ удостоившихъ, и, какъ обыкновенно случается, что предпочетшіе свѣту уединеніе и любящіе одну тишину и спокойствіе духа городскую пышность порочатъ, не оставили критиковать ихъ суетность, притворныя ласки и все, что только казалось имъ противнымъ; да сіе бы можетъ быть и долго продолжалось, естьлибъ Викторія, прервавъ ихъ разговоръ, не сказала: полно, любезныя пріятельницы судить пороки большаго свѣта, а лучше об-

ратимъ вниманїе наше къ самимъ намъ. Нѣкоторыя изъ насъ уже открыли приключенїя своей жизни; а общая сдѣланная между нами довѣренность требуетъ и отъ каждой такогоже рода жертвы: то позвольте прекративъ сей разговоръ, исполнить мнѣ данное вамъ вчера обѣщанїе. Прїятельницы замолчали и тѣмъ самимъ изъявили свое желанїе, а Г. Викторїя начала слѣдующимъ образомъ.

ПОВѢСТЬ

Гжи ВИКТОРІИ.

Отечество мое есть Герцогство К***, а Замокъ моихъ родителей называется С***. — О воспитанїи моемъ могу я вамъ, любезныя прїятельницы, сказать только то, что весьма малое употребляли къ оному старанїе, и купно съ возрастомъ моимъ раждались и утвердились во мнѣ разныя страсти, которыя тѣмъ жесточае дѣлались,

чѣмъ меньше видѣли противности; и потому претерпѣла я великое число несчастливыхъ приключенїй.

Но прежде, нежели буду продолжать мою повѣсть, должна я вамъ расказать нѣсколько о расположенїяхъ моего отечества, для того что я не знаю, извѣстно ли оное вамъ? — К*** есть превосходная земля. Она почти вся состоитъ изъ горъ и пещеръ. На первыхъ построило дворянство свои замки, кои гордости древней архитектуры великїя имѣютъ доказательства — А изъ послѣднихъ часто находятся столь пространныя, что цѣлая деревня можетъ имѣть въ оныхъ свое жилище. Можно на примѣръ въ пещерѣ А*** сходить на нѣсколько миль, и найти можно тамъ такїя мѣста, гдѣ нѣсколько сотъ человѣкъ могутъ расположиться. Хотя оныя служатъ къ безопасности жителей, которые бы въ случаѣ непрїятельскаго нападенїя въ оныя могли скрыться, какъ то бывало въ прежнїя столѣтїя при нападенїяхъ Турокъ — Но оныя прежде сего и отъ внутреннихъ враговъ дѣлали сїе государство опаснымъ; сїе

вы скоро узнаете, услышавъ отъ меня прежде, что не только много монастырей, но больше еще того почитаемыхъ мѣстъ въономъ находятся, куда мои соотечественники лѣтомъ по обыкновенїю ходятъ.

Великое число разбойниковъ скитались по государству, а паче въ послѣднїя 40 лѣтъ; что извѣстно изъ сего, что городъ К*** весь въ пепелъ обратили. Родители мои хотѣли въ то время ѣхать въ В*** или въ Ф***, и къ сему путешествїю вооружили всѣхъ нашихъ слугъ, изъ коихъ большая часть верьхами за нами ѣхали.

Мы безпрепятственно прибыли въ то мѣсто, гдѣ намъ надлежало обѣдать; въ тотъ же самой постоялой дворъ вскорѣ прїѣхалъ одинъ Кавалеръ благороднаго лицеположенїя. Онъ обѣдалъ одинъ за не большимъ столикомъ, которой противъ нашего стоялъ. А какъ родители мои къ нему сидѣли спиною, а я напротивъ того по другую сторону стола: то безпрерывно онъ на меня смотрѣлъ, и казалось, что сїе дѣлалъ онъ съ такою чувствительностїю, которая въ та-

кую привела меня разстройку, что я принуждена была либо укрываться салфеткою, или смотреть на проезжающихъ по большой дорогѣ. Однако родители мои ничего съ нимъ не говорили, для того что изъ оказываемой намъ отъ него учтивости и отдаленія отъ нашего стола, заключали мы, что онъ не изъ дворянъ.

Мы опять отправились въ путь—. Я сѣла напротивъ моихъ родителей. И потомъ скоро я примѣтила, что сей Кавалеръ всегда на нѣсколько сотъ шаговъ за нами слѣдовалъ. А какъ во многихъ мѣстахъ надлежало намъ ѣхать тише, и онъ могъ поскорѣе скакать, то легко я могла усмотрѣть, что онъ нарочно за нами оставался; и я столько чистосердечна, что признаюсь вамъ, что мнѣ сіе не было непріятно для того что оное меня менѣе, нежели на постояломъ дворѣ безпокоило. Я даже до такой доходила слабости, что иногда выглядывала изъ коляски, чтобъ ему показаться, подъ видомъ будтобы хотѣла осматривать страшныя и прекрасныя мѣстоположенія, по пути намъ встрѣчавшіяся—

И такимЪ образомЪ сЪ обоихЪ сторонЪ продолжаемо было путешествїе до наступленїя вечера.

ВдругЪ услышанЪ былЪ выстрѣлЪ на передоваго слугу. ВЪ тужЪ самую минуту нѣсколько человѣкЪ схватили лошадей подЪ усцы, другїе перехватали людей, двое подъѣхали кЪ коляскѣ, и поставя предЪ нами пистолеты требовали отЪ насЪ всего, что мы имѣли изЪ денегЪ и дорогихЪ вещей. Мать моя упала вЪ обморокЪ, но я еще осталась при своихЪ чувствахЪ. Мы уже начали давать имЪ деньги, какЪ тотЪ КавалерЪ прискакавЪ какЪ молнїя кЪ коляскѣ, и находившагося на моей сторонѣ разбойника застрѣлилЪ. Стоявшїй по другую сторону разбойникЪ, увидѣвЪ упадшаго своего товарища, выстрѣлилЪ сквозь карету по нашемЪ избавителѣ, которой мгновенно оборотилЪ свою лошадь на другую сторону, и сего также умертвилЪ. Тогда были мы освобождены; и какЪ скоро отецЪ мой сїе увидѣлЪ, то немедленно сЪ обнаженною шпагою выскочилЪ изЪ кареты, чтобЪ защитить нашихЪ служителей. Я хотѣла его удержать; но страшная мысль,

чтобЪ храбрый КавалерЪ не былЪ преодоленЪ тѣмЪ многимЪ числомЪ, понудила меня опустить то платье, за которое я его держала, и бросилась кЪ своей матери, чтобЪ старанїемЪ своимЪ привесть ее вЪ чувство.

Между тѣмЪ еще произведено было много пистолетныхЪ выстрѣловЪ, а потомЪ услышала я шпажной и охотничьихЪ ножей стукЪ. По долговременномЪ сраженїи, убѣжали остальные разбойники, и мы больше всего побѣдою нашею были обязаны храбрости незнакомца. Что я тогда кЪ нему чувствовала, о томЪ упоминать не буду. Слѣдующая моя повѣсть и кромѣ сего довольно докажетЪ силу моихЪ кЪ нему чувствованїй. КакЪ онЪ подъѣхалЪ кЪ нашей каляскѣ, сЪ поздравленїемЪ сЪ благополучною побѣдою; то хотя я тогда была еще занята моею матерїю, но безЪ сомнѣнїя обращающїеся мои на него взоры, не взирая на вечернюю темноту, изъявили ему сердечныя мои чувствованїя.

Довольными уже извѣстно опытами, любезныя прїятельницы, что нашЪ полЪ ничто не почитаетЪ столь дра-

гоцѣннымъ, какъ мужество и храбрость. Прекраснѣйшїй мущина мало бы насъ плѣнилъ, естьли мы мало найдемъ въ немъ мужества —— и сїе вниманїе, въ разсужденїи храбрости, происходитъ можетъ быть отъ слабыхъ нашихъ чувствованїй. Природа сказываетъ намъ, что мы должны имѣть защиту сильнѣйшаго пола; и потому мущина намъ тѣмъ достойнѣе кажется, чѣмъ больше мы чувствуемъ, что онъ соотвѣтствуетъ нашему понятїю, которое мы имѣемъ о мужескомъ полѣ.

Наконецъ опамятовалась моя мать. Сколь велика была ея радость, увидя себя избавленною, и сколь много благодарила она нашему избавителю, которой тогда уже ѣхалъ подлѣ нашей кареты —— и какъ вы заключить можете, на моей сторонѣ. —— Я примѣтила, что онъ правою своей рукой что-то дѣлалъ, и спросила его съ нѣкоторымъ страхомъ, не раненъ ли онъ? —

,,Не думаю, отвѣтствовалъ онъ. —

Вскорѣ потомъ пришли къ намъ на встрѣчу съ факелами мужики изъ

ближайшей деревни, услышавъ вышеупомянутую стрѣльбу; и мы послали часть оныхъ на мѣсто сраженія, чтобъ поднять убитыхъ и привесть въ деревню; прочіе проводили насъ до самаго постоялого двора. Никогда свѣтильники не были столь полезны, какъ сіи мнѣ; ибо иногда освѣщали часть лица моего героя, и допускали мнѣ видѣть ту чрезмѣрную радость, которая о избавленіи нашемъ въ глазахъ его блистала. Сіе бы весьма было прекрасною картиною, естьли бы живописецъ такъ могъ оное изобразить, какъ я видѣла и чувствовала.

Лишь только мы вошли въ горницу, —— ради Бога! сказалъ онъ, вы вся въ крови! Въ тоже самое время увидѣла я съ платка, которымъ онъ обвязалъ свою руку, каплющую кровь, и испугавшись того упала въ разслабленіе. Къ счастію моему заключили мои родители, что я испугалась своей мнимой раны, и всѣ стали мнѣ подавать помощь, сколько я въ оной и не имѣла нужды. Ибо я была только обрызгана кровію того разбойника, которой на моей сторонѣ былъ убитъ,

и я оное до сего времени за другими чувствованіями не могла усмотрѣть; и его рана была только отъ легкаго удара въ правой локоть. Однако небольшое сіе его за меня страданіе не мало спомоществовало къ ближайшему присоединенію моего сердца къ нему.

Родители мои столько были ему обязаны благодарностію, что съ того часа не могли его отъ себя отлучить; и потому онъ съ нами отужиналъ: однако въ ихъ видна была нѣкоторая принужденность, и казалось, будто они сомнѣвались, не дѣлаютъ ли ему — хотя онъ и много имъ услужилъ — съ лишкомъ много чести. И по тому вопросъ ихъ, кто онъ таковъ? всегда въ ихъ устахъ былъ; но оный всегда благороднымъ его поступкомъ и величественнымъ разговоромъ прерывался. Ибо казалось, что его лице, какъ скоро только его хотѣли о томъ спрашивать, говорило: какъ? вы меня спрашиваете, изъ дворянъ ли я? Разсмотрите меня напередъ, — и тогда уже спрашивайте, когда почтете за нужное! — Однако отецъ мой, получивъ за

столомЪ отЪ нѣсколькихЪ рюмокЪ вина бодрость , не могЪ удержаться , чтобЪ не желать узнать , кому онЪ и его семья должны благодарить за избавленіе. — Сердце мое отЪ радости пришло внѣ себя , какЪ онЪ себя назвалЪ господиномЪ Н***. Ибо тогда я думала, что все будетЪ хорошо, когда онЪ дворянинЪ. Но сколь часто проистекаетЪ изЪ того наше несчастіе, отЪ котораго мы думаемЪ быть благополучными, и сколь часто содержитЪ счастливое сіе обстоятельство самую отрасль нашихЪ бѣдствій. Что тогда мнѣ причиняло радость , повергнуло меня потомЪ во тьму безпокойствій , о которыхЪ вы скоро услышите.

Родители мои услышавЪ , что онЪ называется Н***, весьма удивлялись, что онЪ ѣздитЪ безЪ служителей. ОнЪ представлялЪ причиною, что путешествуетЪ для того, чтобЪ разсматривать разнаго состоянія людей, и тѣмЪ распространить свое знаніе. Естьлибы онЪ ѣздилЪ со многочисленными служителями и пышно , тобы не достигЪ своего предмета. Ибо

встрѣчавшїеся ему люди, или тѣ самые, у которыхъ бы онъ расположился, всегда бы мучили его своимъ высокопочитанїемъ, приняли бы на себя ложной видъ, и никогда бы не оказались въ истинномъ своемъ состоянїи. Ибо по большой части съ равными себѣ поступаютъ безпритворно. Однако присовокупилъ онъ еще, что ѣдутъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстоянїи служители. И они въ самомъ дѣлѣ на другой день прибыли въ В***.

Сїя представленная причина не совсемъ мнѣ понравилась. Съ одной стороны надлежало мнѣ одобрить его мнѣнїе, что знатные господа рѣдко получаютъ истинную пользу отъ путешествїй; для того что каждой имъ представляется — развѣ такимъ образомъ приметъ свое путешествїе, какъ Императоръ Іосифъ. — Ибо въ томъ должны мы ему отдать справедливость, что его путешествїе весьма различествуетъ отъ путешествїй многихъ Князей; — и мнѣ то понравилось, что онъ ѣздитъ какъ философъ. Съ другой же стороро-

ны вперяла мнѣ въ мысль рождшаяся уже во мнѣ ревность, что можетъ быть сїе его путешествїе, подъ видомъ неизвѣстности, происходитъ отъ его желанїя, съ меньшимъ препятствїемъ производить любовныя дѣла. Но познавъ ближе его свойства, нашла я его безвиннымъ.

Изъ того признанїя, которое я вамъ сдѣлала о моемъ сложенїи, можете вы легко заключить, любезныя прїятельницы! что я чувствованїя мои къ нему только такъ скрывала, чтобъ того не примѣтили мои родители. Въ тотъ вечеръ не имѣли мы случая открыть взаимно свои чувствованїя, для того что каждой желалъ скорѣе успокоиться. Когда онъ пожелалъ намъ покойную ночь, отвѣтствовала я ему: ,,Вы не будете отъ насъ требовать, чтобъ вамъ желать такуюжъ; ибо по произведенїи геройскаго подвига можно весьма хорошо быть спокойнымъ, и послѣ столь знатнаго дѣйствїя изрядно заснуть.,, —

,,Конечно такъ, отвѣтствовалъ онъ, естьли воображенїе не наполнено дневными предметами.,,

Я спала весьма не много; а сколько онъ покоился, то можно заключить изъ того, что я поутру прогуливаясь въ хозяйскомъ саду безъ всякаго намѣренія, но чтобъ насладиться пріятностію утренней зари, — и можетъ быть по неизвѣстнымъ предчувствованіямъ, — его уже тамъ застала. Что же тутъ съ нами происходило, можете вы сами себѣ вообразить. Однако должна я вамъ обьявить, какъ онъ предо мною изъяснялся. Онъ началъ мнѣ говорить: ,, До сего времени, милостивая государыня, не зналъ я, что такое любовь; но со вчерашняго дня началъ оную чувствовать. Сколько я не извѣстенъ въ любви, столько долженъ я быть чистосердечнымъ. Съ той самой минуты, какъ я вошелъ въ горницу, въ которой васъ въ первые увидѣлъ, безъ сомнѣнія взоры мои и провожаніе васъ, открыли вамъ сердечныя мои чувствованія. По происхожденію моему надлежало бы мнѣ долго еще разговаривать съ вами одними взорами, и дѣлать такъ, чтобъ вы сами отгадали мое чувствованіе; но сіе про-

тивно моему свойству, чтобЪ долго находиться вЪ безЪизвѣстности. Могу ли я надѣяться, что вы не опровергнете такое сердце, которое собою совершенно вамЪ пожертвовало, и сЪ сего самаго времени только за васЪ будетЪ страдать? По сихЪ словахЪ взялЪ онЪ мою руку; взоры его пронзали мое сердце. Я довольно знала, какЪ должно женщинѣ вЪ такомЪ случаѣ поступать: но сердце мое не позволило мнѣ притворяться, и какЪ обыкновенно, по долгомЪ времени ему сказать, что я не такЪ скоро могу рѣшиться; что счастїе его зависитЪ отЪ времени и обстоятельствЪ; —— что я нахожусь еще во власти своихЪ родителей;— еще прочїя сему подобныя отговорки, которыя только служатЪ кЪ укрытїю истиннаго состоянїя нашего сердца, для того что мы стыдимся открыть, что любовь столь скоро могла побѣдить наше сердце. — Но вотЪ какЪ я ему изЪяснилась: что и я при самомЪ его кЪ намЪ входѣ не была кЪ нему равнодушна; и какЪ онЪ избавилЪ меня и моихЪ родителей отЪ величайшей опасности,

то имѣю къ нему высочайшее почтеніе; естьли онъ хочетъ назвать сіе почтеніе любовью, и почитая таковою почтетъ и себя счастливымъ, то сіе было бы для меня сладчайшею мыслію въ моей жизни, что могу сдѣлать счастливымъ такого человѣка, каковъ онъ.,,

Покамѣстъ мы думали, что родители мои еще не проснулись, прогуливались по саду, питались чистымъ воздухомъ, срывали цвѣтки, чувствовали, что сердца наши тѣснѣе соединялись, и положили между собою обѣщаніе, подъ пѣніемъ соловьевъ, которые казалось будто всѣ собрались на древесахъ нашего сада, для составленія полнаго концерта.

О блаженное утро! Я не почитала погрѣшеніемъ, что достойному человѣку призналась въ взаимной своей любви, и такъ наслаждались красотами природы и пріятностями первыхъ чувствованій любви, съ такимъ сердцемъ, которое довольно было извѣстно о своей невинности. И теперь думаю я, что безъ грѣха могу возобновлять въ мысляхъ своихъ

воспоминовенiе тѣхъ чистѣйшихъ увеселенiй, не нарушая при томъ моего обѣта. Ахъ! естьли бы я всегда осталась предъ небомъ въ такой невинности!

Когда онъ поѣхалъ въ В***, или по крайней мѣрѣ когда означилъ туда свой путь: —— то провожалъ насъ, но уже не во вчерашней отдаленности, а всегда около нашей коляски, такъ что рѣдко меня спускалъ съ глазъ, и сколько позволяла дорога, говорилъ съ нами, заглядывая въ коляску. Разговоры по большой части относились къ прекраснымъ перемѣнамъ мѣстоположенiй, достопамятностямъ природы, къ которымъ и насъ сдѣлалъ внимательными. Когда мы проѣжжали чрезъ прекрасную и пустынновидную долину, то сколь скоро встрѣчались наши взоры, чтобъ сказать другъ другу: „здѣсь въ сей долинѣ надлежало бы намъ жить вмѣстѣ, сколько были бы мы благополучны!„ Когда же издали усматривали мы шалашъ дровосѣка: „ Ахъ! и въ сей пустынѣ могли бы мы жить; ибо взаимно бы

другъ въ другѣ находили всѣ свѣтскія увеселенія. Ахъ! естьли бы мы уже жили въ шакомъ шалашѣ!

Наконецъ прибыли мы въ В***. Мы шайно подшвердили свою клятву предъ образомъ, стоя вмѣстѣ на колѣняхъ и поднявъ взоры свои къ нему, и падши ницъ налагали руки на свою грудь. Мы каждою минутою въ непорочности наслаждались, когда могли быть наединѣ, и чувствовали безъ всякаго огорченія благополучіе любви.

При всемъ томъ есть сіе первѣйшею и пріятнѣйшею частію моей повѣсти. Прочимъ же не хочу васъ опечалить нынѣшняго вечера, но къ расказанію остатка моихъ приключеній изготовлюсь къ слѣдующему вечеру.

Остатокъ сего вечера былъ провожденъ въ разсужденіяхъ о Викторіиныхъ приключеніяхъ; и ей стоило труда оправдать себя противъ нѣкоторыхъ не много строгихъ подругъ, хотя многимъ изъ нихъ самое сердце сказывало, что въ подобныхъ обстоятельствахъ также бы поступили.

Вечеръ пятый.

Въ сей вечеръ приступила Викторія, безъ дальнихъ околичностей, къ продолженію своей повѣсти. О происходящемъ между мною и любезнымъ моимъ Н*** безъ сомнѣнія нѣсколько родители мои примѣтили. По крайней мѣрѣ, когда не предстояло намъ никакого препятствія, не весьма старались мы укрывать наши чувствованія. На возвратномъ нашемъ пути изъ В*** говорили мои родители много въ его похвалу, въ чемъ и дочка ихъ не противурѣчила, но напротивъ того въ иныхъ мѣстахъ и отъ себя прибавляла. Они только сожалѣли, что онъ еще не у мѣста, посредствомъ коего бы могъ пропитать свою жену. И такъ со стороны моихъ родителей не оказывалось никакого затрудненія въ нашемъ соединеніи; да и онъ меня увѣрялъ, что надѣется, что его родственники также будутъ въ томъ согласны; но что не прежде имъ о томъ скажетъ, какъ уже будетъ у должности. „Сіе хотя мнѣ и не совсѣмъ понравилось; но онъ меня успокоилъ своими пред-

ставленіями о особенныхъ качествахъ его родителей.

По благополучномъ нашемъ возвращеніи посѣщалъ онъ насъ прилѣжно. Въ С*** мы увеселялись, взирая на будущее, и неутомимые наши разговоры состояли въ изображеніяхъ той пріятной жизни, коею мы вкупѣ наслаждаться будемъ; превосходство его дарованій отчасу болѣе умножалось, и при каждомъ посѣщеніи возрастала наша любовь.

Наконецъ по прошествіи года увѣдомилъ онъ меня письмомъ, которое ему было внушено самою богинею радости, что онъ сдѣланъ Вицедомомъ, и скоро поспѣшитъ въ мои обьятія, съ извѣстіемъ о благоволеніи его родителей въ его выборѣ. Сколь было тогда сердце мое восхищенно, и какое великолѣпное зданіе построила я въ моихъ воображеніяхъ! Теперь я ежедневно его къ себѣ ожидала, и всякой наступающей день казался мнѣ долѣе предъидущаго.

Онъ пріѣхалъ! но лице его было помрачено облакомъ печали, которая

предвозвѣщала великую бурю. Я при воззрѣнiи на него трепетала; —— но сей трепетъ паче усугубился, когда онъ мнѣ потомъ открылъ, что родители его исходатайствовали ему Вицедомское мѣсто чрезъ областнаго начальника, которому тайно дали слово, что любезной мой возметъ его дочь себѣ въ супругу. Вотъ! вдругъ разрушилось прекрасное наше зданiе, которое мы въ мысляхъ представляли о будущемъ благополучiи. Мы долго приносили свои жалобы. Но любезной мой Н*** скоро ободрился, и спросилъ меня съ отважнымъ видомъ: Можете ли вы рѣшиться, любезная Викторiя! чтобъ въ благополучной любви претерпѣть также нѣсколько горести? —— Видъ лица вашего мнѣ сказываетъ, что вы не можете отвѣтствовать на мой вопросъ; ибо не знаете, къ чему сiе клонится. — Хорошо! я скажу вамъ тотъ чертежъ, которой въ сiе мгновенiе на подобiе солнечнаго луча освѣтилъ мой духъ! Развѣ благополучiе наше зависитъ отъ людей? Не находится ли оно въ самихъ насъ? И такъ

внемлите! мѣсто мое не можетъ уже отъ меня отнять областной правитель. Ибо когда онъ однажды сказалъ, что одобряетъ меня за мои достоинства, то и не отважится онъ теперь сказать, что я оное не заслуживаю; — — а насильно обременить меня женою, не въ состоянии всѣ земныя силы. Положимъ, что дочь его подобна Ангелу, — имѣла бы больше прелестей и превосходнѣйшія душевныя свойства, нежели любезная моя Викторія; но и то было бы мнѣ несносно, естьлибы кто нибудь изъ живущихъ въ К*** подумалъ, что я мѣсто сіе получилъ посредствомъ сочетанія съ нею. Можете ли вы рѣшиться къ оставленію дома вашихъ родителей, дать мнѣ тайно вашу руку и скрыться со мною въ такое мѣсто, гдѣ мы отдалены отъ людей можемъ жить одни? Одинъ изъ искреннѣйшихъ моихъ друзей имѣетъ замокъ, которой какъ будто для того построенъ, чтобъ благословенную жену скрыть отъ очей міра. Туда, любезнѣйшая, скроешься, и тамъ будешь наслаждаться веселостями

небесЪ, которыя будутЪ единымЪ нашимЪ свидѣтелемЪ.

Подумаете ли вы, любезныя прiятельницы, что я гораздо меньше противилась вЪ принятiи сего предложенiя, сколько бы требовала скромность и благопристойность? Я согласилась на сiе.

Бѣгство, вЪ тѣхЪ мысляхЪ, что я не нарушу тѣмЪ должнаго своего повиновенiя кЪ родителямЪ моимЪ, ибо они вЪ нашемЪ сочетанiи мнѣ не препятствовали. Я думала, что только на короткое время опечалю ихЪ внезапнымЪ моимЪ удаленiемЪ; но скоро ихЪ увѣдомлю о безопасномЪ мѣстѣ моего пребыванiя, и тамо буду ими посѣщаема. И такЪ время нашего бѣгства было назначено.

На третiй день нашего условiя, явился онЪ позади нашего сада сЪ лошадьми и коляскою. Теперь выступЪ изЪ родительскаго дома стоилЪ большей отважности духа, нежели опредѣленное кЪ тому намѣренiе. КакЪ я еще суетилась, разсматривая около себя, не забыла ли что, взялЪ меня

Н*** за руку, съ нѣжнымъ усилїемъ повелъ въ коляску, и привезъ меня въ замокъ Л***.

Подлинно сей былъ отмѣннѣйшїй замокъ въ свѣтѣ. Онъ находился въ пещерѣ такой горы, которая только сверху имѣетъ отверстїе. И по тому тамъ можно быть отдаленну отъ всѣхъ людскихъ обществъ, и ничего больше не предстоитъ взору, какъ небеса. Сїе мѣсто было способнѣйшее жилище для звѣздочетца, —— а паче блаженнѣйшее для влюбленной дѣвушки, которая любезному своему пожертвовала свѣтомъ, чтобъ только тамъ въ его обьятїяхъ —— только предъ очами небесъ —— наслаждаться своею жизнїю. Тамъ мы сочетались; и какъ супругъ мой сказалъ своимъ сродственникамъ, что отправляется въ дальный путь, препроводилъ онъ у меня нѣсколько недѣль въ сладчайшей праздности. Прекрасные дни! —— Потомъ возвратился онъ къ своимъ домашнимъ, и временемъ посѣщалъ меня, оставаясь на одинъ или болѣе дней, какъ ему дѣла его позволяли,

или сколь достаточна была представленная имЪ домашнимЪ причина обЪ отЪѣздѣ.

ТакимЪ образомЪ жила я цѣлой годЪ только для него и не выходила изЪ замка. Но сїе мѣстоположенїе, столь желаемое любовниками, имѣло притомЪ то неудобство, что вЪ покояхЪ была сырость, происходившая отЪ всегдашней мокроты, каплющей по стѣнамЪ воды; и Н*** скоро примѣтилЪ, что лице мое начинало покрываться блѣдностїю. И потому должна была я ему обѣщаться иногда дѣлать небольшїя прогулки, которыя я и исполняла, сопровождаема своею служанкою, или,——какЪ то по большей части случалось,——одна.

Не подалеку отЪ Л*** находился примѣчанїя достойный гротЪ, которой почитался имѣющимЪ цѣлую милю пространства. Природа украсила оной множествомЪ удивительныхЪ и разнообразныхЪ камней. Силнѣйшее напряженїе первѣйшаго изЪ стихотворцевЪ не вЪ силахЪ изобрѣсть ниже тысячную часть тѣхЪ видовЪ, ко-

торые здѣсь расположены всемогущею природою. Тамъ препровождала я въ разсматриваніи онаго столько пріятныхъ часовъ, сколько обстоятельства моего здоровья мнѣ позволяли. Но самое сіе удовольствіе подало врагамъ нашимъ случай изловить меня своими сѣтьми.

Вы легко можете заключить, что бѣгство мое изъ С** не могло остаться безъизвѣстно. Также провѣдали о томъ родители моего Н***. Притомъ разсуждали они о долговременномъ его упорствѣ ко вступленію въ супружество съ дочерью областнаго начальника, о частой ѣздѣ и о печали, которой онъ находясь дома предавался. Теперь что имъ осталось больше думать, какъ не почесть меня истинною того виновницею! Провѣдывали, куда онъ ѣздитъ; но покамѣстъ я безвыходно находилась въ замкѣ, не могли они о томъ подлинно узнать. А когда я начала иногда прогуливаться, то разосланные служители принесли имъ достовѣрное извѣстіе, что я въ ономъ замкѣ на-

хожусь; и тогда стали въ разсужденіи меня принимать надлежащія мѣры, которыя мнѣ и на мысль не приходили: ибо я не столько думала быть безопасною въ нѣдрахъ земли, какъ тамъ, гдѣ я тогда пребывала.

Нѣкогда, какъ я опять пошла къ помянутому гроту, сдѣлалось со мною такъ, яко бы неизвѣстная сила подламывала мои колѣна. Я приписывала сіе моей слабости, или слѣдствіямъ супружества. Но два я нѣсколько времени постояла, углубившись въ разсматриваніи нѣкоторыхъ удивительныхъ фигуръ, какъ меня подхватили двое въ маскахъ находящихся мущинъ и потащили къ стоящей не подалеку отъ того мѣста окушанной колякѣ. Обьятый мною страхъ воспретилъ мнѣ кричать Во всю дорогу не знала я, когда начинался день и наступала ночь, и меньше еще того было мнѣ извѣстно, куда меня везли. Наконецъ должна была я выпти изъ коляски. Мѣсто и люди были мнѣ незнакомы. Принудили меня итти по крыльцу, вырубленному въ горѣ.

вдругъ показалось мнѣ, что я опускаюсь въ бездну: ибо дорога простиралась въ гору. Тутъ, думала я, лишатъ меня жизни; я упала на колѣни и просила у нихъ пощады. Мнѣ ничего не было отвѣтствовано, но тащили меня только сквось одну пещеру, и опять вывели на свѣтлое мѣсто; оттуда повели меня въ одинъ ветхой замокъ, гдѣ и была я заключена въ страшную темницу, въ которую сквозь небольшее отверстіе проходилъ слабый свѣтъ солнечныхъ лучей. —,,Здѣсь, сударка, сказалъ мнѣ одинъ проводникъ, которой меня въ оную толкнулъ, будете вы имѣть время помышлять о сыновьяхъ честныхъ родителей, которыхъ вы искусили!,, И затворилъ желѣзныя двери оной. Коль ужасными, любезныя мои, мнѣ казались всѣ сіи явленія, сіе мѣсто и уединеніе! Можете вы легче оное себѣ представить, нежели я вамъ изобразить въ состояніи. Но ужаснѣе сего была мнѣ тамъ мысль, что родители моего супруга почитали меня его искусительницею. Я приходила въ бѣшенство, бросалась на

стѣны, и дѣлала все то, что свойственно отчаянному человѣку. Но что успокоило мой духъ и уменьшило бѣшенство, была, хотя и слабая — искра надежды, что я не вѣчно тамъ останусь заключенною; что любезной мой узнаетъ слѣды моихъ хищниковъ, и что я его увижу — Паче всего понудило меня умѣрить свое волненіе стараніе о сохраненіи начатаго подъ сердцемъ моимъ плода. По прежнему моему воображенію, — хотя и не чрезмѣрное, — но я учинила преступленіе предъ моими родителями, что безъ совершеннаго ихъ благословенія предалась въ объятіи моего супруга. Въ послѣдствіи, а паче въ тогдашней печальной моей темницѣ, часто я разсуждала, что можетъ быть и другими средствами могли бы мы достичь до воспріятія брака. Но человѣкъ, обремененный любовною болѣзнію, пользуется ближайшею способнѣйшею стезею къ соединенію съ любезною особою, и не хочетъ, или не можетъ помышлять о другихъ средствахъ. Однако я теперь получила наказаніе, но за каковую

погрѣшность? —— за бѣгство? и притомъ жестоко наказуема. По первыхъ горькихъ чувствованіяхъ моего заключенія, когда я въ слѣдствіе разсматривала и теперь разсматриваю, почитаю себя не столь жестоко наказанною. Сіе то есть премудрое благоволеніе милосердаго нашего Творца! Обыкновенно наказываетъ онъ съ тойже самой стороны, на томъ же пути, тѣми же средствами, чрезъ которыя погрѣшили. Тысящамъ дѣвушекъ, съ ропотомъ отъ неба любовниковъ требующихъ, были оные наконецъ даны со гнѣвомъ, и сдѣлались ихъ мученіемъ. —— Такіе опыты безъ сомнѣнія каждому извѣстны; и потому возвращаюсь я къ своей повѣсти.

Въ сей мрачной темницѣ приближалось время моего разрѣшенія и вливало мнѣ пріятное воображеніе. Я уже мысленно наслаждалась прелестными забавами съ моимъ дитятею. Я съ нимъ играла, усматривала въ лицѣ его черты его родителя, разсказывала ему о немъ цѣлые дни, о благородномъ его видѣ, о благоразу-

мїи и любви ко мнѣ; научала его произносить сладкое имя отца. Тысячекратно прижимала его къ матерней своей груди, и была счастлива, то есть менѣе несчастлива. Я просила ту женщину, которая мнѣ подавала пищу въ одно отверстїе стѣны, чтобъ въ сихъ моихъ обстоятельствахъ доставить нѣкоторое спокойствїе. — „Погибай вмѣстѣ съ твоимъ рожденїемъ. Б***** мъ никто не обязанъ доставлять облегченїя.— Вотъ былъ варварской ея отвѣтъ!

Ахъ! хотя не много соломы! — какихъ нибудь ветошекъ!

„ Ничего! „

Съ человѣкомъ ли я имѣю дѣло?

„ Конечно, — и то съ такими, которые не нарушаютъ своей должности, никого не обманываютъ, и никому не даются въ обманъ. „ Ахъ, великїй Боже! я упала въ обморокъ! Возможно ли, чтобъ такая погрѣшность, какова была моя, столь на меня ожесточила сердца смертныхъ? — Возможно ли, чтобъ лучше наблюдаемыя обязанности требовали

столь жестокосердаго поступка? — И когда кто добродѣтельнѣе другаго, то заслуживаетъ ли за сїе слабѣйшее созданїе не быть соболезнуемымъ? Боже! прости мнѣ; но я почти должна думать, что тотъ судїя, коего законы подобны леднику, въ которомъ человѣческїя чувствованїя костенѣютъ, и которой ни одной слезы не испускаетъ, наказывая грѣшника. — Но теперь поспѣшу какъ можно сократить остатокъ моей повѣсти Что послѣ сего разговора со мною происходило, того я не знаю. Я была какъ будто во снѣ, и якобы сдѣлалась ночь, и потомъ опять наступилъ день, — и будто бы я чувствовала боль. Но только мнѣ извѣстно, что я на другой день родила сына, и хотя я не знала чѣмъ его окутать, куда положить; однако почитала себя королевною. Мнѣ было принесено пищи, которую я до сего сквозь то небольшое отверстїе принимала; но тогда не могла того исполнить, ибо не въ состоянїи была ползти. Меня призывали оную принять, чтобъ чрезъ сїе узнать, тамъ

ли я еще нахожусь. Мнѣ того было не возможно. Темницу мою отворили, но тотчасъ опять заперли; вошла ко мнѣ одна женщина, которая мнѣ показалась Ангеломъ. Ибо видно было изъ сего, что сіи злодѣи не отваживались предать меня очевидной опасности, оставя въ такомъ случаѣ безъ помощи. Мнѣ дана была постеля, кушанье получала я нѣсколько лучше прежняго. — Я имѣла сына! — О! я была взнесена на верьхъ моего благополучія! Сколь мало потребно несчастному, чтобъ почувствовать себя счастливымъ. Гульденъ, которой едва ли будетъ достаточенъ къ составленію одного кушанья на столѣ богатаго, довольствуетъ бѣдную семью на цѣлую недѣлю.

Часто по долговременномъ дождѣ, проницаетъ солнечной лучь сквозь облака, и даетъ отраду полямъ и сердцу пахаря. Но солнечной жаръ чуть столько усилится, — воздухъ обременится парами и вскорѣ потомъ дождь съ усугубленнымъ множествомъ низпадаетъ.

Около четырехъ недѣль, любезныя прїятельницы, продолжалось то мое благополучїе, которое я вамъ начертала, какъ желѣзная дверь моей темницы паки была отворена. Сперва вошелъ одинъ мущина, и покрылъ лице мое большимъ платкомъ. Причину сего поступка я не могла себѣ изъяснить. Однако я догадывалась, что меня хотятъ перевести въ другое мѣсто; вскорѣ потомъ пришелъ другой и опять пошелъ назадъ. Тогда и платокъ сняли съ моей головы, такъ что я еще могла усмотрѣть, какъ уносили моего сына. Признаюсь, что въ тогдашнее время фурїя была въ разсужденїи меня прїятною дѣвушкою. Сначала хотѣлъ онъ меня назади удержать, чтобъ затворить дверь, но не могъ того исполнить. Наконецъ видя себя мною окровавленаго, съ сильнымъ ударомъ бросилъ меня на землю, и побѣжалъ вонъ.

Первое мое послѣ сего дѣйствїе было, какъ мнѣ помнится, что я разбѣгиваясь, ударялась головою объ

стѣну. Ахъ! какъ черепъ мой остался въ цѣлости? для чего я не лишилась разума? для чего первымъ платкомъ себя не удавила? Все сїе ничему больше не могу приписать, какъ непостижимому милосердїю Создателя. Съ самаго того часа состоянїе мое неизреченно, и воспоминовенїе о томъ еще столь много во мнѣ подѣйствовало, что я должна просить у васъ, чтобъ вы для продолженїя моей повѣсти, позволили мнѣ до завтрешняго вечера отдохнуть.

Любопытныя ея прїятельницы сколь ни желали узнать продолженїя ея повѣсти, — казались быть и тѣмъ довольными, для того что онѣ сами, слушая приключенїя несчастной Викторїи, много чувствовали. — И сколько каждой, несчастливой себя ни почитаетъ несчастливѣйшимъ; однако онѣ всѣ должны были признаться, что изо всѣхъ до сего времени разсказанныхъ въ ихъ бесѣдѣ приключенїй, ни одно не было столь чувствительное. И потому каждая

съ скорбящимъ сердцемъ и заплаканными глазами пошла въ свои комнаты.

Вечеръ шестый.

Съ тѣхъ поръ, какъ я лишилась своего сына, — продолжала Викторія на другой вечеръ, — не подобилась я больше человѣку. Боже! отпусти мои согрѣшенія, что я тысячекратно противъ тебя роптала; ибо я въ совершенномъ находилась отчаяніи. И когда только во снѣ мнилось мнѣ, что у груди моей лежитъ мой младенецъ, просыпалась, но хватала только одну тѣнь. Тогда усильно призывала я смерть, и единая моя надежда состояла во ожиданіи скораго ея пришествія.

Такимъ образомъ изнемогала я цѣлые два мѣсяца, и сдѣлалась подобна скелету, Великій Боже! вопіяла я, для чего должна я претерпѣвать толикое безпримѣрное несчастіе?

для чего надлежало мнѣ найти такого супруга, коего родители моими тираннами, и для чего удалось имъ совершить жертву безчеловѣчной ихъ ненависти?

Наконецъ сдѣлался въ замкѣ великой шумъ, которой привелъ меня въ трепетъ. Ибо чего больше могла я ожидать, какъ не новыхъ насилій? Страхъ мой усугубился, когда послышался мнѣ говорящей голосъ: гдѣ она? гдѣ она? Сей голосъ все подходилъ ближе. Потомъ услышала я близъ моей темницы шпажной стукъ! — ,, Отворите темницу, или то вамъ будетъ стоить жизни!,, Тутъ показалось мнѣ, что я слышу голосъ Н***. Тогда во мнѣ боролась радость съ боязнію; — но сія боязнь не относилась ко мнѣ, но я опасалась, чтобъ любезной мой супругъ не былъ ими побѣжденъ. Я собравъ всѣ свои силы, встала, поползла къ двери и закричала, сколько имѣла силъ, Н*** Н***. Отъ сего умножился стукъ и крикъ; для того, — что какъ онъ мнѣ самъ потомъ разсказывалъ, — узналъ мой голосъ, и

потому больше сквозь непрїятелей пробивался. Наконецъ все утихло. Я услышала вмѣсто шпажнаго звука, брякъ ключей; темницу мою отворили, и я безчувственна упала въ его объятїя. Онъ также, — что легко можно усмотрѣть, — увидѣвъ мое лице палъ безъ памяти, такъ что обоихъ насъ отнесли въ ближайшую горницу.

Сколь долго мы въ семъ безпамятствѣ находились, того я не знаю. Пришедъ въ чувства объялъ насъ новый ужасъ, и мы едва опять не пали безчувственны, увидя страшное другъ друга лицеположенїе. Изнуренное мое тѣло безъ сомнѣнїя привело бы его въ ужасъ; но въ ту минуту онъ не помышлялъ о томъ, что я претерпѣла, и ожидалъ въ объятїя свои столь же бодрую и свѣжую супругу, какъ прежде. Я не могла себѣ вообразить, чтобъ онъ таковъ былъ, каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Мы еще ничего другъ съ другомъ говорить, ни раcказывать не могли; но произносили только прерывающїеся голоса. Ибо чувствованїя наши

были еще столько сильны, что препятствовали окончанію нашихъ выраженій.

Какъ скоро онъ почелъ, что я нѣсколько оправилась, посадилъ онъ меня въ свою карету чтобъ свести въ сосѣдственный замокъ одного своего пріятеля. Боже! въ какомъ я была состояніи, узрѣвъ опять твое солнце, зеленыя поля, деревья и людей намъ встрѣчавшихся! Тогда я была подобна младенцу, рождшемуся съ чувствованіями человѣка, имѣющаго возрастъ, —или какъ слѣпой человѣкъ, которому благотворительная рука вдругъ открываетъ глаза. Я внѣ себя сидѣла подлѣ его, и только въ состояніи была сжимать его руку и обнимать его шею, чтобъ тѣмъ удостовѣриться, еще ли я его получила.

Мы около часа продолжали ѣзду, какъ одна женщина съ маленькимъ на рукахъ робенкомъ попалась намъ на дорогѣ. До сего занимаясь отцомъ, забыла я о своемъ сынѣ; но теперь какъ увидѣла младенца, то воспоминовеніе

о моемъ сынѣ, на подобіе смертоноснаго оружія пронзило мое сердце. ,,Боже! нашъ сынъ! ты имѣешь его!,, Какъ нашъ сынъ!... О небо! ты родила сына? ты его не имѣешь?— Боже! въ какомъ я замѣшательствѣ? Можно ли тебѣ его имѣть , когда ты не знаешь о его рожденіи? Ахъ! его у меня за нѣсколько мѣсяцовъ похитили!

Сія вѣдомость привела его въ трепетъ, какъ будтобы онъ былъ въ лихорадкѣ. Ступай! ступай! во всемъ свѣтѣ должны мы его искать! Викторія, когда ты останешься въ безопасности у моего друга , я протеку весь земной шаръ, и доставлю тебѣ нашего сына!,, — Онъ велѣлъ скорѣе ѣхать, какъ будто бы каждою минутою мѣрилось Королевство. Но я его уговорила, хотя съ трудностію, взять нѣсколько дней на общее отдохновеніе, представляя ему притомъ , что и я хочу съ нимъ ѣхать и больше ни на одну минуту его не оставлю: для того что безъ тебя трепещу нашихъ враговъ ; да при томъ и не могу безъ величайшей скуки ожидать тѣхъ вре-

менѣ, когда опять получу залогъ нашей любви.

Сколь ни основательны были представленныя мною ему желанія къ купному съ нимъ путешествію; но они больше служили мнѣ къ прикрытію настоящей причины, которою была очевидное разрушеніе его здравія, требовавшаго необходимо нѣсколько успокоенія. Я не хотѣла ему сказать о перемѣнѣ его лица, чтобъ тѣмъ его не устрашить; и щадя его, не все разсказывала ему страшныя обстоятельства, въ которыхъ сынъ нашъ былъ у меня похищенъ.

Вамъ покажется удивительно, любезныя пріятельницы, что я еще вамъ не разсказала, какимъ образомъ онъ провѣдалъ о моемъ пребываніи. Но я разсказываю вамъ мою повѣсть по порядочному теченію оной, и потому должна я теперь вамъ обьявить, что находясь во изумленіи, радости и замѣшательствѣ, не приходило мнѣ на мысль, его о томъ спросить, какъ на другой день нашего пріѣзда; и тамъ расказалъ онъ мнѣ слѣдую-

щія обстоятельства, которыя я вамъ теперь, сколько могу вспомнить, повторю собственными его словами.

„Сколько я страдалъ лишившись тебя, о томъ мнѣ не нужно тебѣ разсказывать. Какъ скоро я о томъ увѣдомился, почувствовалъ я жестокую перемѣну во всемъ моемъ тѣлѣ. Однако я себя преодолѣлъ, и поѣхалъ искать тебя по всему Государству. Но въ первомъ ночлегѣ получилъ я смертельную горячку, которая приближила меня къ краю гроба: ибо въ первыхъ дняхъ не было ни лѣкаря ни лѣкарствъ, которыя наконецъ изъ ближайшаго города получилъ. По прошествіи двухъ недѣль — ты можешь себѣ представить, сколь долговремянны они мнѣ показались — преодолѣло природное мое сложеніе, или можетъ быть еще больше, желаніе тебя искать; и я паки отправился въ путь, когда почувствовалъ себя въ силахъ сидѣть на лошади. Гдѣ я тебя ни искалъ? какіе углы я ни осматривалъ? Сколько людей разсылалъ я по всѣмъ мѣстамъ? всѣ замки почти разбивалъ, и каждаго

проѣзжаго съ подробностїю разспрашивалъ, чѣмъ наконецъ многимъ наскучилъ; но все было тщетно.

Четыре недѣли скитался я такимъ образомъ, и принужденъ былъ наконецъ возвратиться въ домъ. Утомленность, безсонїе и унылость повергли меня паки въ болѣзнь; денно и нощно была ты одна предметомъ моихъ мыслей, и я ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ только о средствахъ къ сысканїю тебя.

Въ одну ночь, когда я еще не предался сну, занимаясь мыслями о тебѣ, пришло мнѣ на умъ, что я всѣхъ людей по дорогамъ спрашивалъ, но забылъ притомъ еще нѣкоторой родъ людей, которые по всѣмъ дорогамъ находятся, какъ будто оберегая оныя; и потому имъ все должно быть извѣстно, что на оныхъ ни происходитъ —— глухарей.

А какъ можетъ быть, любезныя, сей родъ людей вамъ неизвѣстенъ, то надлежитъ оныхъ вамъ описать. Они по большой части вы-

ходятъ изъ С*** (*), и не имѣютъ собственнаго языка, а только непріятной и ревучей голосъ, не имѣющій никакой перемѣны тоновъ. Они хотя имѣютъ цвѣтъ лица блѣдной, однако суть глухи и нѣмы, и почти нечувствительны къ побоямъ и имѣютъ по всему брюху куски наросшаго мяса. Они ни бѣшены, ни опасны, ни совсѣмъ глупы, ниже неспособны къ размышленіямъ. Они имѣютъ великую склонность къ естественнымъ побужденіямъ, и предаются всякому

(*) Такіе люди находятся и въ Валисерской области, и на Истмѣ Дарійскомъ. Тѣхъ называютъ Кретинами, а сихъ Блафардами. Смотри въ письмахъ Кокса о Швейцаріи, страница 182. слѣдующее: „Кретины въ Валлисѣ крѣпкаго сложенія; они отъ рожденія своего по самую смерть пребываютъ въ невѣжествѣ. Сколь же понятенъ ихъ языкъ, или, такъ сказать, ревучей голосъ для каждаго разумнаго человѣка; столько напротивъ того хорошо понимаютъ они другъ друга, и малѣйшій ихъ знакъ, которой они между собою показываютъ, изъясняетъ имъ больше, нежели разсуждающій человѣкъ многими словами выразить можетъ. Кто бы могъ подумать чтобъ такіе люди могли мнѣ возвратить моего Н***.

роду чувственныхъ увеселенiй, не почитая притомъ оное грѣшнымъ и неблагопристойнымъ. Валлискiе жители весьма почитаютъ сихъ Кретинодъ. Съ ними никогда противно не поступаютъ, имѣютъ о нихъ великое попеченiе и всячески стараются доставить имъ содержанiе, и удовольствовать ихъ желанiя. Робята не отваживаются надъ ними ругаться, а старые ихъ почитаютъ. Кожа на нихъ желтоватая. Они отъ самаго ихъ рожденiя пребываютъ въ семъ безумiи. Скотскiя ихъ чувствованiя не перемѣняются съ ихъ возрастомъ. Они до гроба таковыми остаются, и ни какого не могутъ найти средства къ извлеченiю ихъ отъ сего сна разума, и отъ сей душевной и тѣлесной безчувственности. Такого рода людей бываетъ обоего пола. Можетъ, что оказываемое имъ почтенiе, основывается на ихъ безвинности и дѣтской слабости. Они не могутъ грѣшить, для того что не знаютъ различить добродѣтель отъ порока. Они не въ состоянiи никому вредить, для того что не имѣютъ

къ тому склонности и силъ. Таковы же суть и Блафарды, кои столько же скотско глупы, какъ и вышепомянутые.

Какъ скоро сїя мысль, продолжалъ онъ, пришла мнѣ въ голову, которую мнѣ внушилъ благїй нашъ духъ, не могъ я больше покойно лежать на постелѣ. Я почти мучилъ словами своими лѣкаря, чтобъ онъ скорѣе возвратилъ мнѣ здравїе, какъ будто бы сїе въ его власти состояло; а онъ мнѣ отвѣтствовалъ на то, ежели я хочу скоро вылѣчиться, то должно мнѣ стараться о успокоенїи своего духа. Чтобъ я могъ тебя скорѣе искать, и опять тебя видѣть, надлежало мнѣ стараться о тебѣ забыть; и сего-то я не могъ исполнить, любезная Викторїя. Мысли, занятыя тобою, служили мнѣ наконецъ къ моему успокоенїю. Ибо пришло мнѣ на умъ представить себѣ тебя —— не такою, какъ ты можетъ быть тогда была мучима нашими врагами, и принуждена была отъ меня отрицаться; —— но въ такомъ видѣ, какъ ты исполненная юностїю и красотою блистала, какъ

ты вЪ саду, поднявЪ свои глаза кЪ небу, ставила его свидѣтелемЪ нашей любви, и сколь блаженные часы, при свиданіяхЪ нашихЪ вЪ прежнемЪ замкѣ, ты мнѣ доставляла! Иногда представлялЪ я тебя сидящею подлѣ моей постели, мнѣ прислуживающею и заклинающею меня нашей любовію, чтобЪ я былЪ спокоенЪ, дабы скорѣе чрезЪ то выздоровѣть. Ты не повѣришь, дражайшая! сколь много сіи представленія спомоществовали кЪ моему выздоровленію! Хотя тебѣ при томЪ признаюсь, что я не всегда былЪ столько счастливЪ, чтобЪ только давать себя вЪ обманЪ своему воображенію; но иногда хотѣли вЪ сердцѣ моемЪ вмѣститься печальныя воображенія. Вскорѣ опять являлось ко мнѣ твое изображеніе, и казалось, что будто грозило мнѣ пальцомЪ, чтобЪ я повиновался предписаніямЪ врача.

НаконецЪ былЪ я вЪ состояніи сходить сЪ постели; небольшія прогулки, свѣжій воздухЪ и возрастающая надежда, вЪ одну недѣлю сдѣлали меня вЪ состояніи дѣлать

приуготовленія къ отъѣзду, для исканія тебя. Но чтобъ ничего не упустить, прежде нежели я самъ приготовился, разослалъ я по дорогамъ тѣхъ служителей, которымъ надлежало со мною ѣхать, чтобъ они нѣсколько могли понимать разговоръ помянутыхъ глухарей. Они дѣйствительно одного изъ такихъ привели ко мнѣ, которой знакомъ своимъ показывалъ, будто бы видѣлъ окутанную карету, провождаемую съ верьховыми мущинами; и то самое время, въ которое сіе сдѣлалось, казалось, что сходствовало съ его представленіями. Сколь гнусенъ ни былъ сей человѣкъ, однако я его нѣжно обнималъ, и почелъ его за Ангела. По тѣхъ поръ, какъ я могъ самъ съ ними ѣхать, содержалъ я его при себѣ, и подчивалъ его, какъ знатнаго гостя. — И онъ въ самомъ дѣйствіи показалъ мнѣ къ тебѣ дорогу.

Ибо когда онъ меня привелъ на то мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ проѣхавшую карету, и показалъ мнѣ по которой дорогѣ она поѣхала; поска-

калЪ я по оной на своей лошади, и кЪ счастїю моему встрѣтилЪ еще такого, которой видѣлЪ помянутую карету, пр должавшую свой путь далѣе, и показалЪ мнѣ дорогу кЪ замку, вЪ которомЪ я тебя, и нашелЪ. КакЪ скоро я кЪ оному сталЪ подЪѣзжать, то ясно представилЪ себѣ справедливость ихЪ словЪ. Ибо я вспомнилЪ, что сей замокЪ принадлежитЪ господину Л***, которой прїятель моимЪ родителямЪ — когда они заслуживаютЪ сїе названїе, — и что тебя вЪ оной увезли. Но чтобЪ не дѣлать безполезнаго шума, велѣлЪ я прилѣжно смотрѣть проходящихЪ и выходящихЪ изЪ замка людей, и приказалЪ также, чтобЪ тайно провѣдывали не прїѣхала ли туда за нѣсколько времени карета? И сїе предпрїятїе представило мнѣ нѣкоторые признаки; теперь долженЪ былЪ служитель мой ИванЪ искать знакомство сЪ приворотникомЪ. По многихЪ тщетныхЪ старанїяхЪ вЪ подкупленїи, удалось ему наконецЪ, здѣлать сего старика посредствомЪ стакана вина, столь чистосердечнымЪ, что

онъ ему открылся , что такая-то женщина находится подъ стражею въ замкѣ. Тогда вооружилъ я всѣхъ моихъ служителей, на которыхъ могъ положиться, пробился,—а прочее тебѣ самой извѣстно!,,

,,И такъ я тебя завоевалъ, дражайшая, и теперь ты опять моя, и должна быть вѣчно моею.,,

Вы можете то себѣ представить, любезныя пріятельницы! сколь любезно я его обнимала за великое его стараніе въ сысканіи меня. Но ахъ! когда я думала, имѣть его при себѣ на вѣки; когда онъ надѣялся многіе годы жизни своей наслаждаться мною, былъ онъ у меня похищенъ; но отъ сильнѣйшаго врага, изъ рукъ котораго я не могла его спасти, какъ онъ меня спасъ изъ рукъ моихъ враговъ——Однако я буду продолжать по порядку. Я еще всегда скоро достигну того несчастнаго времени.

Потомъ совѣтовались мы, гдѣ намъ сыскать нашего сына, и думали, что безъ сомнѣнія отдали его въ ка-

кой нибудь воспитательной домЪ: и потому положили намѣренїе ѣздить по всѣмЪ тѣмЪ городамЪ, вЪ которыхЪ оные учреждены, и такимЪ образомЪ приступили кЪ печальному нашему путешествїю, какЪ скоро здравїе намЪ позволило. Я не хочу васЪ удерживать разсказыванїемЪ тѣхЪ мѣстЪ, гдѣ мы его напрасно искали; но скажу вамЪ только то, что мы наконецЪ прибыли вЪ СтрасбургЪ. По нашимЪ выспрашиванїямЪ было намЪ отвѣтствовано, что мѣсяца за два привезенЪ туда о инЪ робенокЪ, но которой на канунѣ нашего прїѣзда умерЪ.

Боже мой! сколь трепетало мое сердце, какЪ насЪ повели вЪ тотЪ покой, вЪ которомЪ лежало тѣло сего младенца! — И такЪ, когда первой взглядЪ мой меня увѣрилЪ, что онЪ тотЪ самой, то упала я подлѣ его безчувственна. ОбморокЪ мой больше обьявилЪ моему Н***, нежели ему знать надлежало; онЪ также палЪ на охладенѣлое тѣло, и желалЪ бы его оживотворить своими поцѣлуями, естьли бы то было возможно.

Представьте себѣ наше несчастїе! Тотъ сынъ, котораго я въ горестныхъ обстоятельствахъ произвела на свѣтъ, которой въ первой разъ увидѣлъ свѣтъ въ мрачной темницѣ, которой столь варварски былъ у меня похищенъ, — того долженствовала я при первомъ свиданїи видѣть мертва! —— Къ томужъ мой Н*** не знаетъ, что любезная его Викторїя родила ему сына; а узнавъ подлинно, узнаетъ вмѣстѣ и потерю онаго. Онъ проѣхалъ множество земель, чтобъ подобїе свое прижать къ отцовской своей груди; но находитъ его охладнѣвшимъ и безъ движенїя.

Насъ принуждены были оттащить отъ тѣла; и никакая бы человѣческая сила не могла насъ вывесть изъ сего дома, естьлибы тамъ не было обѣщано похоронить сего младенца не прежде, какъ назавтрѣе, и допустить насъ еще его видѣть. Но какъ мы опять прїѣхали, то они —— можетъ быть и благотворительные —— были столь свирѣпы, что погребли его тогожъ вечера: и по справедливости я долженствовала внут-

ренно въ послѣдствіи при нѣсколько равнодушномъ размышленіи, благодарить, что они нездержали даннаго ими слова. Но тогда мы чрезмѣрно воспалились, такъ что имъ надлежало быть весьма терпѣливымъ, что съ хладнокровностію слушали непристойныя наши укоризны. Съ того самаго времени Н*** говорилъ весьма не много, и ходилъ всегда съ потупленною головою. Колико-кратно угрызаема я была совѣстію, что я не много старалась въ его ободреніи! но возможно ли было мнѣ, бывшей самой поверженной въ величайщую скорбь? —Пріятнѣйшія наши часы, по нашемъ возвращеніи были тѣ, въ которыхъ мы могли купно плакать. Онъ очевидно изсыхалъ, и приближался ко гробу.

Однако можетъ быть бы онъ опять оправился, не взирая на то, что онъ отъ прежней своей болѣзни не совершенно излѣчился, естьли бы новой ударъ совсѣмъ его не сокрушилъ. Поелику онъ попричинѣ многихъ своихъ поѣздокъ, какъ въ освобожденіи, меня, такъ и въ исканіи сына, часто

былъ въ отлучкѣ — и печаль сдѣлавъ его ко всѣмъ почти дѣламъ не способнымъ, — то воспользовались симъ наши враги, — представивъ, что онъ нерачительно отправляетъ свою должность, — чтобъ у него отняли сїе мѣсто. Теперь погибла я безвозвратно; ибо по прошествїи четверти года похитила его у меня смерть.

Теперь скажите мнѣ, любезныя прїятельницы! можетъ ли быть кто несчастливѣе насъ? А паче, когда вы себѣ вообразите, что всему нашему несчастїю причиною то великодушное дѣйствїе, то храброе дѣло, посредствомъ котораго онъ родителей моихъ и меня спасъ отъ разбойническихъ рукъ? Естьли бы онъ оставилъ насъ на волю нашей судьбы, то бы и меня не зналъ; никогда бы не сдѣлался врагомъ своихъ сродственниковъ, и можетъ быть нашелъ бы онъ такую дѣвушку, которая бы могла награждать его достоинства, такъ какъ я, и съ которою бы онъ былъ счастливѣе. О! я не отваживаюсь возобновить тѣ разсужденїя, которыя я стократно

имѣла о нашей судьбѣ, опасаясь, чтобъ новымъ малодушіемъ и сомнѣніемъ не погрѣшить противъ Божіяго провидѣнія.

По его кончинѣ, возвратилась я въ домъ моихъ родителей; а какъ и сіи скончались, удалилась я въ сей замокъ, и искала спокойствія въ сихъ стѣнахъ, гдѣ теченіе многихъ лѣтъ, бесѣды съ вами любезными пріятельницами, чтеніе книгъ и собственныя разсужденія, наконецъ совершенно успокоили мой духъ, и я теперь съ покойнымъ духомъ ожидаю — чего предъ симъ желала я съ прискорбіемъ и бѣшенствомъ —— того часа, которой меня соединитъ съ моимъ Н*** и любезнымъ нашимъ сыномъ.

Вечеръ седмый.

Уже, — одна изъ сихъ пріятельницъ, по имени Клара начала въ седьмый вечеръ свою повѣсть, — думаю, что довольныя имѣемъ мы свидѣтельства, что иногда Богъ самымъ исполненіемъ нашихъ желаній насъ наказываетъ. И я подвержена была сему

жребiю! Сiе есть доказательствомъ безумныхъ нашихъ мнѣнiй, будто то самое воображаемое счастiе, есть то самое, безъ котораго мы не можемъ вести прiятную и спокойную жизнь! Мы получаемъ оное, и—дѣлаемся несчастными! О мои любезныя! когда удостовѣрятся смертные, что они любимы Творцемъ? Ибо естьли бы они тому вѣрили, то бы никогда не говорили: боже! надѣли меня симъ или другимъ; но всегдашняя бы ихъ прозба была: награди меня по своей волѣ, и что бы то ни было, будетъ для меня полезно! Хотя я не всегда одинаково разсуждаю, какъ и младенецъ не можетъ понимать, для чего отецъ не даетъ ему отломокъ разкрашеннаго стекла, коимъ онъ можетъ порѣзаться: но когда нибудь я и вникну. — Не удивляйтесь, любезныя прiятельницы, что я столько кажусь философствующею. Опытъ, научившiй меня тому, столь глубоко впечатлѣнъ въ моемъ сердцѣ, что слѣдствiе онаго всегда мыслямъ моимъ представляется. — Но я безъ дальныхъ околичностей приступлю къ своей повѣсти.

Отечество мое есть С***, гдѣ я родилась въ замкѣ Е***. Когда я начала возрастать, послали меня въ Ф***, находящійся въ В*** къ одному изъ нашихъ сродственниковъ, для того что въ деревнѣ не имѣла я случая, къ изученію нужныхъ для хорошаго воспитанія наукъ. Итакъ училась я тамъ Французскому языку, разнымъ женскимъ рукодѣліямъ и танцовать.

Въ сосѣдствѣ отъ нашего дома жилъ одинъ Студентъ, коего знаніе и хорошіе поступки были всѣми похваляемы. И потому препоручилъ ему мой дядя ученіе его дѣтей. Какъ мой покой не далеко отъ того находился, въ которомъ онъ обучалъ, то при отворяемой въ лѣтнее время двери, часто случалось мнѣ ихъ прислушивать. Добрый его поступокъ съ дѣтьми, живость его словъ, польза представляемыхъ имъ вещей, и то усердіе, съ которымъ онъ имъ внушалъ каждую добродѣтель; все сіе сдѣлало меня въ разсужденіи его внимательною, и я только тогда упускала время, когда не иначе можно было, какъ изъ дали его слушать. Любопытство

мое слишкимъ умножалось, для того, что я больше научилась, нежели дѣти; ибо я не имѣла счастiе еще до сего наслаждаться наставленiемъ, относящимся къ душевнымъ моимъ чувствованiамъ, какъ сiи. И потому сей учитель, которой ничего не зналъ о своей ученицѣ, былъ мнѣ прiятнѣе, нежели танцмейстеръ. — Причиною тому было и другое еще обстоятельство, о которомъ я вамъ теперь же раскажу.

Едва научилась я первымъ правиламъ танцовальнаго порядка, то началъ онъ со мною танцовать менуеты. Онъ былъ Французъ, прiѣхавшiй изъ Парижа. Я должна сказать, что онъ имѣлъ то, что называется свѣтскимъ обращенiемъ; и я заключала, что онъ не для сего упражненiя былъ, но можетъ быть по причинѣ несчастiя въ карточной игрѣ принужденъ былъ искать счастiя на сей сторонѣ Рейна. Онъ былъ зараженъ сродною сему народу суетностiю, по средствомъ коей себѣ воображалъ, что никакая женщина не въ состоянiи противиться нѣжнымъ его разговорамъ, поступкамъ и вообще его осан-

кѣ.——Сія суетность у рѣдкихъ не бываетъ! Онъ тѣмъ лучше думалъ привлечь на себя мое вниманіе, или меня плѣнить, что я недавно пріѣхала изъ деревни, и никогда еще не видала Парижца. И потому иногда бросалъ онъ на меня такой взоръ, которой казался измѣняющимъ его любви. Въ семъ бы могла я обманутся, для того что молодыя дѣвушки легко себѣ воображаютъ, что уже въ нихъ влюблены, а паче когда видъ лица ихъ не противенъ. Однако при танцованіи менуета, началъ онъ, когда я ему подавала руку, оную сжимать; а при отдохновеніи говорилъ мнѣ о такихъ вещахъ, которыя мнѣ не нравились.

И такъ ничего больше мнѣ не оставалось, какъ объявить о происходящемъ моимъ родственникамъ. Но какъ сіи можетъ быть думали, что во всемъ Ф*** не найдутъ для меня столь искуснаго Танцмейстера, или и въ самомъ дѣлѣ не находился: потому и не могли ему отказать; но къ предупрежденію продолженія сихъ любовныхъ изъясненій, вздумали еще

кого нибудь взять въ танцовальные часы. Къ сему избранъ былъ учитель моихъ племянниковъ, для того что онъ хорошими своими поступками каждому нравился, притомъ и всякой день въ нашъ домъ ходилъ. Онъ принялъ сїе предложенїе, которое до сего времени ни по какому другому намѣренїю онъ желалъ, какъ по охотѣ своей къ изученїю танцованїя; но отъ своихъ родителей, не взирая на ихъ достатокъ, не имѣлъ на то позволенїя: ибо они опредѣлили его въ духовной чинъ, не зная притомъ, что Пастору не безпристойно имѣть хорошую осанку, и вступить благопристойнымъ положенїемъ тѣла въ общество. — Вотъ узелъ, къ которому примыкается прочей остатокъ моего жребїя!

Господинъ Пальмъ, — такъ онъ назывался, — былъ весьма строенъ; но не взирая на то съ начала выступалъ весьма криво ногами, такъ что Французъ часто громко ему говорилъ: Боже мой! возможно ли, чтобъ столь рослой человѣкъ казался нестройнымъ въ танцованїи! Я и сама нѣ-

сколько надъ нимъ шутила, отъ чего и возбудилось его честолюбіе. И такъ онъ въ короткое время сталъ изрядно танцовать, такъ что я думала, либо онъ дома прилѣжно повторяетъ, или тайно у другаго танцмейстера обучается. Я ему сдѣлала за сіе учтивый поклонъ, а онъ мнѣ отвѣчалъ, что причина его желанія къ изученію танцованія была получить хорошую осанку, но въ самомъ танцѣ ему нужды не был; а съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня узналъ, что онъ не хорошо танцуетъ, почиталъ себя принужденнымъ прилагать все стараніе, чтобъ не казаться мнѣ противнымъ въ танцованіи.

Сей отвѣтъ ясно бы могъ глазамъ моимъ представить сердечное его чувствованіе, естьли бы я тогда довольно была замѣчательна. Приписуемое имъ его стараніе моему на него вниманію считала я единою только учтивостію, дѣлаемою нашему полу. Какъ онъ спустя малое потомъ время у насъ обѣдалъ, произошелъ между его учениками не большій споръ, братомъ и его сестрами. Пальмъ до-

пустилЪ ихЪ нѣсколько времени между собою спорить, а старшая сестра ссылалась на учителя, что онЪ подтверждаемое ею вЪ недавномЪ времени толковалЪ.

При семЪ я была столь не осторожна, что отдала ей вЪ томЪ справедливость, сказавЪ что и я то прислушала. ОтЪ сего покраснѣлЪ ПальмЪ, и я такжеʼ тетка моя превратила сїе вЪ шутку. Вы конечно не знаете, сказала она ему, что вы имѣли Клару тайною своею слушательницею. ОнЪ сдѣлалЪ низкой поклонЪ, а мнѣ ничего больше не осталось, какЪ сказать, сколько мнѣ нравилось его толкованїе, и надѣюсь, что по соизволенїю моихЪ родственниковЪ не противно ему будетЪ имѣть меня такЪ же впредь ученицею, которая столько же будетЪ внимательна, какЪ и дѣти.

СЪ того времени садилась я по большой части сЪ своимЪ рукодѣлїемЪ вЪ учебной горницѣ, и упражнялась, какЪ и другїе, вЪ изустныхЪ повторенїяхЪ толкованїй и вЪ письменныхЪ упражненїяхЪ, а паче всего

въ письмахъ. И такъ я всякой день съ нимъ видѣлась и говорила, при упражненiяхъ нашихъ въ танцованiи и учебныхъ часахъ. Поелику мѣщанинъ, каковымъ онъ себя въ слѣдствiе мнѣ объявилъ, чувствуетъ всегда разносить между собою и Дворянствомъ; и потому останавливается въ нѣкоторомъ разстоянiи, опасаясь либо чтобъ не оказать себя безстыднымъ и дерзкимъ, или не чрезвычайно унизиться. Такимъ образомъ былъ и онъ съ начала робокъ, и нѣсколько находился въ замѣшательствѣ, когда онъ долженъ былъ что нибудь мнѣ сказать, и приносилъ тысячу извиненiй, естьли въ письменныхъ моихъ упражненiяхъ что нибудь надлежало ему перемѣнить. Я почла за нужное нѣсколько его привѣтствовать, чтобъ прогнать его стыдливость; и потому увѣряла его въ моей дружбѣ, оказывала ему особенную довѣренность, и просила, чтобъ онъ забылъ, что я въ глазахъ свѣта родилась отъ вышшаго состоянiя, а совершенно бы почиталъ меня своею ученицею. Я не думала, чтобъ сiе

причинило мнѣ опасность, и оскорбила бы тѣмъ мою добродѣтель. Намѣренія мои были чистыя, ибо я опасалась, что за робостію его не столь полезны будутъ мнѣ его знанія, какъ естьли онъ съ большею вольностію духа со мною разговаривать будетъ. И такъ я не могу себя упрекать, что сіе дѣло въ самомъ дѣлѣ въ слѣдствіе перемѣнилось, чего я не предвидѣла.

Теперь началъ онъ, во время учебныхъ часовъ, часто обращаться ко мнѣ, и говорилъ съ жаромъ и живостію, а паче когда что нибудь толковалъ изъ Натуральной Исторіи. Онъ часто по прошествіи означенныхъ часовъ еще оставался. Дѣти убѣгали прочь, онъ только со мною разговаривалъ. Казалось, что онъ страстно полюбилъ танцованіе, и почти при минуетахъ позабывалъ упускать мою руку. Мы иногда всѣ прогуливались въ саду, ловили бабочекъ, или разсматривали насѣкомыхъ посредствомъ увеличительнаго стекла. —— Или садились подъ тѣнію деревьевъ, гдѣ онъ мнѣ читалъ изъ

книгѣ, изданныхъ около пятнатцати лѣтъ, а паче изъ Аглинскихъ Романовъ Рихадсона или Нѣмецкихъ стихотворенiй; при нѣжныхъ пѣсняхъ или мѣстахъ казался онъ быть безпокойнымъ и перемѣняющимъ цвѣтъ лица своего. Однако я ничего въ разсужденiи себя не подозрѣвала, но заключала, что онъ въ какую нибудь городскую дѣвушку влюбленъ.

По истеченiи около полугода, какъ я ему нѣкогда опять подала письмо для исправленiя, просилъ онъ у меня позволенiя дома его прочитать; и что На другой день опять его мнѣ назадъ возвратитъ. Сколь страннымъ мнѣ сiе ни казалось, однако я ни въ чемъ не могла противиться. Въ слѣдующiй день извинялся онъ, что дѣла препятствовали ему просмотрѣть мое письмо. Такимъ образомъ промѣдлилъ онъ еще нѣсколько дней, и каждой разъ казался приходить въ большее замѣшательство и безпокойство, такъ что началъ на меня приходить страхъ. Наконецъ сказалъ онъ: что теперь принесъ онъ письмо, но что

до окончанія часовъ отложитъ врученіе мнѣ исправленнаго письма. Сіе опять казалось мнѣ нѣчто особеннымъ, и я отъ часу дѣлалась любопытнѣе.

По окончаніи учебныхъ часовъ взялъ онъ свою шляпу и тросшь, вынялъ изъ кармана письмо, вручилъ его мнѣ и спѣшилъ изъ дому. Поелику врученное мнѣ письмо было толще моего, и сіе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство, то спѣшила я съ нимъ въ мою спальню. Сколь я ужаснулась, нашедъ при исправленномъ моемъ письмѣ еще одно, отъ него писанное, въ которомъ онъ открывалъ состояніе своего сердца! Вотъ оно, любезныя пріятельницы! Оно не столь мнѣ было маловажно, чтобъ я его не сохранила.

,, Пораженный ударомъ всесильныя любви, являюсь теперь къ вамъ, милостивѣйшая государыня, съ симъ письмомъ. Ни вы, ниже другой какой въ свѣтѣ человѣкъ не можетъ столько мнѣ сдѣлать за сію мою продерзость укоризнѣ, сколько я самъ себѣ ихъ сдѣлалъ, и каждую еще минуту

себя укоряю. Съ самаго того часа, какъ я узналъ, что вы мои толкованія удостоиваете вашимъ вниманіемъ, все мое честолюбіе во мнѣ возбудилось, и единыя мои старанія состояли съ того времени въ томъ, чтобъ только ваше пріобрѣсть одобреніе. Вы присутствовали въ моихъ учебныхъ часахъ. Часто поощряла меня благосклонная ваша улыбка къ соединенію съ моимъ толкованіемъ всей живости и твердости моего духа. Часто дѣлали вы мнѣ возраженія, которыя подавали мнѣ поводъ удивляться превосходству основательности вашего разума. Иногда читая вамъ что нибудь отмѣнное изъ прелестей и высокихъ достоинствъ добродѣтели; когда какой нибудь стихотворецъ изображалъ намъ то блаженство, которымъ два одинакія сердца и въ простѣйшемъ шалашѣ въ глазахъ природы наслаждаются: — тогда небольшой вздохъ подымалъ вашу грудь. — И какъ могъ бы нижайшій смертный воспретить себѣ сіе пріятнѣйшее желаніе! Ахъ! сколь благополученъ будетъ тотъ смертный,

для котораго нѣкогда изъ прекрасной сей груди исторгнется вздохъ! — Я жилъ въ вашей атмосферѣ; — я видѣлъ, сколько красота сердца вашего съ разсужденіями ежедневно на подобіе юной розы раскрывалась! — Могло ли быть иначе, какъ чтобъ сердце мое, знающее только душевное благородство и при семъ забывшее о другомъ благородствѣ, было любовію похищено, о которой разсудокъ тысячекратно ему представлялъ, что она безнадежна? Ахъ, мое благополучіе! драгоцѣннѣйшая, превосходнѣйшая и пріятнѣйшая! — вы видите, что я не прибавляю. — Ибо не одна только та одежда, въ которую самая добродѣтель въ особѣ вашей облекалась, меня тронула. Ахъ! сіе благополучіе — вы можетъ быть разумѣете, и сіе можетъ быть не великая будетъ потеря, — будетъ стоить спокойствія всей моей жизни!„

„Непостижимая судьба! Для чего рожденіе мое не возвысило меня на ту степень, на которой сія достопочтенная дѣвушка находится! Для чего не родилась она въ шалашѣ,

а я на престолѣ, чтобъ я могъ ее къ себѣ возвысить, — чтобъ я могъ ей сказать: иди ко мнѣ, украшеніе дѣвицъ! сіе состояніе для тебя низко. Приди, я вознагражду неправосудіе судьбы; раздѣли со мною престолъ, и дѣлай всѣ области благополучными, какъ и меня!,,

,, О Клара! естьли бы я могъ, — или паче естьли бы я смѣлъ изобразить вамъ сладость тѣхъ сновъ, въ которыхъ часто я себя видѣлъ Королемъ, и тебя подлѣ меня сидящую: — то бы вы тысячекратно почли меня счастливымъ, сколько я теперь несчастливъ. Сколько я роптaлъ на тотъ день, которой меня низвергъ въ бездну моего мѣщанскаго состоянія, и едва могъ онъ только тѣмъ со мною примириться, что позволилъ мнѣ итти къ моей Богинѣ! — Но я запрещаю себѣ, представлять вамъ изображенія тѣхъ сладостей, которыя я въ вашемъ бѣселованіи вкушалъ. Я не хочу быть вашимъ искусителемъ. Останьтесь навсегда вѣрною вашему рожденію, и не допускайте никогда прельстить

себя тѣми мнѣнїями, будто взаимная только склонность сердецъ дѣлаетъ въ любви благополучїе; будто вы отъ супруга равнаго вашему состоянїю можете сдѣлаться несчастнѣйшею, нежели отъ низкаго мужа; будто никакой человѣкъ не находился на земной поверхности, которой бы могъ съ вами спокойнѣе и прїятнѣе сїю жизнь препроводить.—— Нѣтъ! Естьли бы при величайшемъ счастїи любви та мысль въ сердце ваше вкралась, что вы изберете себѣ мещанина, — я бы погибъ. — Нѣтъ! вы не можете быть моею!,,

,, Однако же я вамъ пишу о моей любви! Какое противурѣчїе! —— О Клара! былъ ли бы я утопленъ въ столь великой къ вамъ любви, естьли бы я себѣ не противорѣчилъ? —— И когда бы вы сами въ объятїя мои бросились, —— оттолкнула ли бы васъ одна рука управляемая разсудкомъ; а между тѣмъ другая, поощряемая любовїю, васъ къ груди моей привлекла?

„Теперь открылъ я вамъ состоянїе моего сердца, и начинайте меня наказывать! — только не забудь, почтенный судїя, что чувствованїя мои не развратны, и потому недостойны наказанїя, и что я больше могу называться несчастнымъ, нежели дерзновеннымъ преступникомъ!„ —

„Я трепещу, помышляя, что мнѣ должно завтра къ вамъ явиться. Сколь продолжительно, — и сколь коротко мнѣ покажется сїе время!„ —

Вотъ было его письмо! Судите теперь меня, любезныя мои прїятельницы! заслуживаю ли я вашего наказанїя, что я не такъ, какъ до сего, тогда больше къ нему чувствовала, нежели какъ ученица! Однако я могла бы еще спасти мое сердце, естьли бы другїя обстоятельства меня къ нему не прилѣпили.

Въ слѣдующїй день видѣла я его сквозь завѣсы идущаго въ нашъ домъ, не будучи имъ усмотрѣна; казалось, что почти при каждомъ приближающемся его шагѣ ноги его содрагали и будто находились въ недоумѣнїи,

не обратиться ли назадЪ. Шляпа его была очень низко на глаза спущена, и онЪ иногда отваживался робкой свой взорЪ подымать на мое окошко; но оной мгновенно потупляЛЪ, какЪ будто бы боялся, чтобЪ меня не увидѣть. Я о немЪ сожалѣла; однако не могла рѣшиться, чтобЪ быть при учебныхЪ часахЪ. Также и танцовальные часы за моею болѣзнію были отложены.

Сіе продолжалось нѣсколько недѣль: всякой разЪ видѣла я его приходящимЪ сЪ большею печаліею. До сего сЪ робостію отваживался онЪ оглядываться на мою горницу; но теперь казались его глаза сЪ прилѣжностію меня ищущими; и какЪскоро издали меня обозрѣвали, то якобы кЪ божеству о помощи просящими обращались, и какЪ будто бы могли быть утѣшены. Дѣти прибѣгали вЪ мою горницу и жаловались: „ради бога говорили они, тетушка сударыня! что такое сдѣлалось господину П*** ? Прежде сего былЪ онЪ всегда ласковЪ, и веселЪ, когда былЪ сЪ нами; но за недѣлю всегда у него глаза вЪ

слезахЪ. Мы его всякой день спрашивали что ему сдѣлалось? ,,ничего, ничего, любезные дѣти! отвѣчалЪ онЪ,, Однако сего дня сказалЪ онЪ: что отецЪ его весьма опасно боленЪ, и что можетЪ быть онЪ предчувствовалЪ сїе или еще злѣйшее несчатїе, что онЪ былЪ столько печаленЪ, ,, Естьли бы вы опять когда нибудь, тетушка сударыня, пришли во время нашего ученїя; то мы думаемЪ, что господинЪ П*** нѣсколько бы опять сдѣлался веселѣе. Вы всегда сЪ нимЪ столь разумно разговаривали.,, —— Также дядя и тетка меня спрашивали, что сЪ нимЪ сдѣлалось, такЪ что я испугалась, какЪ будто бы они на меня имѣли подозрѣнїе.

При сихЪ обстоятельствахЪ рѣшилась я опять появиться; но такимЪ образомЪ охранять свое сердце, чтобЪ его не опечалить, ни ободрить кЪ надеждѣ. При томЪ надлежало мнѣ сколько можно принимать на себя прежнїй прїязненный видЪ,- чтобЪ по прежнему сЪ нимЪ обходиться, и чтобЪ никому не подать мнѣнїя, что поступокЪ нашЪ по край-

ней мѣрѣ съ его стороны перемѣнился. Но и вдругъ къ нему появиться, также не хорошо, для того что тѣмъ бы привела его въ торопливость. И такъ стала я въ слѣдующій день такимъ образомъ за завѣсою, что онъ меня какъ сквозь туманъ могъ усмотрѣть. Какого положенія было тогда мое лице, любезныя пріятельницы, того я не знаю; ему надлежало быть важному; было ли оно таковымъ, того я не знаю. Мнѣ казалось, что онъ пошелъ отъ насъ нѣсколько веселѣе. Въ слѣдующій день остановилась я подлѣ окошка; прежде стала я бокомъ, какъ будто бы съ кѣмъ въ покоѣ разговаривала; потомъ оборотилась я нечаянно къ улицѣ, казалась испугавшеюся, что его увидѣла, и ему поклонилась,

Вы видите, любезныя мои, что я вамъ откровенно разсказываю, и надѣюсь чрезъ сіе претерпѣть часть моей вины. Ибо когда я сердце мое испытывала, находила оное почти столько же склоннымъ быть побѣж-

денну, какъ его побѣждать. Только стыдъ и разность нашего состоянія меня еще удерживали. На третій день хотѣла я совсѣмъ ему показаться, и все время препроводила въ пріуготовленіи на то себя; однако онъ не пришелъ, отъ чего и приведена была я въ нѣкоторое безпокойство; весь нашъ домъ также находился въ недоумѣніи; послали къ нему на квартиру, и хозяинъ его извинялся въ томъ, что забылъ намъ объявить о томъ, что онъ ему сказалъ: —— при смерти лежащій его отецъ потребовалъ его къ себѣ.

При семъ открылась вся сердца моего слабость. Я почувствовала, что сей внезапной припадокъ съ отцемъ дѣлалъ ему такую услугу, которую бы онъ самъ могъ себѣ доставить, естьли бы то ему пришло на мысль, или могъ бы себя превозмочь быть нѣсколько времени въ отсутствіи. Я облакотясь на окошкѣ глядѣла вдоль улицы, какъ будто бы онъ отъ того скорѣе притти могъ. Во всю ночь лишена была я покоя, и тысячу дѣлала себѣ

упрековЪ:„ Какому страданію онЪ теперь подверженЪ! какія печали его окружаютЪ! сердце его все терзается: вЪ одну сторону влечетЪ оное умирающій отецЪ, — вЪ другую любовь. Когда мнѣ не позволено его любить, то по крайней мѣрѣ заслужилЪ онЪ мою дружбу. Когда я его вЪ оной обнадежу, то можетЪ быть онЪ и тѣмЪ будетЪ доволенЪ. Иначе же останется еще довольно времени поступить сЪ нимЪ жестоко и сурово.„ И такЪ рѣшилась я кЪ нему отписать. Но когда намѣреніе надлежало было исполнить, то стократно прерывалось, и прошло нѣсколько дней, какЪ я еще только сдѣлала тому начало. ВдругЪ послышала я, что его отецЪ, которой былЪ мѣщанинЪ вЪ сосѣдственномЪ городѣ Фрейсбургѣ, умерЪ; и тогда почла я за безчеловѣчіе, лишить его утѣшенія, посредствомЪ котораго вЪ моей состояло волѣ усладить его горести.

Я отписала кЪ нему слѣдующее письмо:

Государь мой!

Вы столько меня научили, какимъ образомъ познавать цѣну истиннаго человѣческаго достоинства, что я не могу негодовать, и обвинять васъ въ безчинствѣ, за то что вы открыли мнѣ такія чувствованія, о которыхъ, кромѣ васъ, никто еще мнѣ не объявлялъ. Но съ другой стороны думаю я однакожъ, что вы ошиблись. Ибо положимъ, что вамъ удалось или еще удастся возбудить во мнѣ взаимную любовь; но сколько бы мы оба были нещастны! Поелику ни вы, ниже я не видимъ предъ собою пути, которой бы насъ вкупѣ довелъ до благополучія! Или естьли я васъ не могу любить, то не величайшее ли мученіе произвели вы въ моемъ сердцѣ, когда мнѣ надлежитъ знать, что мой учитель, которому я столько обязана благодарностію, по мнѣ страдаетъ? Нѣтъ! государь мой! —— позвольте, чтобъ ученица ваша вамъ объявила: вы какъ противъ меня, такъ и противъ себя поступили не благоразумно. И такъ прошу васъ вступить со мною въ

первые предѣлы дружества, ибо тогда я была весьма довольна. Ибо естьли вы твердо намѣрены дать другой видъ взаимному нашему обхожденію, то мнѣ весьма будетъ жалко, что не могу называться.

Вашей

Прежней ученицею

Клара Ф Н.

Какъ скоро Клара прочитала сіе письмо, то нѣкоторыя пріятельницы подняли на головы руки, а иныя улыбались: ,, Бога ради! Клара! что вы тутъ къ нему написали! Не есть ли сіе письмо желаемый отвѣтъ? Вы точно какъ будто угрожая пальцемъ ему говорили: не люби меня! а то — я чувствую — надлежитъ и мнѣ тебя любить! ,,

,, Правда ваша, любезныя мои пріятельницы! теперь я и сама усматриваю; но тогда я еще думала, отсылать ли мнѣ его. Ибо онъ казался мнѣ писанъ весьма равнодушнымъ и отъ самой пріятельницы. Однако видно, что и онъ его таковымъ принялъ, какъ вы теперь его почитаете: ибо онъ съ неожидаемымъ

спокойствїемъ мнѣ отвѣтствовалъ, и обѣщался, сколько возможно, довольствоваться моею дружбою, —— какъ будто бы онъ тѣмъ хотѣлъ сказать: ,, лишь бы только мнѣ быть опять при тебѣ; — лишь бы только могъ я говорить съ тобою въ голосѣ друга: тогда уже твой любовникъ, котораго ты боишься и ожидаешь, опять къ тебѣ появится: —— такъ и сдѣлалось.

Когда онъ доставшееся ему послѣ отца имѣнїе, которое было довольно велико, привелъ въ порядокъ, возвратился онъ въ Ф**. Взоръ его казался мнѣ съ начала веселѣе, нежели я ожидала; учебные часы и —— какъ скоро благопристойность позволила — также танцовальные часы взяли свое начало. До сего времени упражнялся онъ въ первыхъ только для того, что его отецъ не довольно давалъ, какъ ему потребно было, на порядочное и чистое платье; теперь же продолжалъ онъ ихъ только для того, чтобъ имѣть входъ въ нашъ домъ. Я вознамѣрилась по прежнему слушать его издалека. Но сколь

часто сама нипоявлялась въ учебную горницу, то онъ совсѣмъ не походилъ на того человѣка, какъ обыкновенно бывалъ, такъ что дѣти сіе примѣтили, — хотя они и не могли того понимать, -- и всегда вбѣгали въ мою горницу, чтобъ меня къ себѣ вывесть. Тутъ должна была я усматривать, что грудь его иногда подымалась, или взляды свои, сколь часто могъ, обращалъ на меня. А я тѣмъ прилѣжнѣе устремляла глаза мои на мое рукодѣлїе, чтобъ дѣйствїе сїе не усматривать. Въ одинъ день было созвано небольшее собранїе къ нашимъ танцовальнымъ часамъ. Французъ вертѣлся со мною, я когда онъ хотѣлъ меня ухватить нѣсколько повольнѣе, указала я ему его предѣлы. Вскорѣ потомъ вертѣлся со мною П***, — и я не знаю по какой причинѣ забыла я ему дать такой же выговоръ, которой я предъ симъ сдѣлала другому. Онъ правою рукою меня обнялъ, а я положила свою лѣвую на его плечо; и какъ мы такимъ образомъ вертѣлись, взглянула я на него и усмотрѣла, что глаза его огнемъ пылали. Чтобъ скрыть,

сколь глубоко проникла я въ его сердце, начала я еще скорѣе по залу вверхъ и внизъ вертѣться, пока всѣ изъ наполненной пылью горницы вышли, для прохлажденія и почерпанія свѣжаго воздуха. Я разслабленна опустилась на стулъ; — онъ сѣлъ подлѣ меня, взглядывалъ на меня, и отваживался прижать трепещущую мою руку къ своимъ устамъ.

Вдругъ выступилъ Французъ изъ завѣсы, гдѣ мы его не усмотрѣли. Мы вскочили, и тѣмъ самимъ подтвердили его мнѣніе: что одинъ имѣлъ къ другой такія чувствованія, коимъ ни одинъ не довѣрялся, или коихъ каждой стыдился. Онъ взялъ шляпу и шпату и пошелъ не откланявшись. Все собраніе тому удивилось и мы также. Но я внутренно боялась, чтобъ какою либо ссорою не привелъ бы честь мою въ опасность. Къ счастію не имѣлъ онъ къ тому довольно времени. Но за сіе счастіе надлежало намъ дорого заплатить. Чѣмъ безпокойнѣе я была, тѣмъ веселѣе быть казалась, и я упросила, чтобъ общественное наше веселіе чрезъ сіе

обстоятельство, которое было мнѣ не понятно, не рушилось. И такъ мы до самой ночи танцовали. Наконецъ по одиначки разъѣхались.—П*** еще остался;—а какъ и онъ вышелъ изъ дому, почувствовалъ онъ въ животѣ своемъ смертоносное желѣзо. Я услышала крикъ: „Боже! я умираю!„ сбѣжала къ нему и нашла его въ крови.

Сколько я испугалась, увидѣвъ П*** плавающаго въ крови, то можете вы, любезныя прiятельницы, себѣ представить. Тогда то уже сердце мое сдѣлалось мнѣ подозрительнымъ, и я бы отъ страха упала, естьлибы разсужденiе, что поздая помощъ будетъ стоить его жизни, не удержало моего отчаянiя. На крикъ мой сбѣжались всѣ домашнiе, и всеобщей вопль моихъ родственниковъ, а паче малыхъ дѣтей, позволилъ безъ дальняго подозрѣнiя испускать мнѣ слезы. Лекарь объявилъ, что надѣется, что не раненъ никакой нѣжной членъ.

Вотъ какова жизнь человѣческая! Мы танцовали безпечно и весело, а

больше всего былЪ П*** столько восхищенЪ, такЪ что льстился, что я кЪ нему не совсѣмЪ равнодушна; и вЪ самое то время пригошовилЪ злодѣй ему смерть И потому говорятЪ люди, что нѣмЪ больше надлежитЪ чувствовать радость;——сЪ большею алчностїю каждую каплю оной глотать, и позабывать, что всегда мечь бѣдствїя за спиною нашею носимЪ на волосѣ; поелику не извѣстно, не послѣдняя ли та есть капля радости, которою наслаждаются. — ТакЪ конечно, говорятЪ благополучные, коихЪ чувствованїя кЪ жизненнымЪ веселостямЪ тысячами бѣдствїями не притупились.

Но когда первый страхЪ минулЪ и начала извѣдывать о виновникѣ и причинѣ сего убїйства, пришла я вЪ великое замѣшательство. КЪ величайшему счастїю, ФранцузЪ изготовившись можетЪ быть напередЪ все кЪ отъѣзду, изЪ города скрылся, и не осталось никого больше свидѣтеля вЪ дѣйствїи между мною и П**: разсуждали вЪ разныя стороны; а тѣ, которые бы могли истолковать сїю загадку, молчали. А какЪ я уже преж-

де сего жаловалась на любовныя покушенія танцмейстера, то и заключили, что равно были оныя и причиною сего его злодѣянія. Я со своей стороны увѣряла, что не могу вспомнить, чтобъ когда нибудь подала къ тому поводъ. И потому заключили, что сіе было приготовлено другому танцовщику нашего собранія, и что П***, котораго въ томъ и не подозрѣвали, тому несчастію нечаянно подвергся.

По первой перевяскѣ его раны явилось, что шпага прошла сквозь пустую часть живота, и рана потому не смертельная. Вскорѣ больной ни на что больше не жаловался, какъ на скучное время. И по тому всегда большая часть домашнихъ собирались къ нему въ покой, чтобъ съ больнымъ разговаривать. Я также, сколько позволяла благопристойность, была при томъ. Онъ просилъ насъ, чтобъ, такъ какъ онъ прежде сего нѣсколько намъ разсказывалъ и читалъ, сдѣлать ему теперь сію услугу, за которую онъ, какъ скоро ему позволятъ силы, намъ возблагодаритъ. Я довольно усматривала,

что его прозьба больше ко мнѣ относилась, но не разсудила за благо отказать ему въ сей услугѣ. И такъ велѣлъ онъ принесть большую часть своихъ книгъ, и мы препроводили нѣсколько вечеровъ въ чтенiи и примѣчанiяхъ надъ прочтеннымъ. Съ начала всѣ слушали со вниманiемъ, — потомъ мало по малу дѣти открадывались къ своимъ играмъ, естьли имъ не кажется ничего любопытнаго, такъ что я одна оставалась. Такой случай не былъ ни мнѣ ни больному угоденъ: ибо я находилась въ замѣшательствѣ, чтобъ онъ не началъ говорить о болѣ и о другихъ вещахъ; онъ съ своей стороны приходилъ тогда въ явное безпокойствiе, и казалось, что мысли его находилися въ движенiи, начать ли или какимъ образомъ ему опять начать говорить о любви?

Однажды дѣти опять ушли: — тогда подалъ онъ мнѣ книгу, которая подлѣ его на постелѣ лежала раскрыта, просилъ меня изъ оной ему прочесть. Сiя была изъ сочиненiя Аглинскаго Стихотворца Попiя, а

имянно нѣкоторое письмо Елоизы къ Абельярду. Я еще не знала приключенія сихъ двухъ злосчастныхъ любовниковъ. Но прочитавши одну или двѣ страницы, голосъ мой сталъ оказывать торопливость, и сердце начало биться. Я всевозможно себя принуждала къ сокрытію моихъ движеній. Наконецъ дочиталась я до того мѣста, которое вѣчно пребудетъ впечатлѣно въ моемъ сердцѣ:

,,Ты знаешь, пишетъ она, сколь
,, невинно съ начала принимала я
,, твой пламень, когда любовь подъ
,, именемъ дружества ко мнѣ приближалась. Ты воображенію моему представлялся какъ Ангелъ, какъ лучь
,, совершеннѣйшей и добродѣтельнѣйшей души. Сіи улыбающіеся очи, коихъ
,, каждый лучь былъ размѣренъ, подобились небесному свѣтилу, когда пріятно озарялись. Невинно я съ тобою
,, обходилась. Небо внимало, когда
,, ты пѣлъ, и божественныя
,, истинны истекали украшенны изъ
,, устъ твоихъ. Какія бы то были наставленія изъ такихъ устъ,

„ какъ твои, кои бы меня не убѣ-
„ дили! вскорѣ они меня научили,
„ что и любить не есть грѣхъ!„

При семъ выпала книга изъ рукъ моихъ. Онъ устремилъ на меня взоръ, пылающій любовію, и протянулъ руку свою за моею. Тогда еще очнулась дремавшая до сего времени моя страсть. Соболѣзнованіе одолѣло сердцемъ моимъ, въ сихъ мысляхъ: „ради тебя лежитъ онъ здѣсь и страждетъ; одинъ поцѣлуй твоей руки подвергъ его опасности смерти; сколь бы легко тому можно сбыться, что вмѣсто сей постели лежалъ бы онъ теперь во гробѣ!„ Непостижимо, какъ будто вышнею властію понужденна, подала я ему мою руку, которую онъ къ устамъ своимъ прижалъ.

„Хотя бы тысяча кинжаловъ на меня были изготовлены, вскричалъ онъ, то съ радостію буду взирать на ихъ приближеніе къ сердцу моему, естьли только ими доставляю себѣ счастіе, цѣловать сію руку!„

,,Пощадите себя! будьте спокойны!——вы себѣ вредите!——,, Вотъ было все, что я ему могла сказать.

Развѣ мнѣ столь страшна та смерть, которую я за васъ получаю! О! спѣшите сюда тиранны! убійцы всякаго рода! пронзайте, терзайте, жгите сіе тѣло, естьли только могу умереть съ сими блаженными мыслями, что претерпѣлъ смерть за то, что Клара меня — ,,съ трогающимъ видомъ глядѣлъ онъ на меня, можетъ ли онъ произнесть слово ,,любитъ!,,—— Пламень вступилъ въ лице мое, и я опустила голову на подушки, чтобъ скрыть въ оныхъ покраснѣвшія свои щеки. Онъ усиливался ко мнѣ наклониться, и поцѣловалъ меня въ шею, и —— какъ я опять поднялась——въ уста:—— О дражайшая моя Елоиза! теперь я въ числѣ боговъ!,, —— Я боясь, чтобъ кто нибудь не вошелъ къ намъ, вырвалась у него и спѣшила въ мою горницу, но не оставивъ его безъ такого взора, которой возвѣщалъ ему прощеніе. На другой день получилъ онъ лихорадку.

Я написала нѣсколько строкъ, кои, какъ скоро было можно, ему подкинула: „Естьли вы хотите, чтобъ я когда нибудь васъ посѣтила, то пощадите себя и меня таковыми дѣйствіями, какое было вчерашнее; старайтесь быть спокойны, чтобъ опять выздоровѣть, и тогда ожидайте того, что позволитъ добродѣтель и благопристойность!„

Съ самаго того времени до совершеннаго его выздоровленія, старалась я, колико возможно не подавая подозрѣнія о томъ, чтобъ никогда не быть одной при немъ. Онъ примѣтилъ тайное мое въ томъ расположеніе, и умолялъ жалобными взорами о кратчайшемъ счастіи, видѣть меня при себѣ одну. Тщетно!—

Между тѣмъ наступила весна, и лекарь позволилъ ему въ хорошій день выходить для наслажденія свѣжаго воздуха въ садъ. Я довольно примѣтила, что онъ бы совершенно былъ здоровъ, естли бы сердце его не страдало, однако я ничего не отваживалась употребить ко уменшенію его болѣзни. Я чувствовала мою

слабость, и для того сама себя стерегла. Однако онъ меня подстерегъ, какъ я однажды стояла на возвышенномъ въ саду мѣстѣ, и смотрѣла на горы Ф***, сими словами, кои были сопровождены вздохомъ: ,, о Клара! какое блаженное убѣжище представляется на тѣхъ синеватыхъ горахъ двумъ на свѣтъ произведеннымъ любовникамъ!,, Я не довольно поняла, что онъ чрезъ сіе хотѣлъ сказать, и не отваживалась просить у него тому изъясненія, заключая изъ сихъ словъ, что онъ уже въ мысляхъ своихъ сдѣлалъ нѣкоторое расположеніе. Скоро спѣшила я съ сего возвышенія; —— ,,Ахъ! посмотрите на первую весеннюю фіалку.,,—Я думала, что весьма хорошо здѣлала, начавъ говорить о другой вещи; но онъ взялъ фіалку и говорилъ: ,,благополученъ сей первый цвѣтокъ! ты мнѣ подобенъ! ты цвѣтешь въ уединенныхъ долинахъ, покрытъ вышними растѣніями и благоразумно помѣщаешься въ тѣни отличныхъ твоихъ сестръ, кои могутъ главы свои подымать къ солнцу! Какъ ты бываешь при отличной

розѣ, такъ я теперь стою подлѣ Клары, и взвожу на нее свои взоры.,,

—,,А естьли солнечный лучь сожжетъ розу, не опуститъ ли она тогда свою голову и не приклонится ли къ фіалкѣ?,, отвѣчала я, и поздо уже опомнилась, что я моимъ отвѣтомъ не только слишкомъ себѣ измѣнила, но казалось, что я соглашалась въ томъ, что его столь же низко подъ собою зрю, какъ и фіалку подъ розономъ. Сей отвѣтъ былъ изъ числа несмысленныхъ рѣчей, любезныя пріятельницы, кои весьма легко изъ устъ нашихъ вырываются, а паче, когда мы наши мысли хотимъ присоединить къ мыслямъ другаго.

Владычица цвѣтовъ! повторилъ онъ, когда вы озираетесь на своихъ подданныхъ, то удостойте.—— ——

,,Тише! тише! прервала я, вы еще не можете снести подобныхъ чувствованій. Пойдемъ посмотримъ, какъ дѣти тамъ играютъ на младой травѣ.

Однако можетъ быть я слишкомъ говорю подробно; почему и при-

ступлю теперь къ той достопамятности, которая для меня была рѣшительна.

Въ 1770 году вступилъ въ Ф*** новой полкъ. Въ онамъ былъ одинъ Капитанъ, которой чрезъ нашего знакомаго спознался съ моимъ дядею. И такъ онъ часто къ намъ приходилъ, и по большей части случалось, что онъ также и П*** играли со мною въ карты. Я вскорѣ примѣтила, что онъ сей случай изъискивалъ, и для того бралъ съ собою и П***; для того что хотѣлъ другихъ Офицеровъ равнаго чина содержать отъ меня въ отдаленности. Вскорѣ потомъ казалось, что онъ замѣчалъ — я не знаю какъ и почему, — что онъ того избралъ третьимъ, которой больше всѣхъ ему препятствуетъ. Можетъ быть П*** не довольно могъ собою управлять и не препятствовать, чтобъ унынїе не изображалось на его челѣ, когда Т*** — такъ онъ назывался — говорилъ мнѣ обыкновенныя ласкательства, или бралъ меня за руку. Сїе возмутило въ немъ гордость, что мѣщанинъ казался желающимъ за ме-

ня свататься. Тогда старался препятствовать, чтобъ П*** не случался при нашей игрѣ. А какъ однажды случилось, что онъ съ нами игралъ, то сказалъ онъ ему нѣчто въ обиду; и потому долгое время не являлась я въ ихъ сообщество.

Сїе время подало случай Т*** говорить обо мнѣ съ моими родственниками, которые обѣщались ему пособить въ семъ его предпрїятїи. Они также думали, что и родители мои на то склонятся: тогда думалъ господинъ Капитанъ, что все уже получилъ, и осмѣлился меня посѣтить. Обыкновенная его рѣчь была о полученїи моей руки; но онъ показался весьма обиженнымъ, что я великость того счастїя, чтобъ быть его, не столь скоро усмотрѣть хотѣла. Между тѣмъ отписалъ мой дядя, также и господинъ Т*** къ моимъ родителямъ; а получивъ желанный отвѣтъ, пришелъ ко мнѣ опять, какъ будто торжествующъ. Мнѣ показалось весьма обидно, что онъ просилъ благоволенїя моихъ родителей, прежде нежели получилъ мое

согласіе, о чемъ я ему и сказала. Отъ того онъ такъ воспалился, что проворчалъ — не знаю — что-то о подлости и низкомъ происхожденіи и столько меня разсердилъ, что я ему во всей надеждѣ прямо отказала. Тогда побѣжалъ онъ къ моимъ сродникамъ, и о всемъ томъ, что онъ обо мнѣ заключилъ, разсказалъ, какъ въ самой справедливости, такъ что тетка моя ко мнѣ прибѣжала, и сдѣлала мнѣ жесточайшія укоризны, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ предалась въ объятіи побродяги и нищаго.

Вы легко можете заключить, что все сіе не столько тайно происходило, чтобъ служители нѣсколько того не примѣтили; а когда они знаютъ о какомъ нибудь дѣлѣ, то уже оное больше не останется сокровенно отъ народа. Также и Т*** былъ столько благоразуменъ, что въ собраніи говорилъ о своей надеждѣ и намѣреніи. И потому П*** вскорѣ провѣдалъ о произшедшемъ. Онъ узналъ, что онъ опять имѣетъ совмѣстника; а что сей благосклон-

жо принимаемъ моими родственниками, могъ онъ изъ того усмотрѣть, когда ему было сказано, что ученіе дѣтей, которые нѣсколько хвораютъ, на нѣкоторое время отлагается, пока его опять о томъ просить будутъ.

Съ того времени препровождала я дни свои въ величайшей скукѣ, и рѣдко выходила изъ своей горницы. Долгое время видѣла я его съ потупленною головою прокрадывающагося мимо моего окна, какъ вдругъ уже опять отъѣхалъ. Я думала, что онъ не сталъ показываться. Я извѣдывала, сколько можно осторожно, и наконецъ провѣдала, что онъ отчаялся быть когда нибудь счастливымъ въ своей любви; для того что столь много препятствій стояло на его пути — обиженъ моими сродниками, также и на меня причинивъ ихъ негодованіе. — Иногда въ стѣсненіи сердца моего думала я, что можетъ быть Т*** лишилъ его жизни, — и потому считала я себя его лишенною. Я не утаеваю, что я отъ того много страдала.

Вечерѣ осьмый

Наконецѣ спустя около четырехѣ недѣль пошла я однажды вѣ садѣ, вѣ которомѣ я тогда безѣ надзирателей могла прогуливаться, для того что отѣ П*** уже ничего больше не опасались. Я сидѣла на дерновой скамѣйкѣ, и думала — признаюсь — о немѣ: „ что онѣ теперь претерпѣваетѣ! сколь жестока его судьба! — Потомѣ обвиняла его, что онѣ вѣ меня влюбленѣ, или что онѣ не могѣ доказать родословіемѣ дворянство своихѣ предковѣ; —„ и гдѣ бы онѣ теперь находился; можетѣ быть его несчастіе занесло его вѣ отдаленныя страны! „ — Я также не могла понять, для чего онѣ ни малѣйшаго о себѣ извѣстія мнѣ не давалѣ; но сама опять его извиняла, что можетѣ быть онѣ столько великодушенѣ, что не хочетѣ меня подвергнуть гнѣву моихѣ сродниковѣ; я потомѣ думала также, что не хочетѣ любви своей жертвовать величайшимѣ моимѣ спокойствіемѣ. Сіе послѣднее разсужденіе сдѣлало ему превосходную

пользу. Наконецъ вспомнила я его мысли, которыя онъ мнѣ однажды объявилъ, для чего не родился онъ владѣтелемъ, чтобъ меня возвысить къ себѣ?„ Развѣ ты не можешь, — сказала я въ себѣ — стольможъ поступить благородно? Ты не владѣтельница, и потому ему остается гораздо меньше степеней возвыситься къ тебѣ. Предъ жертвенникомъ Бога любви стоитъ владѣтель подлѣ мѣщанской дочери, и сей маленькой тиранъ не разбираетъ дворянскихъ грамотъ, ни родословій.

Вы видите, любезныя сестрицы, въ какомъ положеніи было мое сердце, которое только, не знаю, противъ какихъ-то укоризнъ разума старалось оправляться. И такъ вы можете себѣ представить, какую страхомъ наполненную радость я чувствовала, когда внезапно увидѣла его идущаго ко мнѣ. Взоръ его изображалъ скорбь и уныніе. Однако сквозь сіе облако проницалъ не большой лучь радости, которую я почитала происходящую отъ того,

что онъ опять меня видитъ. Я еще не успѣла встать, какъ онъ уже лежалъ у моихъ ногъ; опустилъ голову свою на мои колѣни, и не могъ больше произнести, какъ: ахъ, милостивая Государыня! не уже ли я опять столь счастливъ?

„Встаньте — я не могу видѣть васъ въ такомъ положенїи; — отступите отъ меня — сядьте здѣсь — подите — удалитесь! — чего вы хотите? откуда вы взялись? — поднимитесь! — я васъ о томъ прошу. — „

Не прежде, пока вы не опредѣлите моей судьбы! Я продалъ мое наслѣдство и все превратилъ въ деньги; я больше имѣю достатку, нежели думалъ, и вступаю теперь въ пространный свѣтъ. Я пришелъ съ вами проститься — и Бога ради! — буду ли я столь безмѣрно счастливъ, чтобъ такую спутницу — о Клара!

„Какъ! что вы говорите? могли ли вы о томъ подумать? „ — Ахъ! я конечно довольно знаю, что желанїя мои

слишкомъ далеко простираются! — Я знаю, что я опредѣленъ быть несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ числѣ освѣщаемыхъ солнцемъ — и чѣмъ я сїе заслужилъ, о создатель! (тутъ возвелъ онъ глаза свои на небо), что ты меня сотворилъ столь низкимъ отъ сей божественной дѣвушки! — Развѣ отъ крови зависитъ благородство, а не отъ сердецъ?

Я не могла отвѣчать, а онъ безмолвенъ опустилъ опять голову. — Вдругъ вскочилъ онъ, возводилъ на меня такїе взгляды, которые бы въ нечувствительнѣйшемъ сердцѣ возбудили сожалѣнїе, и сказалъ: живите благополучно — на вѣки благополучно! въ другомъ свѣтѣ, гдѣ никакой санъ не нарушаетъ блаженства людей, буду васъ нѣкогда искать, питаться вашими взорами, и неразлучно пребуду съ вами. — Теперь — на сей землѣ удостойте меня послѣднимъ поцѣлуемъ.

При сихъ словахъ поцѣловалъ онъ меня прежде, нежели я могла

осмотрѣться, и великая отрада явилась на всемъ его лицѣ. — „Ну теперь съ удовольствїемъ пущуся я въ пространный свѣтъ. Я напитался медомъ, коего сладость я въ сердцѣ моемъ, какъ неоцѣненное сокровище буду сохранять, горчайшее мое страданїе, да и самое лишенїе васъ тѣмъ услаждать. Живите благополучно! —

Онъ все прощался, и все держалъ мою руку. — Я своей руки не вырывала, ничего не говорила, да и не знала, что дѣлала; а осмотрѣвшись находилась уже съ нимъ при садовой калиткѣ. Онъ хотѣлъ меня еще однажды обнять, но я почувствовала, что второй поцѣлуй совершенно меня погубилъ: — „Куда же вы хотите!„

То извѣстно вашему и моему творцу! — „Развѣ мнѣ не надлежитъ вѣдать, что съ вами будетъ въ свѣтѣ?„

Я вамъ о томъ напередъ объявлю. На полѣ стоитъ почтовая коляска, въ которую я теперь брошусь, давъ свободное теченїе моимъ мы-

слямъ, и велю себя вести, пока достигну того мѣста, гдѣ найду смерть —— либо на войнѣ, которую теперь Россіяне съ Турками имѣютъ, или на морѣ; и естьли вы когда скоро будете усыплены въ объятіяхъ счастливѣйшаго меня, и что нибудь заворошится около завѣсы вашей постели, и потомъ покажется вамъ, что нѣкто миловидно вамъ киваетъ: то пудумайте тогда, что то есть первый и истинный вашъ обожатель, которой отпросился у своего творца, по крайней мѣрѣ послѣ смерти своей быть при васъ, когда онъ не могъ того сдѣлать при жизни своей.„ О! какую неизреченную радость буду я тогда чувствовать, когда безпрепятственно буду разсматривать сей цвѣтущій образъ, когда я буду тайнымъ свидѣтелемъ того тихаго вздоха, которой иногда сію грудь пораженную сими словами будетъ подымать. „— Ахъ! я учителя своего сдѣлала несчастнымъ, не взирая на то, что могла составить его благополучіе!

ВЪ ту же минуту услышала я, что отворилась задняя садовая калитка. —— Я испугалась ——, упала въ его объятіи, и не прежде узнала свое состояніе, пока отъ трясенія коляски не опомнилась. Солнце уже заходило; когда я очнулась, усмотрѣла себя на его груди, а онъ голову свою приклонилъ на меня и увидѣвъ, что я открыла глаза, облегчилъ стѣсненное свое сердце глубокимъ вздохомъ. —— „О П***! начала я, и предалась горести—— до чего вы меня довели? что я теперь! Боже мой! родители, родственники!„ Я просила его, чтобъ онъ назадъ возвратился — можетъ быть бы желанія его легчайшимъ средствомъ исполнились. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе къ моему успокоенію. Когда же ничего не могъ тѣмъ произвесть, сказалъ съ неудовольствіемъ: хорошо! я возвращусь, для того что вы меня не любите. Я возвращу васъ опять въ объятіи вашихъ родственниковъ, дабы вы своими глазами видѣли, какимъ образомъ шпаги всѣхъ гарнизонныхъ Офи-

теровъ на меня нацѣлены. Я не довольно разсудилъ, и теперь усматриваю, что лучше мнѣ умереть при вашихъ глазахъ отъ господина Т*** и его друзей, нежели за тысячу миль отъ васъ!

Того мнѣ въ память не приходило, и я трепетала отъ той опасности, въ которой уже его быть почитала. — Сверхъ сего, любезная Клара! продолжалъ онъ, свѣтъ знаетъ, противъ воли ли вашей я васъ увезъ, или вы добровольно предались. Не лучше ли повѣрить послѣднему? И такъ не всякой дворянинъ приметъ намѣреніе взять васъ за себя.

Тогда почувствовала я истинну его словъ, и совершенно видѣла себя въ его власти. А какъ онъ довольно усмотрѣлъ, что сіе для меня было весьма прискорбно, то хотѣлъ онъ умягчить суровыя свои слова, прибавивъ: „Что вы чрезъ сіе потеряете? Естьли на свѣтѣ какой равнаго вамъ состоянія мужъ находится, которой бы васъ нѣжнѣе меня любилъ, топрезирайте меня вѣчно. Но знайте, что только согласіе сердецъ и истинная

любовь дѣлаетъ счастливыми. Для чего не хотите вы удовольствіемъ быть моего сердца? Представьте себѣ счастіе любви во всемъ ея пространствѣ! Во время моего отсутствія изъ Фрейсбурга приготовилъ я для насъ такое мѣсто, гдѣ мы бывъ отдѣлены отъ всего свѣта, только для насъ, только для любви будемъ жить! И чрезъ нѣсколько часовъ прибудемъ мы къ тому другу, которой любезную мою Клару вѣчно со мною совокупитъ О дражайшая! удостойте меня хотя однимъ улыбающимся взоромъ, которой меня увѣритъ, что вы не имѣете на меня гнѣва; однимъ только, которой бы оказалъ не большую радость, что вы меня возводите на высочайшій степень человѣческаго благополучія!

Во все сіе время тысяча размышленій меня обуревали, и любовь, обязанность противъ родителей, воображеніе прошедшаго времени и будущаго представленіе повергли меня въ пространное море чувствованій, и я внутренно просила Бога, чтобъ

не весьма жестоко меня наказывалъ, за то что любовь мною овладѣла и меня похитила.

Мы остановились на ближайшей станцїи, которой мы при наступающемъ днѣ достигли. Пальмъ повелъ меня въ домъ своего друга, а оттуда, какъ вихрь, чрезъ садъ и въ церковь, гдѣ я ему подала трепещущую свою руку. Я не столько сама шла, сколько онъ меня несъ съ коляски, и прижималъ меня къ себѣ.

„ Нѣтъ! я не довольно васъ держу въ своихъ объятїяхъ! — Сколь велико мое благополучїе! Естьли бы мнѣ вчера ученнѣйшей изъ смертныхъ сказалъ, что я сего дня буду дражайшую Клару вѣчно называть своею, то бы я ужаснулся его знанїю. Сей часъ есть блаженнѣйшей въ моей жизни! „

Сколь слѣпы мы смертные! То краткое время, которое мы тамъ пробыли, и въ которомъ онъ началъ дѣлать достопамятность своего благополучїя, опять меня похитило

изъ его объятій. Ибо — какъ я въ слѣдствіи о томъ узнала — то былъ самъ дядя мой, которой въ рѣшительную ту минуту вошелъ въ садъ. Онъ искалъ меня, кликалъ, нашелъ садовые вороты отворены, и когда онъ меня не нашелъ, хотѣлъ поспѣшно итти домой. Дорогою ему было сказано, что не подалеку отъ сада стояла коляска, — и думаютъ, что то была я, которая въ оную сѣла, и какой-то господинъ со мною уѣхалъ.

Господинъ Т*** былъ призванъ. Сей представилъ къ услугамъ своихъ друзей. Всѣ сѣли верхами: нѣкоторые поскакали по той дорогѣ, а иные по другой. Несчастіе хотѣло, чтобъ Т*** съ своими послѣдователями попалъ на нашъ слѣдъ.

Едва отъѣхали мы полчаса отъ послѣдней деревни, какъ услышали мы за собою крикъ: ,, стой! стой! или мы тебя застрѣлимъ.,, Въ самомъ дѣлѣ изъ одного пистолета было выстрѣлено. Почталіонъ испу-

гался, лошади остановились, и мы мгновенно были окружены. П*** выскочилъ изъ коляски; но прежде, нежели хотѣлъ свою обнажить шпагу, со всѣхъ сторонъ на него они напали, и я увидѣла его упавшаго!

Хотя онъ въ слѣдствіе и сдѣлался недостойнымъ моей любви; однако мнѣ и теперь не возможно описать того изумленія, въ которое я при семъ зрѣлищѣ впала. Вы мнѣ позволите, пріятельницы, завтра тамъ связать сію нить, гдѣ я ее теперь прерываю.

Вечеръ девятый

На другой вечеръ Клара начала продолжать: Какимъ образомъ я опять возвратилась въ Фрейсбургъ, того не знаю; — а какъ меня встрѣтили, разсказывать вамъ о томъ мнѣ не хочется. Я была столь смирна, какъ овечка, и все сносила.

Терпѣливость, съ которою я всѣ укоризны сносила, для того что сердце мое мнѣ сказывало, что я оныя заслужила, еще больше моихъ сродниковъ на меня разсердила. Ибо почитали они, что сіе равнодушіе не иное что было, какъ слѣдствіе признанной погрѣшности, которое часто во зло случается. Я была отвезена въ монастырь Б***, которой находится неподалеку отъ Г***

Тамъ прожила я около четверти года, какъ — представьте себѣ — спустя сіе время пришла ко мнѣ нѣкоторая женщина, торговавшая разнымъ товаромъ, и вступила со мною въ разговоръ, при которомъ столько оказывала любопытства, что я ее съ начала почла безумною. Ибо она меня спрашивала, давно ли я въ монастырѣ? Съ удовольствіемъ ли я тутъ живу? Не имѣюль я любовника или супруга? Не имѣю ли объ немъ какого извѣстія? и сему подобное. Я не вдругъ ей чистосердечно отвѣчала.,, Милостивая государыня, повторила она, — откройтесь мнѣ!

вы въ томъ не будете раскаяваться. Скажите мнѣ, желаете ли вы имѣть извѣстіе о вашемъ супругѣ? — Сей новой вопросъ понудилъ меня заключить, что ей нѣсколько извѣстны мои приключенія. Слезы мои были отвѣтомъ. — „Здѣсь вы найдете нѣкоторое извѣстіе, которое вамъ можетъ быть будетъ пріятно. Чрезъ недѣлю вы опять меня увидите. Приведите въ порядокъ свои дѣла." Такъ сказала она, и спѣшила вонъ.

Она дала мнѣ письмо отъ моего П***. Съ величайшею жадностію я его распечатала, и нашла слѣдующія слова: „Теперь, находясь при концѣ моихъ горестей, не хочу тебя, дражайшая! отягчать моими жалобами. Я васъ опять нашелъ; этого мнѣ довольно: я надѣюсь скоро забыть въ вашихъ объятіяхъ то, что я претерпѣлъ со времяни несчастной нашей разлуки. И такъ я вамъ сказываю, что наконецъ счастіе мнѣ послужило, найти ваше пребываніе; и я вѣрнѣйшія взялъ мѣры исхитить васъ изъ сего мучительнаго

мѣста, чтобъ привесть васъ въ тѣ спокойныя мѣста, въ которыхъ мы для одной любви жить будемъ. Спустя недѣлю явится опять вечеромъ подательница сего письма, и принесетъ вамъ платье, въ которомъ вы не будучи признаны, можете выйти изъ монастыря. Позади монастыря будетъ стоять коляска, изъ коей простретъ свои объятія вашъ

нѣжнѣйшій П.

Тогда показалось мнѣ, что остается только одна минута мнѣ быть въ семъ заключеніи. Но ожиданіе прошествія осьми дней казалось для меня цѣлымъ вѣкомъ. Чтобъ лучше уничтожить подозрѣніе, уменьшала я, сколько мнѣ можно было, мою радость, и сдѣлалась благосклоннѣе къ монахинямъ, коихъ обхожденіе, вмѣсто того, чтобъ по прежнему убѣгать, старалась снискивать, чтобъ пріобрѣсть ихъ дружество и возбудить въ нихъ мнѣніе, что я мало по малу пріучаюсь къ монастырской жизни и вскорѣ оную полюблю.

Иногда любовь искренняя научаетъ притворству.

Однако я надѣюсь, что то дѣло, которое я тогда произвела въ дѣйство, не будетъ помѣщено въ числѣ непозволенныхъ лестей. Ибо я уже однажды была обручена П***; и будучи его супругою, казалось мнѣ, что сїе не припишется мнѣ въ преступленїе, когда я предпрїиму тѣ мѣры, которыя меня съ нимъ соединятъ.

Наконецъ скучные восемь дней минулись и наступилъ опредѣленной вечеръ. Посредница показалась. Она имѣла при себѣ, кромѣ одного платья, которое во всемъ было ея платью подобно, еще двѣ корзинки; съ одною надлежало мнѣ напередъ выйти изъ монастыря, а ей съ другою, спустя нѣсколько времени; тутъ только боялась я несчастнаго окончанїя моего предпрїятїя, которое я до сего времени не иначе, какъ лучшимъ почитала. Каждой голосъ, каждой шагъ, въ монастырѣ, причинялъ мнѣ страхъ. Съ трепетомъ я одѣлась — съ трепетомъ отворила

дверь — трепещуща выходила изъ монастыря. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, что робость меня предастъ. И такъ ободрившись смѣло шла чрезъ дворъ и въ монастырскіе ворота. Какую почувствовала я пріятность, почерпая опять свѣжій воздухъ! Тогда спѣшила я скорыми шагами вокругъ монастырскаго сада, увидѣла коляску, бросилась къ ней, и упала въ объятія моего супруга.

Я не разсказываю о чувствованіяхъ нашихъ при вторичномъ свиданіи, и скажу вамъ только, что мы объѣздомъ счастливо переѣхали чрезъ Р*** въ Е***. Когда взорамъ нашимъ въ первый разъ показались Фогскія горы, которыя по другую сторону Р*** отъ полуденной стороны Е*** имѣютъ свое начало, заключилъ меня П*** съ умноженнымъ жаромъ въ свои объятія, и сказалъ: вспомнишь ли, любезная Клара, когда я вамъ однажды въ саду въ ф*** показывалъ сіи горы? Тогда думалъ я ихъ избрать убѣжищемъ нашей любви.

,, Нашей любви? Какъ будто бы я васъ уже тогда любила!

Развѣ вы меня ненавидѣли? „Нѣтъ! я была ваша прїятельница.„ Но не въ вышшемъ ли обыкновеннаго степени?

„ О мущины! вы всегда называете насъ суетными, и будто мы себѣ воображаемъ, что всякой взглядывающїй на насъ прїятно въ насъ влюбленъ, но право вы еще мнительнѣе. „ Мы еще долго о семъ спорили, такъ что я не знаю, кто изъ насъ остался наконецъ правымъ, и онъ мнѣ потомъ расказалъ свое расположенїе въ разсужденїи будущаго нашего пребыванїя.„ Вы не ожидайте, чтобы то были чертоги, куда я васъ везу, говорилъ онъ, для меня была бы съ вами хижина вмѣсто чертоговъ. Но какъ вы обыкли къ удобностямъ въ жизни, то нашелъ я нѣсколько получше сего жилище. — Я не знаю, слыхалиль вы что о Второкрестникахъ. Они хотя и не нашей вѣры и во многихъ мѣстахъ не терпимы; но суть по большей части честные и искреннїе люди. Они превосходно разумѣютъ хлѣбопашество и скотоводство, также

шакимъ образомъ удобрять неплодородную землю, чтобъ изрядную имъ приносила пользу. И такъ на тѣхъ горахъ, которыя предъ нами находятся и называются Фогскими, находится много такихъ семействъ. Они пользуются тѣмъ пространствомъ земли, которую жители тучной земли пренебрегаютъ, и большею частїю поселялись по вершинамъ горъ, гдѣ пользуются землею и живутъ такимъ образомъ въ тишинѣ.,,

,,Одному изъ сихъ честныхъ мужей далъ я впередъ столько изъ моего имѣнїя, что онъ могъ себѣ завесть небольшое стадо и купить домъ на сихъ горахъ. Я велѣлъ для себя изготовить въономъ нѣсколько покоевъ. Тамъ будемъ мы жить только для себя, только для любви, и тамъ наслаждаться счастїемъ пастушескаго свѣта. Мы имѣемъ хлѣбъ и молоко. Потребно ли будетъ намъ что больше, когда будемъ жить въ уединенной странѣ отдаленной отъ свѣта? Тамъ никто не знаетъ, кто вы и я таковы, и мы будемъ

веселиться, какъ чады природы, первѣйшими ея потребностями. Но вы мнѣ ничего не говорите, какъ вамъ нравится мой чертежъ? Не стоитъ ли онъ вашего одобренія — Естьли вы не можете отвратить себя отъ общественной жизни полнаго свѣта, то поищемъ большой городъ. Правда, что мы тамъ не долго можемъ счастливо жить: однако можетъ къ счастію моему я опредѣлюсь къ должности, которая будетъ насъ питать.

Я изъявляла ему, что я по крайней мѣрѣ теперь не желаю другаго рода жизни, какъ уединенную, и вы легко можете себѣ представить, что желаніе сіе не было коварное. Мнѣ нужно было уединеніе, чтобъ также загладить то изумленіе, въ которомъ я со времени перваго моего похищенія была погружена. И такъ мы поѣхали въ Брейштапъ (*) къ горѣ нашего Второкрестника.

(*) Рѣка Брейшъ имѣетъ свое начало изъ одной долины горъ при Мостеймѣ, и при Страсбургѣ впадаетъ въ Илъ.

Не скрою предъ вами, любезныя сестрицы! что я сначала не скоро могла привыкнуть жить съ людьми другой вѣры; для того, что я до сего времени имѣла только обхожденіе съ единовѣрцами. Но увидѣвъ сколь порядочно жили сіи Второкрестники, съ какою ревностію и благоговѣніемъ приносили молитвы своему Творцу, какъ честно они себя вели; то и начала я ихъ любить, какъ Сохристіянъ, и признаюсь, что во время моего пребыванія на Фогскихъ горахъ была я столько счастлива, сколько обстоятельства мнѣ позволяли.

Забавы наши были весьма простыя, однако любовь умѣла ихъ услаждать. При наступающемъ днѣ ходили прогуливаться, по большой части въ сосѣдственныхъ лѣсахъ, въ коихъ мы часто цѣлое утро препровождали, и занимались чтеніемъ хорошихъ книгъ. Иногда я сама пасла небольшое стадо овецъ, которыхъ мы купили; въ прочее время помогала я нашимъ людямъ въ домашнихъ упражненіяхъ а возвращеніе овецъ

съ паствы, возвѣщаемое вождемъ оныхъ голосомъ колокольчика, причиняло мнѣ большее удовольствіе, какъ прежде звукъ инструментовъ, зовущихъ къ танцованію.

Я не могу сказать, что я когда либо была благополучна, естьли спокойствіе сердца и чувствованія онаго составляютъ истинное благополучіе. Ибо въ деревнѣ у родителей моихъ хотя я была спокойна, но я не знала цѣны оной, и жила какъ будто безчувственна и безсмысленна. Въ Ф*** скоро пропало сіе спокойствіе — и все больше терялось въ слѣдующія приключенія моей жизни. Но здѣсь у моихъ Второкрестниковъ начала я чувствовать счастіе моей жизни — но притомъ и не безъ тайнаго жала, которое меня, какъ чрезъ розу подъѣдало. Ибо, когда сидѣла я на отвѣсѣ горы и смотрѣла на тѣ горы, гдѣ лежитъ С***, то представляла себѣ, что вижу моихъ родителей и родственниковъ, манящихъ меня къ себѣ и дружелюбно приглашающихъ къ возвращенію въ ихъ объ-

ятія. Тогда утопала я въ слезахъ, кои однакожъ долженствовала я скрывать отъ П***, потому что онѣ бы его оскорбили: ибо честолюбіе его требовало, чтобъ онъ мнѣ былъ дороже всего на свѣтѣ. По настоящему былъ онъ конечно въ томъ правъ; для того, что я только тогда могла быть счастлива, когда предавала забвенію все то, чего на нашихъ горахъ не находилось. Но мнѣ того не было возможно.

Такимъ образомъ жили мы до наступленія слѣдующей весны. Въ сіе время усматривала я, что времянно показывались вокругъ нашего жилища нѣсколько незнакомыхъ людей, но не входили въ домъ и скоро опять удалялись. Я изъ сего ничего добраго не предчувствовала: но П*** приписывалъ сіе моему глубокомыслію, изыскивающему всегда печальное и онымъ питающемуся. Но увы! я справедливо чувствовала.

Однимъ утромъ сидѣла я предъ нашимъ домомъ, а онъ одинъ въ лѣсу прогуливался, для того что я шила

пару манжетЪ, которыя хотѣла вЪ приближающїяся его имянины ему подарить, внезапно пришли кЪ дому нашему двое мущинЪ вЪ синихЪ мундирахЪ. Я ихЪ не знала; но старшей сынЪ нашего Второкрестника вскричалЪ. „ Боже мой! это Драбанты! и побѣжалЪ изЪ заднихЪ воротЪ кЪ лѣсу. Они мнѣ обьявилЪ, что я должна ѣхать вЪ С***. ВторокрестникЪ также былЪ пойманЪ. Искали также П***, но кЪ счастїю мальчикЪ его нашелЪ и увѣщевалЪ его. ВЪ первомЪ стремленїи ярости — какЪ онЪ мнѣ вЪ слѣдствїе разсказалЪ, — хотѣлЪ онЪ бѣжать кЪ дому, и либо меня избавить или потерять свою жизнь. ОнЪ уже былЪ на дорогѣ, какЪ опомнился, что не имѣетЪ при себѣ никакого орудїя, что меня и себя сдѣлаетЪ несчастливѣе, и что ежели и онЪ будетЪ изловленЪ, то не останется никакого средства кЪ моему избавленїю: напротивЪ того ежели онЪ спасется, то можетЪ преслѣдовать мою дорогу и опять меня сыскать. И такЪ спѣшилЪ онЪ далѣе вЪ горы, а оттуда обЪѣздами вЪ С***,

гдѣ меня ожидалъ. Одинъ родственникъ сказалъ мнѣ со стороны моихъ родителей, которые меня больше видѣть не хотѣли, тысячу оскорбленій, заключилъ меня въ монастырь святой Клары, находящейся въ С***.

Каждой шагъ жизни моей исчерпанъ столь многими несчастіями, что не хочу больше васъ, любезные пріятельницы, призывать къ сожалѣнію, ниже изображать моей скорби; но разскажу только вамъ завтре остатокъ моей повѣсти и оставляю вамъ самимъ разсуждать о великости моихъ страданій.

Вечеръ десятый и послѣдній.

П*** по многихъ проискахъ открылъ мѣсто моего пребыванія. Ярость и любовь совѣтовали ему ко извлеченію меня изъ ненавистныхъ стѣнъ уединенія все предпринимать. Я на-

ходилась въ жалостнѣйшемъ состоянiи, и вздохами наполняла дни свои, текущiе въ совершенномъ несчастiи. Я видѣла себя разлученною съ такимъ супругомъ, котораго я любила, которой столь много для меня отважился, и столь много претерпѣлъ. Отецъ мой не хотѣлъ ничего обо мнѣ слышать, сокрылъ отъ меня свое сердце. Тогда овладѣло мною сильное раскаянiе, въ разсужденiи того поступка, которой отъ безразсудности своей младости я напередъ не размыслила. Изображенiе печали живо впечатлѣлось на лицѣ моемъ — А виновникъ моего отчаянiя былъ супругъ, котораго я обожала. Такимъ образомъ протекло нѣсколько недѣль, какъ П*** вновь меня исхитилъ изъ моего заключенiя. Я опять въ его объятiяхъ возчувствовала величайшую радость и жизнь. Со мною было такъ, какъ будто бы я съ нимъ снова была сочетана. Но блаженство мое тихо приближилось къ своему паденiю. Супругъ мой разсудилъ за благо, для сохраненiя меня отъ дальнихъ гоненiй, скрыться со мною въ Парижъ

Онъ поспѣшно совершилъ свое предпріятіе. Мы прибыли въ Парижъ и предались ненарушимой нѣжности. Но воспоминовеніе любившаго меня родителя, котораго побѣгъ мой привелъ въ величайшую ярость, скоро всякаго рода веселости мнѣ огорчило. Я искала уединенія и предавалась глубокомыслію. Глубокіе вздохи подымались изъ растерзанной груди. Что я сдѣлала! вопіяла я часто въ сердечной моей горести. Я оскорбила такого отца, которой долженъ видѣть себя обезчещенна отъ дочери своей, семью свою и славу свою посрамленными.—Ахъ! естьлибы ты могъ меня простить, естьли бы ты могъ несчастной паки возвратить твою любовь! — ты бы могъ — могъ бы — но смѣю ли я сего ожидать — смѣю ли я себѣ льстить симъ глупымъ воображеніемъ! — Ахъ родитель! ты никогда мнѣ не простишь! Такимъ образомъ предавалась я хищнымъ моимъ угрызеніямъ, и токи слезъ катились по щекамъ моимъ.— Что было мнѣ дѣлать въ семъ ужасномъ положеніи! какое предпріятіе пода-

вали мнѣ время и обстоятельства! надлежало мнѣ умолять родителя моего о прощенїи. Естьли его негодованїе мнѣ въ томъ откажетъ, естьли онъ во зло употребитъ мою довѣренность —будетъ выспрашивать о мѣстѣ моего пребыванїя; не надлежитъ ли мнѣ опасаться, что онъ меня похититъ отъ моего супруга, что съ неукротимою строгостїю со мною поступитъ! А супругъ мой, ужасная мысль! не предастся ли отчаянїю отъ сего поступка! Будучи углублена въ сихъ представленїяхъ не находила я себѣ ни малѣйшаго спокойствїя, никакого средства ко освобожденїю себя отъ сего страха. Задумчивость моя ежедневно умножалась. Сїе не малое причинило безпокойствїе П***, когда онъ примѣтилъ, ибо я не была въ состоянїи больше скрывать моей печали. Разныя мысли ему представлялись, какъ я со временемъ о томъ узнала. Я старалась принять на себя прежнюю свою веселость; но она недостаточна была къ доставленїю ему спокойствїя. Непрестанная моя тоска сдѣлала его въ слѣдствїе угрю-

мымЪ. Разговоры его были съ остановкою; начиналъ вдругъ говорить и не окончивъ рѣчи на половинѣ оную перерывалъ. Иногда въ глубокомысліи расхаживалъ онъ тихо по горницѣ, вдругъ ко мнѣ обращался, и стремительно на меня глядѣлъ; а когда я его спрашивала, что ему сдѣлалось, то получала отъ него неудовлетворительный отвѣтъ. Задумчивость и угрюмые его поступки умножили мою тоску. Временно испускалъ онъ нѣсколько слезъ, относившихся къ нашему состоянію. Мнѣ казалось, онъ жалуется, что я неравною нѣжностію соотвѣтствую жестокости его любви, что я ласки его съ холодностію принимаю, что я уже больше не та, въ объятіяхъ которой нѣкогда надѣялся онъ наслаждаться блаженствомъ своей жизни, ибо пылающая его любовь ни въ комъ, кромѣ меня, не находила благополучія. Я старалась его успокоить: но усмотрѣла при томъ, что честолюбіе его требовало, чтобъ я въ немъ только принимала участіе, и даже воспоминовеніе о родителѣ моемъ утушила бы;

онъ бы долженъ быть мнѣ вмѣсто всѣхъ, и мнѣ должно все въ немъ находить. Такая была его суетность, источникъ моего несчастія. Я всевозможно старалась горесть мою скрывать, чтобъ не подать ему подозрѣнія, будто я его не люблю. И сіе средство, долженствовавшее его умягчить, тѣмъ больше его воспламенило. Онъ называлъ сіе принужденностію, лестью, притворствомъ, присовокупя къ тому, что самое сіе странное обхожденіе открываетъ ему недостатокъ въ любви, хотя я и не имѣю никакой причины притворствовать. При семъ скорбь моя достигла высочайшаго степени. Будучи ненавистна отцу моему, разлучена съ родственниками, въ чужой землѣ, оставался для меня одинъ только супругъ, которому я всѣмъ пожертвовала, и сего лишаетъ меня та нѣжность, которую я себѣ за столь дорогую цѣну купила. Сколько скорбь моя возрастала, столько умножалось и его уныніе. Онъ убѣгалъ моихъ объятій, не отвѣчалъ больше на мои вопросы, и предался уединенію, вли-

вающему въ немощное его сердце мрачное подозрѣнie, будто я его не люблю. Суетность его больше отъ меня требовала, нежели какъ находится въ сущности человѣка. Мнѣ надлежало забыть моего родителя, мою родню — мое преступленie! Я любила его, и не заслуживала въ семъ случаѣ его выговоровъ, однакожъ нерѣдко принуждена была оныя слушать: ибо онъ такимъ образомъ могъ ихъ употреблять, что оныя мнѣ только были чувствительны, и я не могла порядочно ихъ отвергнуть! Грусть повсюду мнѣ преслѣдовала. День изготовлялъ для меня муки, а ночь отягощала меня снами. Не рѣдко видѣла я своего отца, мещущаго на меня гнѣвной взоръ; я просила его о прощенiи, и онъ меня отталкивалъ. Видѣла мою мать, лежащую на смертномъ одрѣ, и какъ она, когда я къ ней приближалась, меня проклинала. Безутѣшна, оставлена, бросилась я въ объятiи моего супруга, которой казался у меня вырывающимся. Сiи страшныя изображенiя часто мнѣ представлялись, такъ что я

мало находила покоя. Я отъ дня до дня дѣлалась блѣднѣе, и примѣтно истощалась. Въ одинъ прекрасной день, вставши ранѣе обыкновеннаго, пошла я въ садъ, чтобъ наслаждаться зрѣнїемъ цвѣтовъ, открывающихся отъ солнечныхъ лучей. Я стояла нѣсколько времени въ задумчивости, и пошла потомъ подъ усажденные переходы. Тамъ снова мною овладѣли прежнїя мои противныя чувствованїя, какъ показалось мнѣ, что мужъ мой ко мнѣ приближается. Съ начала колебался онъ, увидѣвъ меня въ переходѣ. Я примѣтила его нерѣшительность, и почувствовала нѣкоторое боязненное предчувствованїе, которое только еще въ слѣдствїе себѣ могла изъяснить. Я вознамѣрилась итти ему на встрѣчу: но мнѣ къ тому возможности не доставало. Наконецъ онъ уже столько близко ко мнѣ подошелъ, что я не могла далѣе притворяться, будто не усматриваю его пришествїя, старалась съ прїятнымъ видомъ его принять. Но онъ пребывалъ въ своей важности: смущенная улыбка была все, чѣмъ онъ со-

отвѣтствовалъ моимъ привѣтствіямъ. Боязнь больше во мнѣ умножилась; наконецъ онъ сѣлъ. По нѣсколькомъ размышленіи спросилъ онъ меня о причинѣ продолжительной моей задумчивости. Отвѣтъ мой не могъ его успокоить. Онъ опять не много помолчалъ, и усиливался облегчиться отъ внутренней своей тяготы. Я съ нѣкотораго времени примѣчаю, началъ онъ говорить, такое глубокомысліе, которое меня въ разсужденіи васъ безпокоитъ. Я при разныхъ разговорахъ вамъ о томъ давалъ знать. Я не подозрѣваю, но —

При семъ онъ умолкъ. Я понуждала его продолжать свою рѣчь, клянясь при томъ, что я никогда не желала оскорбить его своею печалію, но напротивъ того всѣ силы прилагала оную угнѣтать, чтобъ не сдѣлаться ему противною.

Я имѣю на то доказательства, продолжалъ онъ съ угрюмымъ голосомъ, но сіе самое усиліе открываетъ мнѣ тайну сердца вашего.

Какую имянно?

Любите ли вы меня, любите ли вы меня столько чистосердечно, какъ жестокость моей любви имѣетъ право требовать? Не раскаянїе ли причиною сего холоднаго поступка? – Холодный поступокъ! Боже мой! я всегда васъ любила. Я не заслуживаю сихъ укоризнъ.

Естьли бы вы меня съ такою же нѣжностїю любили, какъ я васъ обожаю, то бы вы все забыли, и все бы во мнѣ нашли. — Но теперь все сдѣлалось иначе.

Слова сїи меня оскорбили. Я не могла скрыть моего негодованїя. Суетность его въ семъ случаѣ столь была необычайна, что не безъ досады можно было оную видѣть. Вотъ я ему что на сїе сказала: что мнѣ весьма не понятно, по чему онъ зная печальное расположенїе моихъ обстоятельствъ, обвиняетъ меня въ недостаткѣ любви и дѣлаетъ мнѣ такїя упреки. Не ужели вы думаете, продолжала я съ живостїю и нѣсколько разсердившись, что хорошо воспитанной дочери столько легко возможно забыть печаль, нанесенную

своему отцу такимъ поступкомъ. Я вамъ пожертвовала своимъ отечествомъ, своими родственниками. Честь моя потухла. Неблагодарной! ты источникъ всѣхъ моихъ золъ, однакожъ я тебѣ никогда тѣмъ не укоряла; а ты доходишь до того, что подозрительными своими поступками огорчаешь мою жизнь. Заслужила ли я то отъ тебя! — развѣ сїе можетъ назваться преступленїемъ, что я люблю отца, что гнѣвъ его меня мучитъ, что я раскаяваюсь.

Вы въ томъ раскаеваетесь прервалъ онъ рѣчь мою съ горячностїю, въ томъ, что со мною уѣхали. Ахъ! я понимаю, разумѣю, все мнѣ теперь открылось.

Я не о томъ хотѣла сказать: возможноли! ты всякое слово, каждое движенїе заключаешь мнѣ во вредъ. Онъ ничего не отвѣтствовалъ, и сурово меня оставилъ. Обхожденїе его отъ часу дѣлалось холоднѣе, и онъ при всякомъ случаѣ старался убѣгать моего сообщества. Я уединенїю жаловалась о моей горести. Не рѣдко заставалъ онъ меня тайно плачущую:

но слезы мои не могли его умягчить; онѣ паче усугубляли его подозрѣнїе, и причиняли ему досаду. Онъ изъ того заключалъ, что во мнѣ больше прежняго умножилось желанїе въ мое отечество, чтобъ паки примириться съ любезнымъ моимъ отцомъ, хотя онъ и строго со мною поступилъ. Вскорѣ открылось величайшая его холодность и оскорбительнѣйшее равнодушїе. Нѣкогда всталъ онъ еще до захожденїя солнца, сказавъ мнѣ, что нѣкоторое важное дѣло требуетъ его отсутствїя. Я не знаю, какой то тайной трепетъ при сихъ словахъ на меня излился. Онъ самъ казался мнѣ въ жестокомъ движенїи духа. Едва находилось во мнѣ смѣлости спросить его, ждать ли мнѣ его къ обѣду. Онъ коротко мнѣ на то отвѣчалъ, что надѣется къ тому времени назадъ возвратиться. Но я несчастна! я не подозрѣвала еще тогда, что въ слѣдствїе можетъ произойти. Я ожидала его къ обѣду, но онъ не бывалъ; я ждала еще два часа сверхъ установленнаго времени. Симъ приведена была я въ боязнь, и сердце во мнѣ

билось отъ печальнаго предчувствованія, какъ вошелъ въ покой незнакомой мнѣ слуга, спросилъ о моемъ имени и вручилъ мнѣ запечатанное письмо. Съ трепетомъ приняла я оное, а слуга поспѣшно удалился. Я распечатала письмо. Боже! што была рука супруга моего. Вотъ содержаніе его.

Каждой день увѣряете меня, что непреоборимое желаніе прилѣпляетъ васъ къ вашему отечеству, что вы теперь раскаеваетесь о томъ поступкѣ, которой, какъ вы сказываете, любя меня сдѣлали; что вы въ объятіяхъ моихъ не можете быть счастливою. Я нѣжно васъ любилъ, и отъ васъ равнаго ожидалъ: но нѣтъ, я обманулся. Вы принимали меня съ холодностію, а я хотѣлъ быть любимъ. Я не достигъ своей цѣли, взаимное наше благополучіе требуетъ нашей разлуки. Возвратитесь въ объятіи родителя вашего. — Отнынѣ никогда мы больше не увидимся.

П.

Могу ли я выразить изумленіе, произведенное во мнѣ симъ жестокимъ

письмомъ! я пала въ обморокъ. Скорбь паки привела меня въ чувство. Боже! возопила я, заслужила ли я сіе? чего не претерпѣла я ради его! я всемъ ему пожертвовала, а онъ меня теперь оставляетъ! —— Ахъ неблагодарный! вѣроломный! — Что надлежало мнѣ въ семъ ужасномъ положеніи предпринять! въ незнакомой странѣ, безъ помощи и защиты предусматривала я единыя только бѣдствія. Я не могла принять инаго намѣренія, какъ открыть отцу моему мое пребываніе, и просить прощенія въ моемъ побѣгѣ. Я отписала къ нему, но не получила отвѣта. Я повторила мое предложеніе, и съ величайшею живостію изобразила ему бѣдственное мое состояніе и нелестное раскаяніе содѣланнаго мною преступленія. Онъ не былъ симъ тронутъ. Однако мать моя, пораженная бѣдственнымъ моимъ состояніемъ, совѣтовала мнѣ оставить П***, а возвратиться въ мою родину; представляя, что присудствіе мое тронетъ моего отца, между тѣмъ какъ она напередъ за меня будетъ ходатаемъ. Я слѣдовала ея волѣ,

приготовилась къ отъѣзду и въ короткое время прибыла въ С***. Хотя она и приготовила отца моего къ моему прибытію; но онъ не хотѣлъ меня видѣть; мать моя объявила мнѣ его мнѣніе, которое меня въ крайнее повергло смущеніе. Однако я отважилась на новое покушеніе, долженствовавшее убѣдить его сердце. Когда мнѣ сказали, что онъ находится въ веселомъ духѣ, получивъ хорошее извѣстіе, касающееся до его доходовъ; то и воспользовалась я симъ обстоятельствомъ и изловила его, когда онъ находился одинъ и не чаялъ моего пришествія. Онъ сидѣлъ за своими счетами, разсматривая ихъ; а я лежала предъ ногами его прежде, нежели онъ меня могъ усмотрѣть. Я не могла произнести слова. Стремленіе слезъ тому препятствовало. Я только запинаясь говорила: родитель мой! прости меня! прости!

Ты здѣсь! прервалъ онъ съ изумленіемъ: я, я самая та, которая посрамила вашъ родъ и сдѣлала сама себя несчастною. Прости меня батюшка! и я удалюсь въ мрачныя пус-

тыни, вѣчно раскаяваться въ своей погрѣшности. Онъ не могъ больше противиться нѣжнымъ чувствованіямъ! Поднялъ меня, и одна слеза покатилась по лицу его. Ахъ дочь моя! несчастная! что ты сдѣлала! А П*** ! сей бездѣлникъ! — Боже мой! — я тебѣ прощаю. Больше не могъ онъ говорить. Я благодарила мою мать за такое счастливое примиреніе; пробыла еще нѣсколько дней въ родительскомъ домѣ, но тщательно избѣгала всѣхъ свиданій съ пріятелями и родственниками, боясь ихъ укоризнъ. Наконецъ избрала я, любезныя пріятельницы, сіе пребываніе для моего покоя, которое мнѣ понемѣрянное блаженство навершаетъ; и я здѣсь въ уединеніи предлагаю Богу то сердце, которое любовью обмануто. Онъ одинъ будетъ навсегда обладателемъ онаго. —

КРИСТИНА,

истинная трогательная повѣсть.

Читатель!

Излей слезы вѣ жертву сей несчастной; когда наплачешься, то вѣ молчанїи размысли о ея жребїи. Остановись, юноша, и восхваляй Провидѣнїе, которое не предало тебя такой свирѣпости, или ежели оно сїе сдѣлало, то будь увѣренѣ, что оно не напрасно сїе опредѣлило, будь терпѣливѣ и постояненѣ. Утѣшайся тѣмѣ, что нѣтѣ столь великой скорби, которую бы долгота времени не утолила или не истребила; помышляй о другой счастливѣйшей жизни, которая тебѣ будетѣ тѣмѣ вожделѣннѣе. Насладися, дѣвица! вѣ объятїяхѣ будущаго твоего супруга, полною нѣгою добродѣтельной любви, и чувствуй истинную радость святаго супружества. И такѣ ежели ты будешь ликовать во тмѣ увеселенїй,

и не воспоминая всѣхъ несчастныхъ, будешь препровождать свою жизнь: то обрати хотя взоръ твой на Кристину, соболѣзнуй о ея нѣжности, и похваляй дѣтское ея повиновенїе; пожелай ей также спокойствїя златой вѣчности.

Желательно, чтобъ всѣ матери и отцы читали сїю повѣсть, и усмотрѣли бы въ ней ту несправедливость и мерзостнѣйшую скупость, которая есть источникъ столь многихъ золъ, къ которымъ они прилѣпляются; для того что они защищаютъ ихъ почтенїе, которое они требуютъ отъ тѣхъ, которыя должны имъ повиноваться.

Между бѣдствїями, стремящимися со всѣхъ сторонъ на человѣка, есть сїе безъ сомнѣнїя страшнѣйшее, быть принужденну, погребсти себя въ уединенїи, и единое, въ которомъ обремененная игомъ душа не имѣетъ ни той слабѣйшей надежды, которою она въ несчастїи ласкается. Кажется, что нашли удовольствїе дать чувствовать всю жестокость сего состоянїя таковому полу, которато

бы нѣжность надлежало намъ щадить. Естьли бы взоры наши могли проникнуть во внутренность монастырей, сколько бы нашли мы тамъ несчастныхъ жертвъ честолюбія или несмысленности. Блѣдны, обезображены и подобно вырваннымъ изъ нѣдръ земныхъ розамъ, увянули отъ печали на лицахъ ихъ цвѣты юношества. Можно познать отчаяніе посреди принужденнаго спокойствія, или изъявляемаго; а горькая ихъ улыбка, умирающая на ихъ устахъ, изображаетъ ихъ скорбь. Вся постеля ихъ орошена слезами, а слабые и зыблющіеся ихъ члены возвѣщаютъ приближеніе ихъ смерти, которую они призываютъ съ великимъ крикомъ и считаютъ концемъ своихъ страданій. Перо изъ рукъ моихъ валится, и упорствуетъ въ начертаніи сего печальнаго изображенія. О естьли бы я могъ возбудить соболѣзнованіе въ сердцахъ безчеловѣчныхъ родителей, хотящихъ все свое имѣніе собрать для одной твари, представивъ глазамъ ихъ повѣсть несчастной Кристины.

Господинъ П*** былъ обязанъ своимъ богатствомъ, которое онъ имѣлъ, счастiю, благопрiятствовавшему всѣмъ его умысламъ. Посреди сего изобилiя могъ бы онъ съ прiятною и нѣжною супругою счастливо препроводить жизнь свою; но безумное его честолюбiе понудило его жениться на знатной дѣвушкѣ, которая только изобиловала гордостiю и изъявляла великое презрѣнiе къ его рожденiю. Вскорѣ послѣ сего брака послѣдовало раскаянiе, повелительный поступокъ его супруги и причиняемая ею ему досада, ясно къ прекращенiю дней его способствовали; онъ въ такомъ былъ возрастѣ, которой еще долгую жизнь ему обѣщевалъ.

Умершiй оставилъ по себѣ двухъ дочерей наслѣдницами своего имѣнiя. Старшая дочь, коей гордый, высокомѣрный поступокъ понравился матери, скоро прiобрѣла ея благосклонность, а младшая, которая называлась Христиною, была заключена въ монастырь, гдѣ ничего не было упущено, чтобъ вперить въ нее склонность ко

уединенію. Госпожа Превалъ высокія имѣла намѣренія въ разсужденіи старшей своей дочери; она всѣмъ говорила, что хочетъ ея привесть въ тотъ санъ, отъ котораго она произошла, а чтобъ ее предпріятіе ей лучше удалось, требовала она, чтобъ сестра ее покрылась комилавкою.

Разумъ Христины не внималъ симъ представленіямъ: свойство ея наполненное живостію и огнемъ не могло подвергнуться строгости духовной жизни; а юное ея сердце, въ которомъ являлись чувствованія, сказывали ей, что она въ монастырѣ никакого не найдетъ счастія. Изъ великаго числа бѣлицъ, находившихся въ той же пустынѣ, избрала она дѣвицу Вертгеймъ откровенною своею подругою, которой она все свое сердце открывала. До сего жаловалась она нѣсколько на намѣренія своей матери, но теперь наступила та минута, въ которой она начала чувствовать цѣну вольности.

Дѣвица Вертгеймъ имѣла брата, съ которымъ она была соединена тѣсною любовію, и которой часто ее

посѣщалъ; она понудила однажды Христину, подойти къ рѣшеткѣ, у которой ея братъ ее ожидалъ. Дѣвица Превалъ не могшая ни въ чемъ отказать своей пріятельницѣ, пошла съ нею. Сей юноша ослѣпился ея красотою и раскрывающимися ея прелестями. Нѣчто неизвѣстное, коего дѣйствіе живо бываетъ чувствуемо, торжествовало надъ молодымъ Вернигеймомъ. Плѣнительной и веселый видъ Христины, означающій благополучныя свойства, довершили его безсиліе. Глаза его безпрестанно на нее устремлялись. Нѣкоторое тайное удовольствіе удерживало его у рѣшетки; но наступающій вечеръ понудилъ его удалиться. Онъ обѣщалъ сестрѣ своей часто дѣлить съ нею уединеніе, и ,,я надѣюсь сказалъ онъ смо-,,тря на дѣвицу Превалъ, что любез-,,ная твоя пріятельница не заста-,,витъ меня раскаяваться въ томъ; ,,что я ее узналъ, лишая меня удо-,,вольствія въ частомъ съ нею сви-,,даніи.,, Сія учтивость произвела краску въ лицѣ Христининомъ; однако сіе ей совсѣмъ не было противно.

Молодой Графъ соединялъ съ превосходною своею осанкою прекраснѣйшій ростъ, какой только себѣ вообразить можно. Видъ лица его изливалъ нѣжность, а душа его соотвѣтствовала чертамъ лица его. Дѣвица Превалъ увидѣвъ его, почувствовала такое движеніе, которое до сего времени было ей безъизвѣстно. Сонъ ея не столько былъ спокоенъ: она засыпала, наполненная мыслями о молодомъ Вертгеймѣ, а проснувшись находила его опять; она въ одну минуту и боялась и желала его присутствія; но сестрѣ его ничего того не открывала, что происходитъ въ ея сердцѣ. Сіи двѣ пріятельницы опять сидѣли вмѣстѣ, какъ имъ было сказано о прибытіи молодаго Вертгейма. Христина хотѣла притвориться, что у нее болитъ голова, чтобъ остаться въ своемъ покоѣ; но наконецъ сдалась, какъ собственному своему желанію, такъ и докукамъ своей пріятельницы.

Графъ имѣлъ печальный и смущенный видъ, которой сестрѣ его немалое причинялъ безпокойство.

,,Братецъ, сказала она ему, мнѣ ка-
,,жется, что ты совсѣмъ перемѣнился;
,,не причинилъ ли кто тебѣ какой
,,досады? ты знаешь, сколь много я те-
,,бя люблю; ты можешь меня сдѣлать
,,участницею. Ничего, любезная Луцин-
,,да, говорилъ онъ, я былъ нѣсколь-
,,ко не здоровъ, однако мнѣ опять
,,гораздо сдѣлалось легче.,, Замѣша-
тельство его противурѣчило его сло-
вамъ, а глаза его говорили Христи-
нѣ, что она только можетъ возста-
новить его спокойствіе. Онъ молчалъ
нѣсколько времени, но наконецъ чув-
ствованія превысили его страхъ.
,,Милостивая государыня, сказалъ онъ
,,ей, правда ли, что вы опредѣлены
,,препроводить дни ваши въ монасты-
,,рѣ? Какъ ето! толикая красота
,,должна быть погребена во внутрен-
,,ностяхъ сихъ стѣнъ! Милостивой
,,государь, отвѣчала она покраснѣв-
,,ши, меня очень трогаетъ то уча-
,,стіе, которое вы въ судьбѣ моей
,,принимаете; но я должна послѣдо-
,,вать волѣ матери моей; я ожидаю
,,только той минуты, въ которую
,,мнѣ надлежитъ покрыться комилав-
,,кою: ибо мнѣ сказываютъ, что

„счастїе мое отъ того зависитъ.„
Она не могла безъ движенїя выговорить сихъ словъ; нѣсколько слезъ омочили ее глаза. Сїи двузнаменательные знаки Христининой скорьби, усугубили печаль молодаго Вертгейма. Любящїеся всегда жестоки въ своихъ израженїяхъ. „Постойте, сударыня! вскричалъ онъ въ великомъ движенїи, вы „не исполните сей жертвы! позвольте мнѣ увидѣться съ вашею матушкою; я брошусь къ ея ногамъ, „и не прежде ихъ оставлю, какъ она „мнѣ обѣщается дать вамъ волю. Вы „молчите! развѣ вы откажите мнѣ „въ вашемъ соизволенїи„? Ахъ! отвѣчала Христина, ето вамъ никакой не принесетъ пользы. Я знаю „свою мать, она не упросима, и сей „поступокъ послужитъ только къ „воспаленїю ее противъ меня. Мнѣ безъ „сомнѣнїя будетъ отъ того трудно; „однако — — не продолжайте больше, „свирѣпая Христина! Какъ? развѣ „только для того надлежало мнѣ васъ „узнать, чтобъ быть несчастливѣйшимъ между смертными? Простите „мнѣ, сударыня, что я, опасаясь васъ

,,лишиться, дѣлаю вамъ признанїе ,,въ жестокости моей страсти! Я не ,,могу васъ видѣть, не обожая васъ. ,,Любезная Луцинда! продолжалъ онъ ,,обратившись къ своей сестрѣ, кото- ,,рая до слезъ была симъ явленїемъ ,,тронута, присоедини твои прозьбы ,,къ моимъ.,, Христина не могла противиться симъ знакамъ нѣжности; сердце ея не было искусно въ притворствѣ, и она дала знать Графу, что онъ увеличиваетъ ея желанїе къ удержанїю ея вольности.

Луцинда, смотрѣвшая на сїе съ меньшимъ пристрастїемъ какъ братъ ея, совѣтовала ему открыть мнѣнїе свое госпожѣ Вертгеймъ, и побудить ее, чтобъ она о томъ съ матерью Христининою поговорила. Жестоко влюбленный юноша нашелся принужденнымъ послѣдовать разумному сему совѣту; но просилъ притомъ свою сестру, не будетъ ли ему позволено услаждать горестное его отсутствїе частыми посѣщенїями. ,,И вы слиш- ,,комъ любите Луцинду, прервала ,,Христина съ прельщающею прїятно-

„стію, нежели чтобъ могли оста-
„вить ее уединеніе: а мы всегда
„вмѣстѣ.„

Сіи два молодыя сердца скоро другъ друга уразумѣли; дѣвица Превалъ забыла всѣ свои безпокойствія, чтобъ предаться веселости любить и быть любимою. Но сіе чувствованіе вскорѣ ни къ чему больше ей не послужатъ, какъ къ навлеченію ужаснѣйшаго несчастія, принять камилавку. Графиня Вертгеймъ взяла къ себѣ обратно свою дочь; внезапная сія разлука возобновила Христинину печаль. Луцинда была единою ея пріятельницею; съ Луциндою могла видѣть Графа, или по крайней мѣрѣ о немъ говорить; и такъ сего утѣшенія начинала она лишаться. „Почто,
„сказала она дѣвицѣ Вертгеймъ, по-
„слѣдовала я за вами въ пріемную
„залу? Естьлибъ я не видала Графа,
„естьли бы его нѣжность не возбу-
„дила моей; то участь моя менѣе
„бы мнѣ казалась жестокою. Я бы
„не знала любви и ея мученій. Ахъ
„могуль я когда ожидать счастія?„
„успокойся любезная Христина, ска-

„зала ей Луцинда, прижавъ крѣпко „къ своей груди, успокойся, братъ „мой тебя обожаетъ; онъ прежде по-„жертвуетъ своею жизнїю, нежели „оставитъ васъ.„ Долго сїи двѣ прїятельницы находились во взаимныхъ объятїяхъ, и проливали слезы, наконецъ надлежало имъ преодолѣть дружество. Луцинда отправилась въ путь, а печальная Христина предавшись совершенно своей скорби, осталась одна въ покоѣ

Уединенїе есть мать задумчивости; всѣ ослѣпленїя, обманывающїя наши глаза, изчезаютъ; духъ въ себя возвращается и гораздо благоразумнѣе о всѣмъ до него касающемся разсуждаетъ. До сего времени дѣвица Превалъ ласкалась надеждою; но по отъѣздѣ ея подруги, все въ мрачнѣйшихъ краскахъ воображенїю ея предстало. Ежеминутно трепетала она прїѣзда своей матери, для принужденїя ее къ постриженїю. Графъ не менѣе ея безпокоился. Онъ признался своей матери въ своей любви, бросился къ ногамъ ея, дѣлалъ ей заклинанїи, чтобъ не исполнить дни

его горестію: Луцинда присоединила и свои къ тому прозьбы, и описала ей свойства Христинины. Графиня Вертгеймъ нѣжно любила своихъ дѣтей. „Встань, любезный сынъ! „сказала она ему, могъ ли ты по„мыслить, что я когда нибудь во„спротивлюсь твоему благополучію; „я больше ничего не желаю, какъ „видѣть тебя счастливымъ.„ Графъ въ высочайшемъ степени радости своей, стократно обнималъ дражайшую сію мать; теперь не находилъ онъ никакого препятствія предъ собою. Любовники всегда ошибаются въ воображеніи будущаго. Графина весьма мало знала госпожу Превалъ, но она думала, что всѣ матери имѣютъ матернее сердце. Въ слѣдующій день она къ ней поѣхала и съ благородною искренностію обьявила ей о той минутѣ, въ которую сынъ ея свидѣлся съ Христиною, и желаніе, которое онъ имѣетъ на ней жениться. „Ежели, присовокупила она, пріятна „вамъ рука моего сына, то и мы „притомъ будемъ имѣть удовольствіе „быть счастливыми.„ Госпожа Пре-

валъ отдалена была отъ согласія на сіе супружество; она притворилась и сказала госпожѣ Вертгеймъ, что желанія ихъ много ей льстятъ; но что дочь ея всегда оказывала отмѣнную склонность ко уединенію, и потому надлежитъ напередъ изслѣдовать столь скорую перемѣну. Графиня уразумѣла подлинныя мнѣніи госпожи Превалъ, и недовольна симъ отвѣтомъ, также наполненна нѣжнымъ безпокойствомъ о своемъ сынѣ возвратилась въ домъ. Слѣдствіе подтвердило ея боязнь. Герцогъ *** находясь въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, искалъ себѣ жены, могущей исправить его состояніе. Ему сказали о дѣвицѣ Превалъ. Онъ поѣхалъ къ ней съ своимъ почтеніемъ; но изъясненіемъ любви своей ожидалъ до тѣхъ поръ, пока она сдѣлается единою наслѣдницею. Госпожа Превалъ скоро сіе примѣтила. Столь блестящее сопряженіе не столько мало польстило ея почтенію, чтобъ она не желала сего счастливаго исполненія. Посѣщеніе госпожи Вертгеймъ предостерегло ее въ томъ затрудненіи, которое въ

шомъ случишься можешъ, ежели она не примешъ скорыя мѣры; и едва Графиня успѣла ея оставишь, какъ она велѣла нанять почшовую коляску и отправилась въ монастырь. *** Христина, находившись одна въ своей кельѣ, оплакивала свою участь, какъ пришли къ ней объявишь, что прибыла госпожа Превалъ, въ намѣренiи взять ее изъ монастыря. Новость сiя привела ее въ восхищенiе, и она подумала, что наконецъ счастiе ожидаешъ ее въ свои объятiя. Но ахъ! сколь кратко продолжалось ее заблужденiе. Строгiй видъ госпожи Превалъ остановилъ въ ея жилахъ теченiе крови и предвѣстилъ ей о ея несчастiи. Сiя нечувствительная мать до такой степени сдѣлалась суровою, что даже отторгала лобзанiя своей дочери. Она велѣла ей сѣсть въ коляску, и не говоря съ нею ни одного слова, привезла ее въ Аббатство***, гдѣ она на другое утро своего прiѣзда неволею была заключена. Сколь велика была Христинина скорьбь! Когда она вникала въ будущее, она проникла до внутренности сердца сво-

его, и нашла оное горящимЪ безнадежною любовїю. „АхЪ! и такЪ „здѣсь-то, сказала она, печально „взирая на стѣны своей кельи; здѣсь-„то, должна я сама себя погребсти! „здѣсь должна я проливать кровавыя „слезы! Свирѣпая мать! развѣ „для того только ты даровала мнѣ „жизнь, чтобЪ мною пожертвовать! „АхЪ ужасныя минуты; но вы буде-„те послѣдними моей жизни!„ Обитающее вЪ монастыряхЪ молчанїе хотя и нравилось сей невинной дѣвушкѣ, добровольно собою Богу пожертвовавшей; но оное умножаетЪ мученїе любящаго сердца. Ничто ее не успокоиваетЪ; всѣ мысли ея обратились кЪ любезному ея предмету. Нѣжной Христинѣ никто больше, кромѣ ея любезнаго не мечтался. ОбразЪ его всегда за нею слѣдовалЪ, и провожалЪ ее до самаго олтаря. Она даже не имѣла ни одной прїятельницы, которой бы могла открыть тайну своего сердца. Рѣдко обитаетЪ великодушное соболезнованїе вЪ монастыряхЪ. ВЪ ономЪ отЪ единаго только имени любви содрогаютЪ. Одна толь-

ко молодая монахиня, именемъ Амалія, казалась быть тронутою участью дѣвицы Превалъ. Она не была изъ числа тѣхъ жестокихъ женщинъ, коихъ неумѣренная и глупая ревность дѣлаетъ нечувствительными къ несчастію любовной страсти. Она сама чувствовала ея власть, желая соединиться съ такимъ супругомъ, котораго она столько же любила страстно, сколько и сама отъ него была любима, принуждена была чувствовать оскорбленіе, нашедъ имя своего любезнаго въ числѣ убитыхъ на сраженіи офицеровъ. Полученное ею по лишеніи его отъ свѣта отвращеніе понудило ее удалиться въ Аббатство ***, гдѣ въ короткомъ времени совершила свой обѣтъ.

Печальное и слабое Христинино лице, всегда къ теченію готовыя слезы и прерывающіеся ея вздохи добродѣтельную Амалію чувствительно трогали. Истинная смиренность достойна соболѣзнованія; она хотѣла участвовать въ скорьби дѣвицы Превалъ, и подстеречти ее въ одинъ день, когда она себя одною почитала, ска-

зала ей: „любезная Христина! вы „предъ нами очевидно перемѣняетесь, „тягость скорьби васъ угнѣтаетъ. „Иногда бываетъ пріятно удѣлать „свои печали сердцу пріятельницы; „когда она и не въ силахъ будетъ „истребить причины онаго, то по „крайней мѣрѣ участіемъ своимъ оное „усладитъ. Почитайте меня, какъ „самую себя, а не изъ числа сихъ „отъ праздности любопытныхъ жен-„щинъ. Несчастіе дѣлаетъ чувстви-„тельными, а я оное довольно испы-„тала, прежде нежели въ семъ убѣ-„жищѣ нашла спокойствіе, которымъ „вы не наслаждаетесь.

Христина не могла противиться сему знаку дружества, сердце ея было исполнено скорбію, она отъ того нѣсколько облегчилась, открывъ оную Амаліи, которая заключила ее въ свои объятія и свои слезы съ ея слезами смѣшала, не въ силахъ будучи ее утѣшать. „Ахъ! сказала ей „дѣвица Превалъ, вы молчите! — и „такъ вы видите, что нѣтъ сред-„ства моему несчастію. Можетъ ли „найтись жребій, ужаснѣйшій моего?

,,Я больше не имѣю матери, или ,,когда я какую имѣю, то она сама ,,произаетъ грудь мою мечемъ! Я имѣ,,ла пріятельницу, которая меня за,,бываетъ. Ахъ! безъ сомнѣнія и сле,,зы мои текутъ для неблагодарнаго; ,,естьли бы онъ меня еще любилъ, ,,то не нашелъ ли бы онъ какого сред,,ства ко мнѣ отписать, со мною по,,говорить, или уклонить отъ угрожа,,щаго меня удара! кто бы могъ по,,честь его неблагодарнымъ? Любез,,ная Христина, сказала она, я толь,,ко живу для васъ; и естьли вы меня ,,любите, то не дѣлайте такихъ обѣ,,щаній, кои сдѣлались бы причи,,ною моихъ несчастій.,, —— —— Сей свирѣпый! сколько равнодушно онъ меня оставилъ! —— —— Вы можетъ быть рано еще печалитесь, сказала ей Амалія; естьли графъ точно тѣхъ свойствъ, какъ вы мнѣ его описали, то онъ не неблагодаренъ. Онъ безъ сомнѣнія не знаетъ вашего пребыванія, и также, какъ и вы подверженъ горести и невѣденію. ,,Единое средство ко утѣшенію несчастныхъ есть, чтобъ съ ними печалиться, и пога-

сшую надежду въ сердцахъ ихъ паки возжигать. Христина довольствовалась тѣми мыслями, что она еще любима; безпокойствїе ея уменьшилось, когда она видѣла, что по истеченїи годоваго искуса, не понуждали ее исполнить своего обѣта. Амалїя ей сорадовалась. „ Я довольно предусматривала, любезная Христина, сказала она ей, что наконецъ перестанутъ васъ гнать. Природа рѣдко преступаетъ свои права. Матушка ваша умягчится. „ Всегда стараются охотно въ томъ увѣриться, что льститъ желанїю. Скорьбь дѣвицы Превалъ мало по малу минулась, цвѣты юности паки начали оживляться; однако она была опредѣлена быть украшенїемъ сей жертвы. Буря наступила: нѣжность, которую имѣла Графиня Вертгеймъ къ своему сыну, и печальное состоянїе, въ которомъ она его видѣла, понудили ее дѣлать новыя предпрїятїя у Госпожи Превалъ. Но ничто не могло въ ней возбудить сожалѣнїя; она была неупросима. Честолюбїе ее ослѣпляло. Герцогъ*** прїѣхалъ къ ней наконецъ изъяснить-

ся, и бракЪ дѣвицы ПревалЪ долженствовалЪ совершиться послѣ жертвы ея сестры.

Христина уже отваживалась надѣяться, что покрывающее ее покрывало вЪ брачные узы премѣнится, какЪ прибытіе Госпожи ПревалЪ произвело вЪ сердце ея боязнь и страхЪ. Сія минута долженствовала рѣшить ея жребій. Амалія проводила ее до пріемной залы. СЪ трепетомЪ она вЪ оную взошла, и усмотрѣла мать свою, которая сЪ игуменью разговаривала. Она бросилась кЪ рѣшеткѣ, ухватила ея руку, и прижала оную кЪ губамЪ своимЪ, не могши говорить ни одного слова. Сколь убѣдителенЪ былЪ бы сей разговорЪ для нѣжной матери. Госпожа ПревалЪ сЪ принужденнымЪ видомЪ ее привѣтствовала, и обратившись кЪ Игуменьи, сказала: „могу ли я надѣяться, чтобЪ дочЬ „моя покорилась нашимЪ желаніямЪ; „намѣрена ли она заключить искусЪ. „Я ее считаю столь благоразумною, „отвѣтствовала Игуменья, что она „не воспротивится волѣ такой ма„тери, которая желаетЪ ей добра.„

Госпожа Превалъ принуждала себя не глядѣть на Христину, и не ожидая, пока она откроетъ ей свое сердечное чувствованїе, начала уже говорить о нужныхъ къ торжеству сему прїуготовленїяхъ.

Несчастная Христина покрылась блѣдностїю, и готовилась пасть въ обморокъ, но отчаянїе придало ей новыя силы. ,,Ахъ! милостивая госу,,дарыня, вскричала она, и бросилась къ ногамъ своей, теперь, когда ,,я лишилась вашего дружества, то ,,хотя по крайней мѣрѣ отъ сожалѣ,,нїя не жертвуйте несчастною вашею ,,дочерью! Богъ требуетъ только ,,чистыхъ, и совершенно ему предав,,шихся сердецъ; а я была бы вероло,,мною и Богу противною. Отдайте ,,все ваше имѣнїе моей сестрѣ, оставь,,те меня въ сей пустынѣ; я не буду ,,въ томъ приносить жалобъ; но не ,,принуждайте меня только наложить ,,на себя вѣчные узы; потому что ,,мнѣ останется та надежда, что ,,когда либо прїобрѣту вашу нѣж,,ность.,,

Природа окаменѣла въ госпожѣ Превалъ. Сія жестокая и неупросимая женщина ни мало не была тронута слезами своей дочери. „Вотъ „какія мнѣнія вперилъ въ тебя при„мѣръ дней твоей невинности. Дочь! „проступокъ твой приводитъ меня „въ стыдъ. Помысли сама о той „опасности, которой ты подвергаешь„ся отъ продолженія возгорѣвшейся „въ тебѣ наказанія достойной стра„сти. Свѣтъ наполненъ преткнове„ніями, и здѣсь только можно из„бѣгнуть бури. Повинуйся опыту „матери твоей, желающей тебѣ толь„ко спокойствія; изготовься чрезъ „недѣлю исполнить твой обѣтъ, и „ненадѣйся никакой больше отсрочки." Ужасное сіе повелѣніе было Христинѣ громовымъ ударомъ. „Ахъ, „родитель мой! вскричала она, коль „живо чувствую я твою потерю; „ты равно любилъ своихъ дѣтей, и „естьли бы ты еще былъ живъ, то „бы ни одну изъ дочерей твоихъ не „принудилъ войти во гробъ, „чтобъ другую на свѣтѣ сдѣлать „блистательнѣе." Сіи укоризны, при-

скорбїемъ вдохновенныя, возбудили госпожу Превалъ ко гнѣву. Она дочери своей велѣла удалиться, а Христина оставила ее съ отчаяннымъ сердцемъ. ,,Я погибла, сказала она Амалїи, ,,которая ее съ нетерпѣливостїю ожи-,,дала; приговоръ уже сдѣланъ, я ,,должна отрещись отъ того, кото-,,раго люблю; чрезъ недѣлю бу-,,ду я навсегда въ оковахъ, навсег-,,да! великїй Боже! мнѣ того не пе-,,режить? — Успокойтесь, любез-,,ная Христина, сказала ей Амалїя, ,,грызенїе совѣсти падетъ на сердце ,,вашей матери. — — — Вы не ,,знаете ея жестокость, я никакой ,,больше не имѣю надежды. Я бро-,,силась къ ея ногамъ, заклинала ее ,,не дѣлать несчастною родную свою ,,дочь; но ничто не могло ее отвлечь ,,отъ ея намѣренїя!,, Въ самую сїю минуту пришли объявить дѣвицѣ Превалъ, что короткое время, которое ей остается до посвященїя себя Богу, надлежитъ ей препровести въ уединенїи, и что во время сего семидневнаго срока, до празднованїя опредѣленнаго, не можетъ она ни одного

человѣка видѣть. „Пускай такъ, ска„зала Христина; вы сами слышите, „что лишаютъ меня того послѣдняго „утѣшенія, проливать въ вашихъ „объятіяхъ слезы! Источникъ оныхъ „скоро изсохнетъ, сіи варвары не бу„дутъ долго веселиться моею горе„стію.„

Она впала въ жесточайшее отчаяніе, когда ночь пришла быть свидѣтельницею ея слезъ. Она многократно предпринимала лишить себя жизни. „Дражайшій Вертгеймъ! вскри„чала она, что ты теперь дѣлаешь? „для чего нѣтъ тебя здѣсь? Приди „и избавь твою любезную отъ соб„ственнаго ея бѣшенства; она уже „готова броситься въ твои объятія! „Прости мнѣ, великій Боже, я „слишкомъ заблуждаюсь; но милость „твоя не благоволитъ, чтобъ без„человѣчные родители понуждали сво„ихъ дочерей дѣлать обѣщанія, отъ „коихъ сердца ихъ отрекаются. Мы „всѣ чада твои, ты обитаешь во „всемъ мірѣ, повсюду можно тебѣ „служить и молиться„ Надежда въ

скоромъ окончанїи сихъ горестїю преисполненныхъ дней произвела, что по сихъ жестокихъ движенїяхъ послѣдовало разслабленїе.

По наступленїи ужасной для ея минуты, пошла она безпрекословно въ церковь. Она встрѣтилась съ Амалїею, которая въ слезахъ утопала. „Запаситесь лучше слезами на смерть „прїятельницы вашей, сказала ей „Христина, обнявъ ее, и потомъ по„шла предъ освященный олтарь.„ Красота ея, благородная и величественная походка подали зрителямъ поводъ къ похваламъ, но которыя вскорѣ превратились въ печаль: блѣдность Христининаго лица предвѣщала замѣшательство ея духа, и по всему расположенїю лица ея можно было усмотрѣть ея отчаянїе. Всѣ смотрѣли на госпожу Превалъ, и казались просящими о умилостивленїи надъ ея дочерью; но ничто не могло ее тронуть; сїя окаменѣлая женщина съ веселымъ видомъ взирала на сїе празднество. Уже несчастная сїя жертва была покрыта чернымъ плать-

емъ; едва успѣла она проститься съ свѣтомъ, какъ услышанъ былъ великой крикъ у входа церкви, и вдругъ появился молодой человѣкъ, покрытой потомъ и пылью, которой протѣснясь сквозь толпу зрителей, бросился къ рѣшеткѣ и закричалъ: ,,не ,,оканчевай, Христина! пождите!,, Дѣвица Превалъ предавшись величайшему огорченію, не внимала поступкамъ собранія. Отраженіе голоса сего проникло до ея сердца и извлекло ее изъ замѣшательства, въ которомъ она находилась. Она томные свои взоры обратила на Графа, которой къ ней простеръ свои обьятія. До сего времени еще столько было въ ней постоянства, что она могла преносить всѣ печальныя пріуготовленія сего праздниства; но теперь сердце ея не могло противиться симъ ударамъ: она вдругъ вскричала и пала полумертва въ обьятія Амаліи.

Графъ и по сіе время еще не зналъ, совершена ли жертва? Онъ спрашивалъ окружающихъ его, но отвѣтъ ему состоялъ въ слезахъ. Печальной

сей разговорЪ довольно ему былЪ понятенЪ, онЪ преисполненЪ отчаянїемЪ возвратился, сопровождая глазами своими до самыхЪ дверей несчастную любовницу, которую туда безмолвну вели. Сїе чувствительнѣйшее зрѣлище никакого не сдѣлало вЪ госпожѣ ПревалЪ впечатлѣнїя. Безчеловѣчная сїя мать сЪ свирѣпымЪ удовольствїемЪ взирала, что жертва сїя не могла ея избѣгнуть; она проклинала негодованїе присутствующихЪ, скрывшись вЪ ПарижЪ, и не навѣдываясь притомЪ о состоянїи своей дочери.

Христинѣ паки возвращена была жизнь, но она получила горячку, коей первѣйшїе признаки возвѣщали величайшую опасность. ,, И такЪ ужЪ совершилось, сказала она Амалїи; ВертгеймЪ былЪ вѣренЪ, и я его на вѣки лишаюсь! я видѣла слезы и отчаянїе его. Не ужель, злобный рокЪ, долженствовало тебѣ нанести сей мнѣ ударЪ! — — — Пускай такЪ! мученїя мои оканчеваются! — — — Черное платье, вЪ которое я уже облечена, скоро будетЪ моимЪ покрываломЪ.,, Что ты говоришь дражай-

шая Христина, сказала ей Амалія, живите хотя для меня, вашей пріятельницы, и не наполняйте горестію остатокъ дней моихъ. Милость Божія безпредѣльна; онъ влїетъ спокойствїе въ встревоженное ваше сердце; не возбуждайте его излишествомъ скорьби вашей ко гнѣву.„ Огорченія мои не оскорбятъ высочайшее Существо: ему внутренность сердца моего извѣстна; онъ видитъ, что добродѣтель изъ онаго не изгнана; но развѣ нигдѣ, какъ въ семъ только уединеніи можно ему служить? И надлежитъ ли въ его удовольствїе отрещись отъ всѣхъ веселостей, коими люди наслаждаются? Нѣтъ! любезная Амалія! добродѣтельная жена, содѣлывающая супруга своего счастливымъ, равно какъ мать окруженная своими дѣтьми, получаетъ милости Превѣчнаго. Единая моя печаль состоитъ въ томъ, что должно васъ оставить. Но ежели вы меня любите, то смерть моя не столько будетъ болѣзненна, ибо въ противномъ случаѣ стенала бъ я подъ бременемъ скорьби; я еще не достойна наказанія, то можетъ быть

такою сдѣлаюсь.,, Разслабленіе воспрепятствовало ей продолжать свою рѣчь, горячка къ ночи усилилась, а на другое утро объявилъ медикъ, что не остается надежды въ ея жизни.

Христина съ спокойнымъ духомъ слушала о семъ извѣстіи; а какъ она усматривала приближеніе смерти, то просила окружающихъ постель ея монахинь удалиться, и оставила при себѣ одну только свою пріятельницу.

Любезная Амалія! говорила она съ прерывающимся голосомъ, можетъ быть когда нибудь мать моя придетъ проливать слезы на моей могилѣ; скажи ей тогда, что жестокость ея меня умертвила, но что она отъ меня прощена. А несчастный Вертгеймъ, присовокупила она испустивъ нѣсколько слезъ, что съ нимъ воспослѣдуетъ? Естьлибъ онъ по крайней мѣрѣ былъ свидѣтелемъ моихъ мученій, убѣжденіе въ любви уменьшило бы его скорьбь; но судьба отказываетъ намъ въ семъ утѣшеніи. Можетъ быть пожелаетъ онъ съ вами поговорить, увѣрьте его тогда, что

я умерла жертвою нашей любви; скажите ему, колико я желала содѣлать его и мое благополучїе! — — — Живи благополучно, любезная Амалїя — — обними въ послѣднїй разъ твою прїятельницу — — свѣтъ въ глазахъ моихъ меркнетъ — — — Да послужитъ смерть моя примѣромъ тѣхъ матерей, которыя волю дѣтей своихъ угнѣтать желаютъ! — — — О Вертгеймъ! — — — Амалїя! — — — благополучно — — —, Нѣсколько минутъ спустя умерла сїя несчастная въ объятїяхъ своей Амалїи.

Графъ не могъ еще отъ того мѣста удалиться, гдѣ находилась Христина, какъ услышалъ жалобной звонъ колокола. Онъ трепеталъ, сердце его отъ страха оцѣпенѣло. Онъ желаетъ спросить, но не въ силахъ говорить. Наконецъ принудилъ себя извѣститься о причинѣ сего звона; сказываютъ ему, что недавно постригшаяся дѣвица — — — Кто? — Христина умерла. Онъ вскричалъ и палъ бездыханенъ.

Не можно описать его отчаянія, и довольно надлежало наблюдать его поступки, чтобъ воспрепятствовать, чтобъ онъ самъ не лишилъ себя жизни. Когда онъ нѣсколько успокоился, то провѣдывалъ о послѣднихъ минутахъ своей любезной. Онъ узналъ, что она имѣла такую пріятельницу, которая въ ея болѣзнь при ней была безотлучна. Несчастные охотно скорбь свою умножаютъ, разговаривая о томъ предметѣ, которой оную причиняетъ. Графъ чрезъ силу пошелъ въ монастырь и спросилъ о Амаліи. Добродѣтельная сія дѣвушка только что воздала Христинѣ послѣдній долгъ; она пришла въ пріемную залу, и узнала Графа по смущенному его лицу. ,, Безъ сомнѣнія вы господинъ Вертгеймъ, вскричала она! больше не могла она произнести ни слова, и слезы покатились изъ глазъ ея потоками. ,, Милостивая государыня, сказалъ ей Графъ, вы были единою пріятельницею дѣвицы Превалъ, вы были свидѣтельницею послѣднихъ ея минутъ: воспоминала ли она обо мнѣ, соболѣзно-

вала ли она о томъ состоянїи, въ которомъ меня смерть ея оставляетъ. Ахъ! государь мой, сказала ему Амалїя, естьли васъ что нибудь можетъ утѣшить, то сїе, что печаль, не быть вашею, довела до гроба несчастную мою прїятельницу. Она не могла перенести вѣчной разлуки; до самой послѣдней минуты она вами занималась. „ Сїя вѣдомость умножила горесть Графову. Чѣмъ драгоцѣннѣе онъ былъ для Христины, тѣмъ болѣзненнѣе была ему сїя потеря. Ему надлежало себя принудить ко оставленїю Амалїи; онъ бы охотно тамъ пробылъ нѣсколько дней, чтобъ съ нею разговаривать; но графиня Вертгеймъ прїѣхала похитить его изъ сего мѣста, и взяла его въ столицу, гдѣ все употребляла ко успокоенїю его духа, но ничто печали его не могло разсѣять. Умирающїй образъ Христининъ, которая изъ великой къ нему любви окончила жизнь свою, повсюду его преслѣдовалъ. Наконецъ оказалъ онъ желанїе ѣхать въ Мальту. Графиня подумавъ, что время и отсутствїе уменьшатъ его печаль,

ограничила свою нѣжность и позволила ему предпринять сїе путешествїе.

Нечаянная смерть Христины причинила госпожѣ Превалъ нѣкоторое безпокойство; она не могла утаить, что она тому была виновницей; но надлежало случиться жесточайшему удару, для возбужденїя въ сердцѣ ея тѣхъ грызенїй совѣсти, коимъ вскорѣ ее мучить надлежало; она оставила всѣ размышленїя, чтобъ предаться веселости скоро видѣть любезную свою дочь супругою Герцога. *** Ничто больше не препятствовало сему соединенїю, а Христинина смерть не токмо что оному не препятствовала, но еще ускорила совершенїю сего брака.

Уже дѣланы были приготовленїя со всѣмъ тѣмъ великолѣпїемъ, которое позволяетъ богатство. Послѣ печальнаго позорища слѣдовали только веселости и восхищенїя. Но сколь суетны предпрїятїя человѣческїя! разсудокъ ихъ, жадающїй повсечасно новаго, стремится уже къ будущему, и мыслитъ имѣть лестные предме-

ты. Когда смерть нанесетъ свой ударъ, то все познаетъ.

Думали, что дѣвица Превалъ наслаждается совершеннымъ здоровьемъ, но ужаснѣйшая болѣзнь, сей бичь разрушающій красоту, безпокоилъ ея мать. Она прибѣгнула къ славнѣйшимъ медикамъ. Начало болѣзни не было отчаянное, но на девятый день обстоятельствы сдѣлались гораздо опаснѣйшими, а въ послѣдующее утро лишилась она той дочери, для которой всѣмъ пожертвовала.

Она оказывала знаки величайшей горести. Сіи чувствованіи безъ сомнѣнія были совершенно справедливы, естьли бы только нѣжность, которую она имѣла къ своей дочери была единымъ предметомъ онаго. Она мгновенно нашла уничтоженными честолюбивыя ея умыслы, а рокъ еще жесточайшіе предполагалъ ей удары; она принуждена была прервать свои слезы, чтобъ защищать свое дѣло. Свойственники господина Превала, раздраженные ея свирѣпостію къ Христинѣ, требовали отъ нее подробнаго отчета, и она скоро нашла себя

лишенною большей части своего имѣнія, и допускаемою только небольшею частію выгодъ по законамъ довольствоваться. Но сколь была велика ея скорбь, когда она вокругъ себя осматривалась, и ничего кромѣ низкаго въ природѣ не находила. Всѣми была она презираема; тутъ открылись ея глаза, и свирѣпый ея поступокъ съ Христиною предалъ духъ ея всѣмъ мстительнымъ грызеніямъ совѣсти. Ночью терзали ее ужаснѣйшіе сны, и она производила великой крикъ. Часто казалось ей, что она преслѣдуетъ Христину, и не взирая на ея жалобы смертоносимымъ желѣзомъ понуждаетъ ее заживо войти во гробъ. Таковой страхъ похищалъ у нее сонъ, и потомъ проливала она токи слезъ.

Сія несчастная мать препроводила остатокъ печальныхъ дней своихъ въ непрестанныхъ мученіяхъ и грызеніяхъ совѣсти.

Ангелина,

истинная плачевная повѣсть.

О любовь! коликой жертвы ты стоишь человѣческому роду! Первыя украшенія природы отъ тебя увядаютъ! — — Ангелина! какимъ томленіямъ подлежало твое сердце! какая внутренняя скорьбь, какія вздохи и горькія слезы тебя изсушали, прекрасная! пока наконецъ отчаяніе окончило твои страданія!

Она съ младенчества своего была воспитана у одной родственницы въ монастырѣ. Еще съ малолѣтства уговаривали ее тамъ остаться, чего и родители ея чрезмѣрно желали, имѣя кромѣ ее пятерыхъ еще дѣтей. И такъ съ умноженіемъ ея лѣтъ умножались купно усилія ея родителей и увѣщаніе монахинь. Ни одна изъ сихъ святыхъ сестеръ не знала свѣта; каж-

дая изъ нихъ збивчиво представляла своимъ мыслямъ встрѣчающїяся въ ономъ огорченїя, и съ пустыми увѣщанїями толковала объ нихъ сей молодой дѣвушкѣ. Таковыя изображенїя и описанїя, представленныя Ангелинѣ о свѣтской жизни, возродили въ ней нѣкоторое отвращенїе къ оной. Она долго была нерѣшима; внутренняя склонность къ вольности, и мысль о всегдашнемъ спокойствїи всо еще намѣренїе ея удерживали, пока наконецъ двѣ изъ ея прїятельницъ, вознамѣрившїяся постричься, не возбудили также и ее послѣдовать своему примѣру. Она вмѣстѣ съ ними едѣлала сей обѣтъ, и вступивши въ сїе священное званїе, спокойно провождала жизнь. Отъ привычки полюбился ей монастырь, всѣ были ей прїятельницы, всѣ ее любили, и время ея непримѣтно протекало въ спокойныхъ дняхъ. Но сїе время продолжалось недолго; къ ея несчастїю пришелъ въ монастырь Вильгельмъ, для посѣщенїя своей тетки. При первомъ взлядѣ прилѣпилось сердце его къ Ангелинѣ, и всѣ его взоры, исполненные

любовїю, на нее только устремлялись. Она равное къ нему почувствовала; взоръ его наполнилъ ее неизвѣстною боязнїю. Она хотѣла тому воспротивиться, и зная свой обѣтъ, свое званїе, вознамѣрилась его убѣгать, угнести любовь свою; но не могла. Онъ во всякомъ мѣстѣ ее сыскивалъ, присутствїе его вездѣ ее преслѣдовало и всегда разрушало твердое ея намѣренїе.

Поступки его и плѣнительной видъ совсѣмъ ее поразили. Ангелина уже ничего больше не стала чувствовать, какъ утѣсняемую любовь.

Она получила отъ одной своей прїятельницы, которая не за долго передъ тѣмъ вышла за одного Совѣтника, въ подарокъ книжку, подъ названїемъ: *Вертеровы страданїя*, которую она часто прочитывая, плакала; но тогда сердце ея находило въ оной нѣкоторую себѣ пищу. Отъ сего до такой степени страсть ея возрасла, что она совсѣмъ не могла ей противустоять. Ангелина по сїе время все еще ее скрывала отъ своей

пріятельницы, но тогда уже силъ ей не доставало. Она была вмѣстѣ съ нею въ монастырѣ воспитана, и всѣ ея тайны были одной только ей извѣстны. Она надѣялась въ ея участвованіи получить себѣ нѣкоторое облегченіе, стѣсненное ея сердце хотѣло спокойствія, и такъ открываетъ она сію тайну своей пріятельницѣ.

1. Мнѣ больше несносно, сердце мое надсѣдается. Я люблю, я люблю! Мучительная сія тайна должна обнаружиться. Часто намѣрялась я открыть тебѣ оную, но въ самое то время, когда ты глазамъ моимъ представала, уничтожалось предпріятіе мое. Сколько я желала, чтобы примѣтила ты, что Вильгельмъ... Терезія! безъ него нѣтъ мнѣ никакого спокойствія, никакого благополучія! Всегда мечтается онъ моему воображенію, и всякая мысль занимается имъ. Укоризны твои были справедливы, что я тебя забыла. Ахъ, прости, прости мнѣ! теперь съ мучительнымъ усиліемъ желаю я твоего присутствія, въ объятіяхъ твоихъ

хочу оплакивать всю мою тоску, весь мой жребій. Поди сюда, любезная Терезія! поди сюда! На грудь твою излію я все мое сердце! Оно полно горести. Я все тебѣ раскажу! все, что я до сего времени отъ тебя скрывала. Спѣши ко мнѣ! подай мнѣ совѣтъ, будь моею путеводительницею, я во всемъ тебѣ предаюсь.

2. Мнѣ надлежитъ выкинуть его изъ своей памяти; я должна его совсѣмъ забыть, и, ежели сего не сдѣлаю, буду сдѣлаюсь несчастною. — Ето такъ ты думаешь? Нѣтъ! я и такъ уже довольно чувствую, что я несчастна; я довольно усматриваю, что навсегда оставило меня благополучіе. Терезія! не уже ли я отъ тебя сего утѣшенія ожидала? Оставленная сія дѣвушка, исполненная радостною мечтою, бѣжитъ въ обьятія своей пріятельницы, надѣется имѣть въ ней соучастницу, и открываетъ ей начертаніе будущаго бѣдствія. Ахъ! лучше бы ты сіе сокрыла!

Сколь сильно я сама съ собою боролась! Я противополагала ему свое

состоянїе, всѣми силами ему упорствовала, но тщетно. Все сїе упорство при первомъ взорѣ разрушается, все сїе постоянство, всѣ твердыя намѣренїя въ ничто обращаются! Ахъ, дражайшая! сжалься надо мною! ты не видишь жестокости моихъ страданїй.

3. Тебѣ жалко было, что ты меня опечалила. Смотри, дражайшая! я уже о томъ забыла; однако я весь вчерашнїй день была внѣ себя, и всю ночь о томъ плакала; но когда у него побываю, то всѣ горести меня оставляютъ.

Сегодня послѣ обѣда прошлися мы къ нашей бесѣдкѣ; а Вильгельмъ, сверхъ нашего чаянїя, велѣлъ тамъ приготовить вина и пирожнаго. Мы нечаянно застали набранной столъ. Вильгельмъ былъ очень веселъ, чѣмъ и насъ всѣхъ развеселилъ. Мы до усталости бѣгали по полю за бабочками, которыхъ назначили для пестраго моего ларчика. Потомъ сѣли мы въ кустахъ, приколачивали оные къ дощечкѣ, и притомъ довольно резвились. Возвращаясь назадъ метались мы жуками, и шалость наша была безмѣрна. Онъ всегда былъ около меня, и старался только со мною играть.

Когда мы послѣ ужина желали другъ другу покойной ночи, то сжалъ онъ мою руку, и сказалъ: я желаю, чтобъ вамъ что нибудь обо мнѣ приснилось. Кажется, я и кромѣ сна много объ немъ думаю! но хорошо, что онъ того не знаетъ.

4. Сколь онъ отмѣнно со мною противъ прочихъ обходится, и притомъ столько искусно, что никто того примѣтить не можетъ. Когда я бываю въ церквѣ, то становится онъ въ такомъ положенiи, чтобъ непримѣтно могъ меня видѣть; и тогда то взоры его всегда на меня устремлены. Передъ столомъ онъ до тѣхъ поръ со всякою черницею шутитъ, покамѣстъ подлѣ меня сядетъ. Тогда вступаетъ онъ въ разговоръ съ Кларою, которая садилася возлѣ него по другую сторону. Онъ столько въ нее вкрался, что въ послѣдствiе всегда будетъ сидѣть подлѣ ее. Добрыя сiи сердца совсѣмъ меня не подозрѣваютъ; ты знаешь, что я охотно всякую ласкаю, и никогда ничьего не нарушаю веселiя. Сiе самое столько ихъ ко мнѣ прилепило, что слишкомъ

меня любятЪ, и потому никакой ко мнѣ зависти имѣть не могутЪ.

5. Подлинно, Терезїя, тотЪ день былЪ мнѣ погубенЪ, вЪ которой прибылЪ сюда ВильгельмЪ! сЪ того самаго времени потеряла я все свое спокойствїе. Сколько я до сего была весела! Какое спокойствїе обладало моимЪ духомЪ; а теперь какїя томленїя, какїе вздохи и какїя желанїя мѣсто онаго заступили! КакЪ онЪ еще вЪ первой разЪ кЪ намЪ вошелЪ, что было вЪ самой полдень, то не столько на меня обращалЪ свои взоры; я сЪ трепещущимЪ говорила голосомЪ, когда мнѣ надлежало ему отвѣтствовать. СЪ того часа во всѣхЪ сердечныхЪ моихЪ удовольствїяхЪ обитаетЪ непрерывное печальное предчувствованїе, которое темными признаками предвѣщаетЪ мнѣ несчастїе.

ТакимЪ образомЪ довольно протекло времени; откровенное ея обхожденїе, и его кЪ ней горячность ежедневно умножались. Они всегда старались быть вмѣстѣ, и вЪ каждомЪ словѣ, вЪ каждомЪ взорѣ, вЪ каждомЪ жатїи рукЪ чувствовали

взаимную любовь. Вильгельмъ зналъ продлить свое пребыванїе на нѣсколько мѣсяцовъ. Хотя дѣла, которыя ему въ находящемся близъ монастыря городѣ исправить надлежало, были окончаны; однако онъ не могъ отъѣхать. Мысль о разлукѣ погрузила его въ глубочайшую печаль. Его отецъ началъ уже нѣсколько его подозрѣвать; Вильгельмъ претерпѣваетъ отъ него колкїе выговоры. Сїе наконецъ стало ему несносно, и такъ спустя нѣсколько дней, рѣшился поѣхать. Ангелина примѣтила въ немъ тайное уныние, и оказывала Терезїи свое о томъ безпокойство.

6. Что съ нимъ сдѣлалось! ежедневно становится онъ тише и задумчивѣе. Часто слезятся его глаза; онъ при воззрѣнїи на меня испускаетъ вздохъ; когда же видитъ, что я примѣчаю, то старается скрыть свою печаль, притворясь веселымъ. Смущенїе сїе и меня заразило; я должна плакать, когда бываю одна; оно угнѣтаетъ мое сердце.

7. Что изъ меня сдѣлается! Онъ долженъ черезъ нѣсколько дней отпра-

виться; онъ получилъ письма, которыя отсюда его увлекаютъ. Теперь то я чувствую, сколь онъ мнѣ любезенъ, когда я должна его лишиться. — Лишиться! при сей мысли горесть моя необъятна: лишиться!

8. Я не могу дойти до причины, побуждающей его теперь всюду меня убѣгать; ибо до сего всячески онъ старался со мною видѣться. Сїе ввергаетъ меня въ бездну мыслей, умножающихъ мое бѣдствїе, подъ коимъ я стенаю. Цѣлые два дни не выходила я изъ кельи своей. Я не могу въ присутствїи всѣхъ быть съ нимъ. Я бы не могла удержаться, чтобъ громко не возрыдать, увидѣвъ его и помысливъ о нашей разлукѣ.

У насъ былъ лѣкарь, за коимъ для меня тайно было послано; а чтобъ отъ меня сїе скрыть, то мнѣ сказали, что онъ прїѣхалъ увидѣться съ роднею. Онъ говоритъ, чтобъ я больше прохаживалась; болѣзнь мою приписываютъ задумчивости. Хорошо, что имъ такъ вздумалось. Представь

себѣ, любезная Терезїя! естьли бы узнали того причину, что бы со мною произошло! Добрыя сїи души много обо мнѣ заботятся, всячески стараются мнѣ помочь, но не знаютъ, что ихъ всѣ труды тщетны, что болѣзнь моя въ душѣ, что весь свѣтъ оной исцѣлить не можетъ.

9. Нѣтъ его! Онъ севодня уѣхалъ, и вся душа моя за нимъ послѣдовала —

Вчерашнимъ вечеромъ надлежало мнѣ сойти къ нему, чтобъ въ послѣднїе съ нимъ повидаться. Я говорила, что мнѣ нѣсколько легче; но ты знаешь, о Боже! каково мнѣ было! Послѣ обѣда пили на прощанїи за здоровье; я того не могла переждать; трепетъ во мнѣ повсемѣстно распространялся, ежеминутно лице мое перемѣнялося, холодный потъ изъ меня выступалъ, такъ что я должна была усиливаться, чтобъ не закричать. Мое состоянїе примѣтили, и лишенную всѣхъ чувствъ вывели меня вонъ. Онъ проводилъ меня до самой кельи, и все собранїе въ безпорядкѣ за нами толпилось.

Севодня пришелъ онъ ко мнѣ проститься. Клара и двѣ сестры Вейманны были тогда при мнѣ. Онъ изумился, нашедъ у меня сіе нечаянное посѣщеніе. Любезная Терезія! сколь досадно было мнѣ неблаговременное присутствіе сихъ любезныхъ! Я бы, кажется, выслала ихъ вонъ изъ своей кельи, чтобы довольно на его прощанье наплакаться. Оно нѣсколько опамятовался, заводилъ разные резговоры, выжидая удобнаго времени со мною проститься, какъ вошла къ намъ служанка, и сказала ему, что его ожидаютъ въ низу. Онъ съ торопостію вскочилъ, и поцѣловавъ мою руку сказалъ: живите благополучно! Мы скоро опять увидимся; старайтесь, чтобъ я васъ тогда нашелъ въ лучьшемъ состояніи. Слезы изъ глазъ его пустились, и онъ оставилъ меня въ великомъ замѣшательствѣ. Всѣ плакали и послѣдовали за нимъ. О какое было сіе для меня благодѣяніе! за то воздастъ имъ Богъ. Я же осталася въ кельи, и надсѣдалась рыданіями.

Когда онъ хотѣлъ отъѣхать, подкралась я тихонько къ одному окошку, изъ котораго можно было его видѣть. Онѣ всѣ его провожали. Онъ обнялъ еще свою тетку и поцѣловалъ ее. Другія сжимали его руки, и отирали свои слезы. Онъ до внутренности своего сердца будучи тронутъ, бросился въ коляску, и держа платокъ передъ лицемъ своимъ, отъѣхалъ. Я думала, упаду; столь колѣни мои подламывались! Преисполненна величайшей тоски, бросилась я на постелю. — Непостижимая горесть обитаетъ во всѣхъ моихъ чувствахъ. Ахъ! естьли бы въ одныхъ только вздохахъ могла я окончать горестную свою жизнь! Я всего теперь лишилась, всего! ничего больше мнѣ не остается!

Она не могла переносить его отсутствія. Терезія часто ее посѣщала, но никакой помощи не приносила. Состояніе ея ежедневно дѣлалось злѣйшимъ: безпрестанный плачь, всегдашнія желанія и тяжкіе вздохи совсѣмъ ее изнурили; здравіе ея совершенно отъ сего истощилось. Въ

сїе время она однажды только писала къ Терезїи.

10. Ахъ почто я отреклася свѣта! Почто родители мои, имѣя больше свѣденїя, тому не воспрепятсвовали! Они пагубѣ меня пожертвовали. — Трудно ли было уговорить къ тому ничего не извѣдавтую дѣвушку, которая будучи воспитана въ монастырѣ, знаетъ только то, что около себя видитъ, и единую свою радость въ ономъ находитъ! Многїе при такомъ поступкѣ никакого злова умысла не имѣли; но горѣ тѣмъ, которые иначе предвидѣвъ тому не воспрепятствовали. Совѣсть будетъ ихъ угрызать, они сдѣлали меня несчастною; я погибла во всю жизнь: не осталось мнѣ счастливаго дня.

Прибытїе Вильгельмово въ домъ причинило ему много досады. Его любила одна дѣвушка, наслѣдница великаго имѣнїя. Онъ прежде, нежели узналъ Ангелину, льстилъ всегда ея склонности, и обходился съ нею довольно откровенно. Отецъ его всегда помышлялъ о ихъ бракѣ; а примѣтивъ въ немъ по его прїездѣ къ

ней холодность, съ усиліемъ на то его понуждалъ. Вильгельму не возможно было его не послушаться, и онъ разрывался съ раскаяніемъ, что поспѣшилъ пріобрѣтеніемъ такого сердца, которое ему теперь стало величайшимъ бременемъ. Ея къ нему нѣжность, ея любовь, которою она къ нему токмо пылаетъ, и всѣ ея страданія, которыя она терпитъ отъ перемѣны его сердца, несказанно душу его терзали. Сіе наконецъ принудило его рѣшиться съ нею на бракъ; но до наступленія онаго еще однажды хотѣлъ онъ посмотрѣть на Ангелину, чтобъ вѣчно съ нею проститься. Повсеминутное желаніе ее видѣть безпрестанно къ тому его побуждало. И такъ подъ видомъ нѣсколько пробыть въ деревнѣ, возвратился онъ въ монастырь, и нашелъ Ангелину въ печальнѣйшемъ состояніи.

11. Любезная Терезія! онъ противъ прежняго совсѣмъ перемѣнился. Часто онъ по цѣлому часу бываетъ наединѣ съ своею теткою. Они конечно что нибудь между собою имѣ-

ютъ важное. Вчера были у нее закраснѣлые глаза; видно она много плакала! — — О естьли то правда, о чемъ они поговариваютъ! — Терезія! говорятъ, что онъ обручился; отецъ его къ тому принудилъ; браку положено быть чрезъ нѣсколько недѣль, и Вильгельмъ хочетъ отступить — — Я въ трепетъ прихожу, когда о томъ помыслю. — — Будто я тому причиною! Я одна причиною столь великихъ золъ! — Я не иначе и думаю.

1?. Состояніе мое дѣлается мнѣ отъ часу несноснѣе, все окружающее меня мнѣ ненавистно, внутренность моя чувствуетъ бѣдствія, разрушающія человѣчество. — —

Когда я себѣ представлю, что я отъ свѣта такимъ образомъ оставляюсь въ неизвѣстности, совершенно отъ человѣческаго общества изгнанна, здѣсь во уединеніи въ самомъ цвѣтѣ моего возраста увядаю, и здѣсь безъизвѣстна и безъоплакиванна, должна окончить въ печаляхъ жизнь свою. Ахъ! любезная Терезія! я упадаю подъ бременемъ моего нес-

частія, и испускаю кровавыя слезы; однако онѣ никакого облегченія не доставляютъ. Мѣра золъ моихъ преисполненна; тѣ будутъ за то отвѣтствовать, которые тому виною.

13. Вертеръ есть единымъ моимъ утѣшеніемъ, единою прохладою болѣзненному моему духу. Между его приключеніями и нашими участями ежедневно нахожу я большія сходства.

Лотта! естьли бы ты могла почувствовать, что твой Вертеръ за тебя собою пожертвовалъ; за тебя! я чувствую, что то значитъ: за тебя! по любви къ тебѣ! губительная горесть, свирѣпствовавшая въ его внутренности, страхъ отчаянной любови, обуревавшій теченіе его мыслей, коль жестокими истязаніями терзали бремя его жизни! Изъ каждаго слова, изъ каждаго голоса я чувствую выраженіе его души, и повергаюсь отъ того въ ужаснѣйшее забвеніе.

Любезный Вертеръ! признай во мнѣ твою страждущую сестру! непреоборимая скорбь, напрягающая сви-

ревнствующею страстiю всѣ мои чувства, неукоснительно повергаетъ меня въ погибель.

Великiй Боже! съ какою горячностiю умоляла я тебя о силѣ къ упорствованiю. Я стенала, и со слезами излагала предъ тобою стѣсненное сердце; ты знаешь сiю бѣдную и слабую дѣвицу; она изнуряетъ себя мученiями, она сокрушается; она не можетъ тому противостоять. Спаси ее, прими къ себѣ безпомощную ея душу!

Молись за меня, Терезiя! я уже не въ силахъ.

14 Вчера онъ ввечеру ждалъ меня подъ длиннымъ переходомъ; онъ взявъ мою руку, цѣловалъ ее, обливая слезами. Потомъ будучи исполненъ крайнимъ отчаянiемъ, началъ говорить: Ангелина! я несчастливъ! сожалѣй обо мнѣ! — Я чуть было не упала при сихъ словахъ; столько они для меня были поразительны! Я хотѣла отнять сiю руку, но онъ крѣпко ее держалъ, съ горячностiю прижалъ къ своему сердцу, и болѣе не говоря ни слова, пошелъ. Терезiя!

я никогда не видала его въ такомъ положенiи. Онъ имѣлъ мнѣ нѣчто сказать, и тягостно ему было, но не могъ. Я легко угадала, что то значитъ; однако не смѣю больше о томъ подумать, не лишась всѣхъ чувствъ.

Вильгельмъ получилъ отъ отца нечаянно письмо, наполненное жестокими выговорами, что пребываетъ въ монастырѣ. Онъ хотѣлъ тому сдѣлать конецъ; и на третiй день взять его къ себѣ. Каждое слово разрывало грудь его. Вся та любовь, вся та склонность, которую онъ усматривалъ во всякой чертѣ у Ангелины, столько его къ ней прилѣпили, что онъ не могъ ее оставить. Всѣ чувства его были связаны; тяжкое предпрiятiе, на вѣки съ нею проститься, совершенно угасло. Онъ болѣе о томъ не помышлялъ, думалъ только о Ангелинѣ, и чувствовалъ только свою склонность. Уже нѣсколько дней было у него въ мысляхъ ее увести; но исполненiе онаго всегда отлагалъ, покамѣстъ отцовское письмо не прервало его не-

рѣшимости. Онъ еще тогожъ самаго вечера хотѣлъ въ томъ открыться и по окончанїи стола ждать ее подъ переходами; но можетъ быть она долго промѣшкала выходомъ, то и опасался онъ какого нибудь препятствїя, и потому свое намѣренїе отсрочилъ до слѣдующей ночи.

15. Вильгельмъ въ неболшой своей запискѣ просилъ у меня позволенїя. Я тогда не знала, что сдѣлать съ его прозбою. — Онъ пишетъ, что имѣетъ мнѣ сказать нѣчто важное, до меня касающееся. — Терезїя! что бы это было такое? Я о томъ думаю и мучу голову свою заключенїями; однако ничего чрезъ то узнать не могу. Я ему не отвѣчала; трепещу, чтобъ онъ не прїѣхалъ, но того желаю.

Въ одиннатцатомъ часу пришелъ онъ къ ея двери; она его ожидала, и вставши съ трепетомъ, отворила тихо дверь, опасаясь, чтобъ она не заскрыпѣла. Онъ вошелъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и сказалъ ей: извините меня, любезная Ангелина, въ позднюмъ посѣщенїи. Я о

томъ васъ просилъ; но вы мнѣ никакого на то отвѣта не прислали. Страхъ, чтобъ васъ не обидѣть, могъ бы меня удержать, естьли бы я не имѣлъ нѣчто на сердцѣ вамъ открыть, и продолженїе чего отлагать больше не смѣю. Она скрывая свое безпокойствїе, просила его сѣсть; онъ сѣлъ подлѣ нее.

Вы безъ сомнѣнїя примѣтили, продолжалъ онъ, что я имѣю нѣчто вамъ сказать. Вчерашнїй вечеръ прождалъ я васъ съ твердымъ предпрїятїемъ вамъ оное открыть. Долго прошло времени, покамѣстъ вы пришли; а я находясь одинъ, былъ исполненъ и упражненъ всѣми печальными размышленїями. Я подошелъ къ вамъ, хотѣлъ говорить, но чрезмѣрныя мои чувствованїя прервали мои слова, и принудили меня не открывшись вамъ удалиться.

Вы всякому наведете страхъ своимъ предъувѣдомленїемъ, прервала его рѣчь Ангелина съ принужденнымъ спокойствїемъ, причемъ старалась утѣшать возрастающую свою тоску.

Ангелина! прервалъ онъ, взявъ ее за руку, чтобъ она внимала. Я долженъ жениться, отецъ мой того требуетъ, онъ выбралъ мнѣ богатую дѣвушку; она не имѣетъ недостатку въ красотѣ и воспитанiи, также одарена плѣнительными поступками. Я думалъ, что ее люблю, и всьо въ такихъ мысляхъ былъ, пока не увидѣлъ васъ; но теперь имѣю я только одну Ангелину, одну только ее въ свѣтѣ. — Но что вы можете отъ меня ожидать, сказала она запинаясь. Вы видите мое состоянiе, невозможность. . . Какъ потекшiя слезы прервали ея слова; она отворотилась и обѣими руками закрыла платкомъ лице. Онъ болѣе воспалился: Ангелина! продолжалъ онъ, завтре прiѣдетъ за мною отецъ, я долженъ отсюда удалиться, онъ того хочетъ, онъ хочетъ разлучить насъ вѣчно! вѣчно! —

Ангелина! я вижу только безконечное отчаянiе, не возможно, я не въ силахъ . . . . Онъ хотѣлъ говорить далѣе, но она прервала его слова; оставьте меня! ради бога оставьте!

Слово оставить, исполненное внутренней горести, поразило всѣ члены его. Ангелина! Ангелина! вскричалъ онъ, я погибъ, когда вы меня оставите! Онъ отхватилъ отъ лица ея руки, и съ великою горячностїю оныя цѣлуя, опустилъ свою голову на ея колѣни. Онъ горестно плакалъ, и члены всѣ его дрожали. Состоянїе его привело и ее въ ужасное положенїе. Чувствуемая ею горесть столь громко побудила ее рыдать, что въ ближнихъ кельяхъ было слышно.

Шумъ отъ топанья манахинь привелъ ихъ въ чувство: нечаянный страхъ всѣ ея чувства разстроилъ, она вскочила: — подите Вильгемъ! вы сдѣлайте меня несчастною! сказавъ сїе отъ него вырвалась. Онъ стоялъ безмолвленъ, потомъ съ горестїю сказалъ ей: живите благополучно! заскрыпелъ зубами и взявъ шляпу закричалъ въ бѣшенствомъ: вы меня оставили, я васъ лишился! — увы! — Мнѣ болѣе ничего не остается, какъ . . . Онъ ударилъ себя въ лобъ, бросилъ на нее дикой и отчаяной взоръ; и внѣ себя побѣжалъ изъ дверей.

Онъ хотѣлъ ей открыть свое намѣренiе съ нею проститься, и приготовить ее къ тому разсказанiемъ своей повѣсти; но воспрепятствовало несчастное пришествiе Монахинь. Теперь онъ болѣе не могъ надѣяться ни на какой случай; онъ зналъ, что неприклонный его отецъ, подозрѣвающiй его въ любви, которою онъ имѣетъ въ монастырѣ, безотсрочно на другой день его съ собою возметъ.

Ангелина хотѣла его назадъ кликнуть, но ужасъ овладѣвшiй ею отъ пришествiя ея сестръ отъ того ее удержалъ. Двѣ монахини испугавшись крѣпкаго припадка, по причинѣ Ангелиненой жестокой задумчивости, и частыхъ обмороковъ, поспѣшили ей на помощь. Онѣ застали ее лежащую на полу, и покрывшую руками въ слезахъ лице. Шляпа Вильгельмова лежала у дверей, онъ ее въ безпамятствѣ уронилъ. Сiе привело ихъ въ изумленiе и подало имъ нѣкоторое свѣденiе о произшедшемъ. Онѣ подняли Ангелину, которая преисполненна величайшей горести, открывъ глаза, вскричала: Вильгельмъ! Виль-

гельмъ! и упала къ нимъ на руки. Онѣ положили ее на постелю и выбѣжали искать помощницъ.

Ангелина опять пришла въ себя. Лишенiе всей надежды, темное представленiе неумышленныхъ ея бѣдствiй, и подлинное свѣденiе прочихъ о ея любьви утѣсняло волнующiйся ея духъ, подобно страшному сну. — Трепетъ всѣми чувствами ея овладѣлъ, она вскочила, тысячи мыслей ее заняли: взоръ ея сестеръ, стыдъ быть отъ нихъ презренной, немилосердно ее терзали. Она представляла себя ругаемою отъ своихъ прiятельницъ, вѣчно разлученною съ любезнымъ своимъ Вильгельмомъ, и бѣдственно между всѣми тварями погибающею. Она съ дикостiю бѣгаетъ по кельѣ, слышитъ пришествiе людей. Сiе приводитъ ее въ крайнее отчаянiе; она стремительно прискочила къ окошку, открыла оное и вдругъ изъ него выскочила.

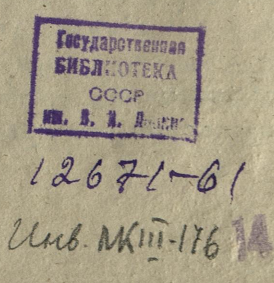
Начальница увѣдомясь о худомъ ея состоянiи, прибѣжала къ ней съ нѣсколькими прiятельницами онѣ съ трепетомъ усмотрѣли отчаянное сiе

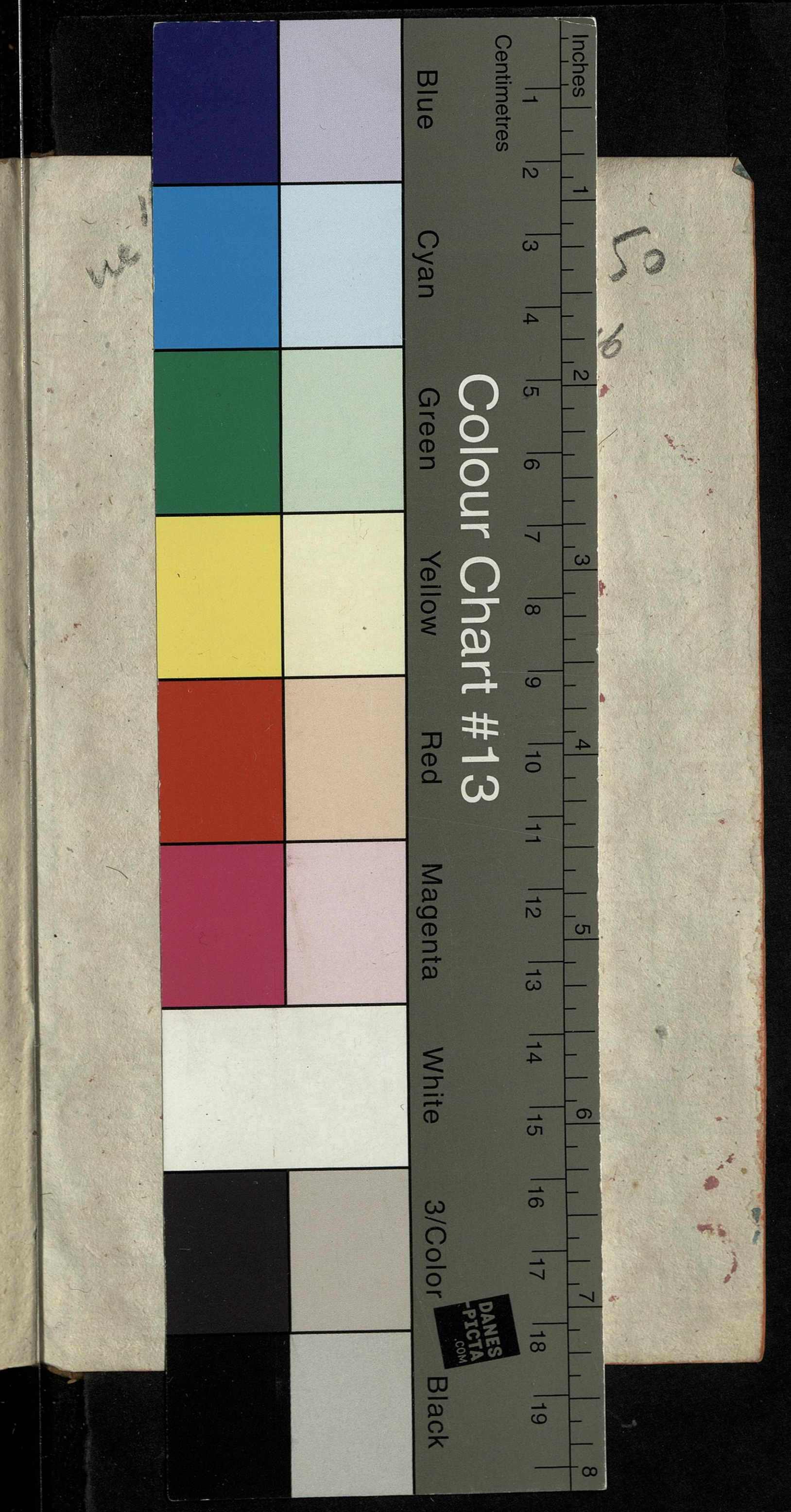
предпріятіе, а величайшій ея крикЪ возмутилЪ весь монастырь.

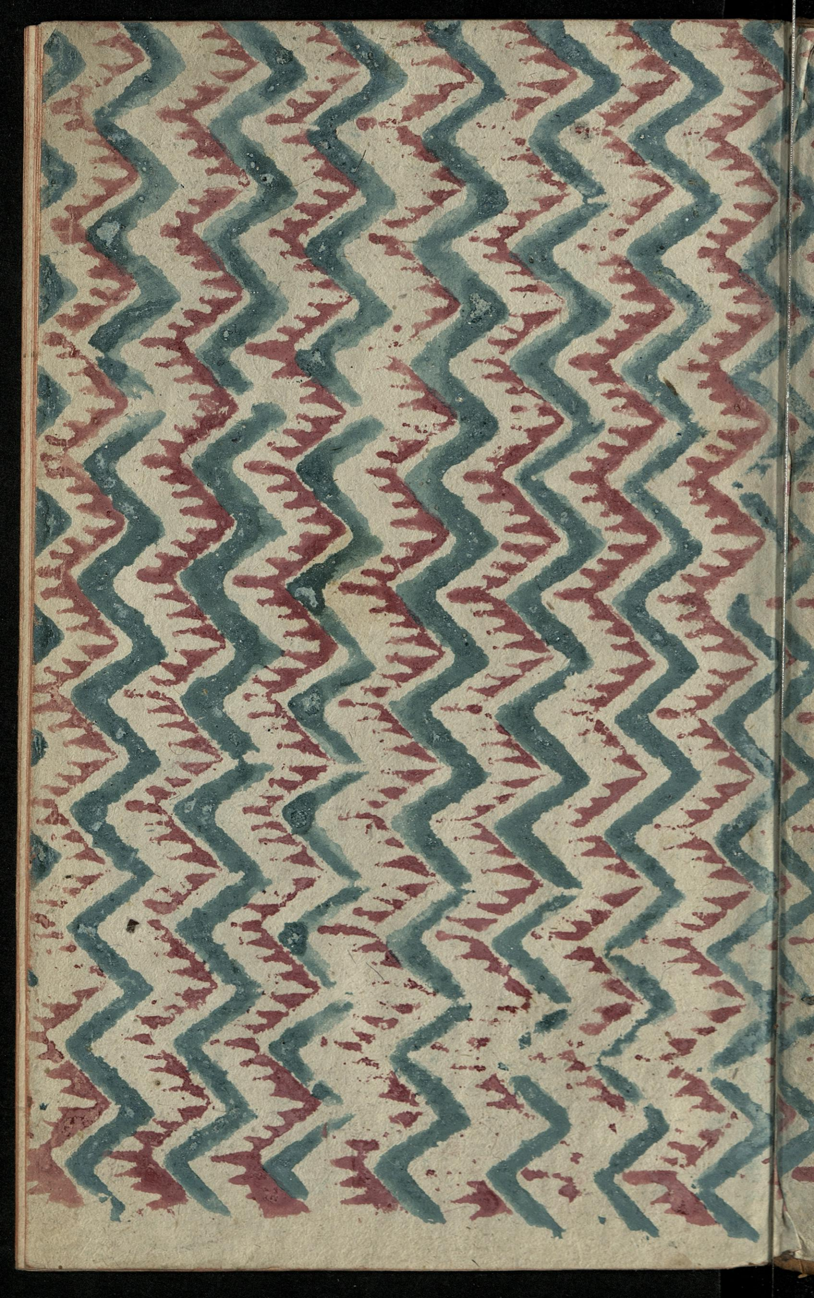
Она упала вЪ ровЪ окружающій монастырь, и поутру вЪ восемь часовЪ найдено было тѣло.

ДокторЪ сказалЪ, что причиною сему ея болѣзнь, и что потому тѣло ея быть можетЪ погребено вЪ Монастырѣ. ВЪ вечеру была она погребена. Всѣ плакали ее лишившись. Терезія была безъутѣшна, а ВильгельмЪ впалЪ вЪ горячку

Плачь, дѣвица! нѣтЪ уже сей несчастной. Любезной юноша! посвяти ей чувствительную слезу! Она стоила лучшаго жребія

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.

